

Алик Толчинский

**ДВА
ГЕНИЯ**

Алик Толчинский

**ДВА
ГЕНИЯ**

БОСТОН • 2008 • BOSTON

Алик Толчинский *Два Гения*
Dva Geniya by **Alik Tolchinsky**

Copyright © 2008 by Alik Tolchinsky
Copyright © 2008 by M•GRAPHICS PUBLISHING

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1-934881-06-4

Library of Congress Control Number 2008926146

Published by M•GRAPHICS PUBLISHING
www.mgraphics-books.com
info@mgraphics-books.com

Печатается в авторской редакции

Дизайн обложки: А. Толчинский и П. Крайтман

Отпечатано в США

СОДЕРЖАНИЕ

Бенвенуто ЧЕЛЛИНИ	7
Киносценарий	
Неудавшийся ЭКСПЕРИМЕНТ	95
Повесть	

**Бенвенуто
Челлини
(киносценарий)**

Вечер. За столом, заваленным инструментами, сидит Бенвенуто Челлини, чеканит медальон и диктует сидящему у окна мальчику.

БЕНВЕНУТО: Я думаю, что все люди всяческого рода, которые сделали что-либо доблестное или похожее на доблесть, должны бы, если они правдивы и честны, своею собственною рукою описывать свою жизнь... Написал?

МАЛЬЧИК: Да, мессер.

БЕНВЕНУТО: Пиши далее... Первое, что я хочу поведать — что меня зовут Бенвенуто Челлини, я сын маэстро Джованни, сына Андреа, сына Кристофана Челлини. Мать моя — мадонна Элизабетта, дочь Стефано Граначчи. И тот и другая — флорентийские граждане...

(Замолкает, продолжая работу)

...флорентийские граждане... м-да.., так что я горжусь, что происхожу из доблестных людей, но еще более горжусь тем, что родившись простым, я положил своему дому некоторое почтенное начало...

(Мальчик заканчивает писать и смотрит в окно, Бенвенуто разглядывает медальон)

...Пиши: Хотя отец мой очень желал, чтобы я стал музыкантом, я имел к этому занятию неопишемое отвращение. Однако единственно, чтоб слушаться, играл и пел. Но влекло меня ювелирное мастерство, и в 15 лет я поступил в золотых дел мастерскую Антонио ди Сандро.

* В основу сценария положен перевод М. Лозинского

**Мастерская, где сидят за работой несколько учеников.
Бенвенуто рисует орнамент из цветов, рядом лежат
другие его рисунки.**

АНТОНИО (*своему сыну, молодому человеку лет 24*): Ты видел вчерашний рисунок Бенвенуто? Там фантазия из жизни Диониса. Парень, кажется, талантлив. Ты смотри, чтобы его здесь не обижали.

СЫН: Как же! Его обидишь. Сам драчун отменный. А брат его Чеккино уже известен в городе своими проказами. Боюсь, как бы он не довел Бенвенуто до беды. А вот и он, легок на помине.

(В окне виден высокий, хорошо сложенный подросток со шпагой. Он оглушительно свистит и машет рукой Бенвенуто, чтобы тот выходил. Бенвенуто высовывается в окно).

ЧЕККИНО: Пошли в порт. Пришел корабль из Генуи.

БЕНВЕНУТО: Подожди, я заканчиваю рисунок.

ЧЕККИНО: Долго?

БЕНВЕНУТО: Нет, в пять минут управлюсь.

ЧЕККИНО: Я пойду потихоньку, догоняй.

Чеккино идет по улице, мелькают прохожие. Неожиданно из открытых ворот с визгом летит собачонка. Чеккино наклоняется ее погладить. Окрик: «Не трожь!» Чеккино поднимает голову. В трех шагах от него Пьетро, молодой человек лет двадцати с группой приятелей.

ПЬЕТРО: Чего глядишь? Катись отсюда!

ЧЕККИНО: Кто жесток с собакой, тот сам достоин, чтобы с ним так же обращались.

ОДИН ИЗ ГРУППЫ: Поди сюда, щенок, мы тебе уши обрубим, а когда вырастешь, будешь похож на породистого пса.

(Общий хохот в группе)

ЧЕККИНО (*обнажает шпагу*): Вот я сейчас проткну твой бурдюк с прокисшим вином. Пусть твои приятели попробуют, что у тебя в потрохах!

ПЬЕТРО (*лениво*): Ну-ка, синьоры, шире круг! Я проучу этого крысеныша.

(Вытаскивает шпагу)

Не бойся, я тебе только срежу панталоны, чтобы легче было ходить на горшок.

(Чеккино в бешенстве бросается на Пьетро, теснит его, тяжело ранит и продолжает теснить. Приятели разбегаются в стороны и швыряют в Чеккино камни. В тот момент, когда в начале улицы появляется Бенвенуто, камень попадает Чеккино в голову, и он падает без чувств. Бенвенуто подбегает, поднимает шпагу и не дает никому из группы подойти к Чеккино. Появляются солдаты, разгоняют толпу и помогают Бенвенуто взвалить Чеккино на плечи. Бенвенуто относит брата домой.)

Совет Восьми во дворце

СЕКРЕТАРЬ: Вызываются братья Челлини и Пьетро Киволи.

(Бенвенуто, Чеккино и Пьетро в сопровождении родственников и друзей входят в зал.)

Совет постановляет: за нарушение порядка и спокойствия, которое имело место в Христово воскресенье числа 18 месяца июня, приговорить Пьетро Киволи к высылке из Флоренции на четыре года, а братьев Челлини — на полгода. Решение окончательное и обжалованию не подлежит.

Братья ведут по дороге ослика с поклажей, выходят из ворот Флоренции. Дорога. Вечереет. Они подходят к Сиене. Входят в город. Идут на площадь. Челлини спрашивает мастерскую ювелира Франческо Касторо. Подходят к дому, стучат. Появляется хозяин — Франческо.

БЕНВЕНУТО: Вы помните меня, маэстро? Я два года назад убежал от отца и несколько дней работал в вашей мастерской. Вы тогда меня похвалили за перстень с печаткой. Вот, нас выслали из Флоренции, но мы не виноваты, я вам все расскажу.

ФРАНЧЕСКО: Конечно я тебя помню, мой мальчик. Располагайся в нижней комнате и завтра с утра можешь приниматься за работу. У нас сейчас много заказов. Живи у меня, сколько тебе потребуется. А это кто с тобой?

БЕНВЕНУТО: Это мой брат. Он знает латынь и, может быть, ему найдется работа в монастырской библиотеке...

ФРАНЧЕСКО: Ну, хорошо. Устраивайтесь вместе.

(Кричит в дом):

Паола, иди устрой мальчиков.

Мастерская. Бенвенуто работает над небольшим перстнем. Входит Чеккино.

ЧЕККИНО: Бенвенуто, нам разрешили вернуться домой, но мне, откровенно говоря, не хочется. Я думаю поступить на военную службу. А ты что решил?

БЕНВЕНУТО: Ужасно жаль отца. Боюсь, он заболит, если мы оба не вернемся. Хоть мне и досадно бросать работу, но на следующей неделе мы уедем.

**Дом Челлини. Сидят две сестры Бенвенуто.
Вбегает Чеккино.**

ЧЕККИНО: Поздравьте меня. Я принят на военную службу.

СЕСТРЫ (*перебивая друг друга*): Ты с ума сошел. Отец столько денег потратил, чтобы выучить тебя латыни. Неужели тебе не жаль отца? И какой ты воин? Тебе еще и семнадцати нет. Я удивляюсь, право, кто тебя нанял!

ЧЕККИНО: Молчите, сороки. Вы ничего не смыслите в мужских делах. Плохо только, что мне не во что одеться. Я буду выглядеть как нищий. Ха! Я придумал! Я возьму камзол и плащ Бенвенуто!

СТАРШАЯ СЕСТРА: Как тебе не стыдно, Чеккино! Бенвенуто столько времени трудился, чтобы отложить деньги на их покупку, а ты хочешь взять его вещи без разрешения.

ЧЕККИНО: Не хочу, а беру. А брат — человек талантливый. Он зарабатывает еще.

(Наверху слышны шаги. Отец спускается по лестнице)

Ну, все, пока! Меня здесь не было.

(убегает)

ОТЕЦ: Кто приходил? Чеккино?

СТАРШАЯ СЕСТРА: Да. Он забрал вещи Бенвенуто и убежал. Он сказал, что его приняли на военную службу.

ОТЕЦ (*садится*): Неужели было трудно позвать меня? Я бы его отговорил...

МЛАДШАЯ СЕСТРА: Папа, вы ведь знаете Чеккино. У него ветер в голове.

СТАРШАЯ СЕСТРА: А мне кажется, что он никого, кроме себя, не любит.

МЛАДШАЯ СЕСТРА: А я считаю, что даже хорошо, что он пошел в солдаты. Там его будут держать в строгости.

ОТЕЦ: Мне обидно за Бенвенуто, который столько трудится, чтобы мы все не знали нужды... Все вышло неприлично... Отвратительно.

(Входит Бенвенуто. Одна из сестер подымается слить ему воду на руки, другая ставит ужин)

БЕНВЕНУТО *(начинает есть)*: Как вы себя чувствуете, папа?

ОТЕЦ: Немного мучает поясница.

БЕНВЕНУТО: Сегодня мне, наконец, удалось сделать инкрустацию на рукоятке кинжала для мессера Руффо, как я хотел. Теперь можно отдохнуть и попраздновать. Сильвия, достань мой камзол, я пойду ко дворцу дождей, погуляю с друзьями.

МЛАДШАЯ СЕСТРА: Но...

ОТЕЦ: Сынок, выслушай меня. Тут без тебя приходил Чеккино, он взял твою одежду.

БЕНВЕНУТО: Что? Как он посмел! И вы, отец, ему разрешили!

ОТЕЦ: Подожди, сынок. Я не знал об этом, я сидел наверху...

БЕНВЕНУТО: Я сейчас этой скотине уши обрежу! Куда он пошел?

(Сестре)

Ну? Говори быстро!

ОТЕЦ: Сынок мой, Бенвенуто! Подожди, не горячись. Мне самому это очень досадно. Ты мой самый любимый сын...

БЕНВЕНУТО: И поэтому вы допускаете, чтобы мне чинили такие великие неприятности?

ОТЕЦ: Бенвенуто, вспомни: самим Богом предписано — у кого есть добро, дает тому, у кого нет. Ради твоей любви ко мне я прошу простить его, и всемогущий Бог воздаст тебе за это сторицей.

БЕНВЕНУТО *(вскакивает)*: Хватит с меня!

(Рыскает по комнате, собирает вещи и деньги)

Я вижу, Чеккино намного дороже вам, чем я. Прощайте!

(Хлопает дверью).

**Мастерская братьев Гуасконтти — Сальвадоре и Микеле.
Первый держит в руках работу Бенвенуто.**

САЛЬВАДОРЕ: Ну как, нравится?

МИКЕЛЕ: Это сделал он? Невероятно!

САЛЬВАДОРЕ: Я думаю продать эту вещицу за двадцать скудо, что принесет нам пятнадцать скудо чистого дохода. Этому дураку и невдомек, что с его руками он мог бы жить, как Герцог.

МИКЕЛЕ: Тише, вот он идет.

(Входит Бенвенуто)

БЕНВЕНУТО: Мессер, могу я получить деньги за свою работу?

САЛЬВАДОРЕ: Вообще-то у меня не в правилах платить за вещь, пока она не продана. Тем более, что я вижу в ней много недостатков...

БЕНВЕНУТО: Простите, мессер, но я работал над ней два месяца и, думаю, вряд ли кто из известных мне мастеров сделал бы лучше...

МИКЕЛЕ *(усмехается)*: Да, скромности тебе не занимать!

САЛЬВАДОРЕ: Сколько же ты хочешь получить за работу?

БЕНВЕНУТО: Я хотел бы получить не менее восьми скудо.

САЛЬВАДОРЕ *(с ужасом)*: Ты шутишь! Она столько стоит вместе со всем золотом, которое я тебе дал. Четыре скудо, и будь благодарен.

БЕНВЕНУТО: Давайте четыре скудо, и ноги моей не будет больше у вас.

(С горечью)

Благодетели. Раззвонили по всему городу, что осыпали меня своими милостями, а за два года работы нажили на мне не меньше тысячи скудо. Думаете, я не знаю цены своим вещам?!

МИКЕЛЕ: Ты пожалеешь о своих словах! Я слышал, что эту ерунду ты городил на рынке. Берегись! Мы тебе обрежем язык! Держи свои деньги.

(Бросает деньги на стол).

БЕНВЕНУТО: Я не из пугливых

(Забирает деньги и уходит).

Базарный день. Бенвенуто стоит облокотившись у лавки братьев Гуасконтти. Из лавки выходят Микеле и его двоюродный брат Герардо.

МИКЕЛЕ: Что тебе здесь надо? Убирайся отсюда!

БЕНВЕНУТО: Улица принадлежит всем. Где хочу, там и стою.

ГЕРАРДО: Чем стоять так праздно, начал бы просить милостыню. Вдруг кто-нибудь и подаст.

БЕНВЕНУТО: Хотя я и не такой богатый, как вы, но сам могу подать кому угодно.

МИКЕЛЕ: Посмотрим, долго ли ты продержишься без работы. Не болтал бы о порядочных людях всякий вздор, то и сейчас бы работал у меня.

БЕНВЕНУТО: Если бы вы со мной поступали, как должно, то я и сказал бы, что вы хорошие и честные люди. А так — пеняйте на себя...

(Мимо лавки провозят вьюк кирпичей. Микеле моргает Герардо и тот сильно толкает Бенвенуто.)

ГЕРАРДО: Говорят тебе, убирайся отсюда!

(Бенвенуто, сильно ударившись о вьюк и страдая от боли, приходит в бешенство и наносит сильный удар Герардо кулаком в висок. Герардо падает без чувств. Бенвенуто вталкивает Микеле в лавку и захлопывает дверь.)

БЕНВЕНУТО *(в окно лавки):* Вот так поступают с ворами и трусами!

(В лавке возня, братья собираются дать отпор Бенвенуто. Он вытаскивает большой нож.)

Если кто из вас сделает шаг на улицу, то другой пусть бежит за духовником, потому что врачу тут нечего будет делать.

МИКЕЛЕ (*из лавки*): Я тебя в тюрьму посажу, разбойник! Увидишь!

(Бенвенуто плюет и уходит).

Совет Восьми во дворце

СЕКРЕТАРЬ: Вызываются Бенвенуто Челлини и Гуасконти

(Входят Бенвенуто и толпа родственников Гуасконти).

ПЕРВЫЙ ИЗ 8: Бенвенуто Челлини, ты совершил небывалое во Флоренции преступление, ворвавшись с оружием в руках в мирный дом Гуасконти, и пытался убить одного из членов его семьи.

БЕНВЕНУТО (*возбужденно*): Это ложь! Я к ним в лавку и не ходил!

ВТОРОЙ ИЗ 8: Молчи, негодяй! Не ты ли с шалопаем-братом хотел убить три года назад Пьетро Киволи и только чудом стража смогла его спасти! Ты тогда отделался легким наказанием, но теперь тебе не уйти от ответа.

БЕНВЕНУТО (*растерянно*): Да что же это такое. Ведь Киволи был осужден строже, чем мы, так как он был зачинщиком...

ТРЕТИЙ ИЗ 8: Что тебя подвигло, висельник, на расправу? Не братья ли Гуасконти дали тебе работу? И вот благодарность!

ЧЕТВЕРТЫЙ ИЗ 8: Давайте послушаем обвиняемого. Говори, Бенвенуто.

БЕНВЕНУТО: Господа Совет, я два года работал у Гуасконти, и они несправедливо недоплачивали мне...

МИКЕЛЕ: Мы платили тебе вдвое больше, чем ты заслуживаешь!

ЧЕТВЕРТЫЙ ИЗ 8: Мессер Гуасконти, извольте молчать. Продолжай Бенвенуто.

БЕНВЕНУТО: Я стоял у лавки этих грабителей Гуасконти, а они на меня имели зло, что я рассказал об их проделках со мной одному уважаемому человеку. И вот этот Герардо, вот он стоит, будь он проклят, толкнул меня на воз с кирпичами, и я чуть не убился насмерть. После чего я, движимый превеликим гневом, дал ему всего пощечину, и мне кажется, что я не заслуживаю за это сильного наказания...

ЧЕТВЕРТЫЙ ИЗ 8 (*прерывая*): Все, хватит. Это уже наше дело определять твою вину. Кстати, ты не пощечину ему дал, а ударил кулаком...

(секретарю)

Вывести всех вон. Совет будет совещаться.

(секретарь звонит в колокольчик, стража всех выставляет за дверь)

Заметьте, господа, простоту этого парня, который обвиняет себя в том, что будто дал пощечину. Он думает, что это меньший проступок, чем удар кулаком, хотя за пощечину на Новом рынке полагается пеня двадцать пять скудо, а за удар кулаком — небольшая, а то и вовсе никакой. Хочу добавить, что этот юноша очень даровитый и содержит свой бедный дом своими трудами, и дай Бог, чтобы у нашего города таких, как он, было побольше.

ПЯТЫЙ ИЗ 8: Неизвестно, чего больше проистекает от Бенвенуто — пользы от его трудов или вреда от его безнравственного поведения.

ПЕРВЫЙ ИЗ 8: Именно, именно! В тюрьму его!

ЧЕТВЕРТЫЙ ИЗ 8: Да за что в тюрьму? Неужели не ясно, что парень не более виноват, чем Герардо Гуасконти... Для острастки я предлагаю все же наложить на него взыскание. Но оно должно быть посильным.

ПЯТЫЙ ИЗ 8: Ладно. Пусть пожертвует четыре меры муки в пользу монастыря заточниц.

ЧЕТВЕРТЫЙ ИЗ 8: Все согласны?

(Члены Совета наклоняют головы.)

ПЯТЫЙ ИЗ 8 (*секретарю*): Зови всех сюда.

(Секретарь звонит в колокольчик. Двери раскрываются, все входят)

ЧЕТВЕРТЫЙ ИЗ 8: Учти, Бенвенуто! Если ты еще раз раскроешь здесь рот, то наказание, которое тебе определили, тотчас заменят более строгим. Подойди к секретарю.

БЕНВЕНУТО (*бурчит*): Это была пощечина, а не кулак.

(Совет смеется. Бенвенуто подходит к секретарю, читает постановление Совета):

Четыре меры муки! Где я возьму столько денег?

СЕКРЕТАРЬ: Обе стороны должны оставить друг другу поручительство. Бенвенуто Челлини, кто за тебя может поручиться?

БЕНВЕНУТО: Пошлите за моим родственником, мессер Аннибале, он хирург.

(Один из стражников уходит)

ВТОРОЙ ИЗ 8: Господа, время обедать.

(Совет постепенно собирается и выходит. Стражники остаются в зале. Возвращается посланный за Аннибале стражник.)

СТРАЖНИК: Слушай, Бенвенуто, мессер Аннибале не желает прийти. Придется тебя забрать в тюрьму, когда Совет вернется.

БЕНВЕНУТО (*сам себе*): Как же так? Этот старик столь многим обязан нашему дому... Тюрьма? Ну, погодите! Я вам покажу, как сажать меня в тюрьму!

(Стражники, потоптавшись, идут в угол и устраивают перекус. Никто не следит за Бенвенуто.)

Бенвенуто незамеченным выходит из дворца, бежит по улицам, забегает к себе в мастерскую, хватает небольшой кинжал и бежит к лавке Гуасконти. Взбегает на второй этаж. Гуасконти сидят и обедают. **Бенвенуто** врывается в комнату, навстречу ему вскакивает Герардо. **Бенвенуто** наносит ему удар кинжалом в грудь. Герардо падает без звука.

БЕНВЕНУТО: О, предатели, сегодня тот день, когда я вас всех убью!

(Отец, мать и сестра Герардо бросаются на колени и молят о пощаде. Герардо лежит без признаков жизни)

Черт с вами, живите!

(Сбегает с лестницы на улицу, там собрались родичи Гуасконти, вооруженные железными трубами, молотками и палками. Бенвенуто, размахивая кинжалом, сбивает четверых с ног, сам падает. Общая свалка. Все бестолково бьют. Бенвенуто выбирается из свалки, убегает, бежит в церковь Санта Мария Новеллия, встречает монаха)

БЕНВЕНУТО: Брат! Именем Божьим прошу тебя, спаси мне жизнь, потому что я учинил великое преступление.

МОНАХ: Пойдем, брат. Ничего не бойся. В моей келье ты будешь вполне безопасен.

БЕНВЕНУТО: Я не виновен. Они довели меня до исступления.

Брат, мне нужно бежать. Как мне дать знать моему отцу?..

МОНАХ: Не беспокойся, я пошлю за ним.

В келье появляются отец Бенвенуто с молодым человеком, другом Бенвенуто.

ОТЕЦ: Бенвенуто, сынок. Совет велел сыскать тебя. Тебе надо скрыться. Вот, Пьеро дарит тебе эту кольчугу и шпагу. Дай я помогу тебе одеться.

(Отец одевает Бенвенуто, монах накидывает поверх кольчуги монашеский балахон, друг протягивает мешочек с монетами, Бенвенуто обнимается с отцом и другом. Отец целует Бенвенуто.)

Сынок, иди через площадь Сан Галио к Мантуе, там тебя будет ждать с лошадьми брат мессера Варки, и поезжай с ним в Сиену, а оттуда дай мне знать.

БЕНВЕНУТО: Прощай, отец. В Сиене я, скорее всего, не удержусь, я пойду в Рим, там у меня есть знакомые, и я легко устроюсь на работу.

**Рим. Вилла Фарнезина, принадлежащая Киджи.
Бенвенуто сидит и копирует фигуру Юпитера с картины Раффаэлло да Урбино, там же находятся еще двое юношей. Входит Порция Киджи, смотрит на работу Бенвенуто.**

ПОРЦИЯ: Как вас зовут?

БЕНВЕНУТО: Челлини. Бенвенуто Челлини, мадонна.

ПОРЦИЯ: Маэстро Челлини, мне очень нравятся ваши рисунки. Я уже не в первый раз вижу вас в нашей галерее. Скажите, вы ваятель или живописец?

БЕНВЕНУТО *(продолжая рисовать)*: Нет, мадонна, я не то и не другое. Я золотых дел мастер.

ПОРЦИЯ: О, вы слишком хорошо рисуете для ювелира. Да, вот кстати. Я хочу вам показать одно из моих украшений.

(к горничной):

Анна, принеси лилию.

(Горничная приносит алмазную лилию, вправленную в золото.)

Нравится вам?

БЕНВЕНУТО *(взглянув)*: Прекрасные алмазы.

ПОРЦИЯ: Какая им цена?

БЕНВЕНУТО: Не менее восьмисот скудо.

ПОРЦИЯ: Вы почти угадали. Взались бы вы красиво их оправить?

БЕНВЕНУТО: Охотно. Позвольте я при вас придумаю рисунок оправы.

(Быстро набрасывает эскиз. Появляется дама наверху на галерее).

ДАМА: Порция, что ты тут делаешь?

ПОРЦИЯ: Я люблюсь тем, как рисует этот достойный молодой человек, который и мил, и красив.

БЕНВЕНУТО *(смутившись)*: Каков бы я ни был, я всегда, мадонна, буду всецело готов вам служить.

ПОРЦИЯ *(смеясь)*: Ты сам знаешь, что мне хочется, чтобы ты мне служил. Возьми лилию с собой и вот тебе двадцать скудо. Оправь мне ее так, как ты нарисовал и сохрани мне это старое золото, в которое она оправлена сейчас.

ДАМА: Будь я на месте этого юноши, я бы ушла себе с богом.

ПОРЦИЯ *(улыбаясь)*: О нет! Я не согласна. Таланты редко уживаются с пороками. До свидания, Бенвенуто

(Уходят).

Мастерская. Бенвенуто работает над лилией, украшает ее, поет. Любуется, заворачивает в платок, выходит из мастерской, входит в дом Киджи и просит слугу доложить о себе хозяйке дома. Слуга уходит, возвращается и ведет Бенвенуто в апартаменты. Порция, Бенвенуто, Дама.

ПОРЦИЯ: Чем ты собираешься нас поразить, Бенвенуто?

БЕНВЕНУТО: Вот, мадонна, скромный результат моих усилий.

(Раскрывает коробочку и протягивает ее Порции).

ПОРЦИЯ *(вынимает лилию):* Это просто чудо! Ты превзошел данное мне обещание. Я даже затрудняюсь оценить твою работу, Бенвенуто. Кажется, подари я тебе замок, все равно считала бы, что у тебя в долгу.

(Дамы смеются).

Поэтому требуй то, что я могу сделать.

БЕНВЕНУТО: Право, мадонна, величайшая награда, которую я желаю за труды, это угодить вашей милости

(Улыбается).

ПОРЦИЯ *(Даме):* Видите, таланты, которые мы в нем угадали, сопровождаются вот чем, а не пороками.

(К Бенвенуто):

Мой Бенвенуто, слышал ли ты, что когда бедный дает богатому, то дьявол смеется?..

БЕНВЕНУТО: Ему так невесело, что на этот раз мне хочется, чтобы он посмеялся.

ПОРЦИЯ: Нет, нет. На этот раз такой милости он не дождется. Подожди здесь.

(Выходит и возвращается с деньгами).

Возьми. Здесь пятьдесят скудо. Я бы очень желала заказать тебе еще несколько работ.

БЕНВЕНУТО: Я к вашим услугам, мадонна.

ПОРЦИЯ: Приходи через неделю.

(Бенвенуто кланяется и выходит на улицу. Мимо бегут жители Рима, мальчишки. Бенвенуто останавливает одного из них)

БЕНВЕНУТО: Стой, что случилось?

МАЛЬЧИК: Войска Карла Пятого подходят к городу. Говорят, что их сорок тысяч. А у нас только три...

(Бенвенуто отпускает мальчика и бежит за оружием.)

**Осада Рима. На стенах сражающиеся жители.
Снизу по лестницам лезут солдаты. Стрельба, дым.
К стенам подходит отряд человек в пятьдесят.
Во главе Бенвенуто и его знакомый.**

БЕНВЕНУТО: Надо вернуться домой как можно скорее. Видите сами, здесь ничем помочь нельзя. Солдаты уже на стенах, а наши храбрые защитники бегут.

ЗНАКОМЫЙ *(в испуге)*: Боже! Зачем мы только сюда пришли...
(собирается бежать).

БЕНВЕНУТО: Постой. Раз меня сюда привели, необходимо сделать что-нибудь по-мужски. Давайте зарядим аркебузы, да спрячьтесь, не стойте под выстрелами. Стреляйте туда, в самую гущу. Я беру на себя их командира. Огонь! Хорошо! Ну-ка еще разок! Огонь! Стойте, я погляжу на результат нашей работы.

(Пробирается к стене и видит сильное смятение внизу, под стеной. Голос одного из солдат: «Нашего командующего убили!» Бенвенуто осторожно возвращается.)

БЕНВЕНУТО: Свое дело мы сделали. Теперь быстрее к замку Святого Ангела. Разбивайтесь на группы. Пошли!

Опускается решетка на воротах замка и в последний миг Бенвенуто, его Знакомый и еще 4 человека, преследуемые солдатами, успевают проскочить внутрь.

Они поднимаются по лестницам наверх. Бенвенуто подходит к орудиям. Несколько человек орудийной прислуги и пушкарри в отчаянии. Сквозь зубцы замка они видят, как солдаты разоряют их дома и истязают жен и детей.

ПЕРВЫЙ ПУШКАРЬ: Я не могу стрелять, не могу! Если я убью кого-нибудь из своих, я не вынесу этого.

ВТОРОЙ ПУШКАРЬ: Боже! Помоги нам!

БЕНВЕНУТО: Ну-ка, ребята, кто смелый

(Поднимает горящий фитиль.)

Наводи фальконеты на врагов наших.

(Несколько человек орудийной прислуги помогает ему.)

Вот теперь посмотрим, как они попляшут

(Стреляет из орудий)

Заряжай! Огонь!

(Внизу, у солдат много убитых, они в смятении убегают.)

БЕНВЕНУТО: Вот так надо поступать настоящим мужчинам. Давайте еще поищем цели.

(Воодушевленные пушкарри и прислуга ведут беглый огонь по скоплениям солдат в окрестностях замка. На площади появляется Папа Климент со свитой)

ПАПА: Кто этот замечательный храбрец, рассеявший врагов святой церкви во славу Господа нашего?

(Пушкарри и Бенвенуто становятся на колени. Один из свиты указывает на Бенвенуто)

ОДИН ИЗ СВИТЫ: Ваше святейшество, вот он — Бенвенуто Челлини из Флоренции, ювелир и художник.

ПАПА: Благословляю тебя, сын мой, на подвиги.

(Бенвенуто целует туфлю у Папы).

Сын мой, благодаря твоему необыкновенному искусству меткой стрельбы враги наши не отважились на приступ.

(Оборачивается):

Мессер Антонио, поместите Бенвенуто с пушкарями на верхней площадке у статуи Ангела, там прекрасный обзор, да обеспечьте их вином и едой. А вы, мессер Бенедетто, распорядитесь, чтобы Бенвенуто и пушкари получили за свою превосходную работу плату вперед.

(Всматривается вдаль и манит Бенвенуто к себе).

Бенвенуто, видишь ли ты там, вдали испанского полковника? Он, кажется, распоряжается рытвем окопов. Этот негодяй был когда-то у меня на службе.

БЕНВЕНУТО: Тот, что в розовом, как барышня, и с копыцем в руке?

ПАПА: Да-да. Проучи-ка его!

БЕНВЕНУТО: Будет сделано, ваше святейшество.

(Выстрел, в результате которого ядро разрывает полковника пополам).

ПАПА: Бенвенуто, ты великолепный мастер стрельбы. Твое искусство меня поразило.

БЕНВЕНУТО *(падая на колени):* Ваше святейшество, отпустите мне тяжкие грехи человекоубийства, которые я учинил в этом замке, служа святой церкви.

ПАПА *(воздев руки и осеняя Бенвенуто крестным знаменем):* Отпускаю тебе грехи твои и все человекоубийства, которые ты когда-либо совершил и те, которые вынужден будешь совершить на службе апостольской церкви. Благословляю тебя, сын мой, на ратные подвиги.

(Папа уходит со свитой. Вдали виден участок дороги у ворот Санто Спирито длиной около двадцати пяти метров. По ней проходят солдаты. Выстрелы Бенвенуто и пушкарей все время попадают в цель. Капитан велит солдатам выкатить бочки с камнями и закрыть опасный участок дороги. Солдаты поспешно волокут мешки с песком и бочки и сооружают нечто вроде баррикады.)

БЕНВЕНУТО: Ну-ка, ребята, давайте орудия сюда...

(Поворачивает 5 орудий в сторону баррикады).

Готовы? Наводи! Поджигай!

(Залп. Баррикада рушится. Очень много убитых и раненых. Стоны, вопли.)

Вечереет. В темноте с высоты видны пожары в разных местах Рима. Бенвенуто стоит один, скрестив руки на груди и смотрит на пожары. Утро. Папа в окружении кардиналов. Внутренние покои замка.

КАРДИНАЛ: Ваше святейшество, поймите, у нас нет сил защитить Рим. Прошу вас, не вводите себя в заблуждение. Помощи ждать неоткуда. Сегодня есть единственная возможность покончить с разбоем, творящимся на наших глазах — подписать соглашение о капитуляции. И скажите, ради Бога, этому разбойнику Челлини, чтобы он прекратил обстрел. Это озлобляет солдат и может плохо для всех нас кончиться.

ПАПА: Увы, по-видимому, вы правы. Мессер Кроче, распорядитесь выбросить белый флаг и зовите пушкарей вниз.

КАРДИНАЛ: Отдайте мне Челлини.

(Папа делает протестующий жест. Появляются пушкарри и Бенвенуто)

ПАПА: Бенвенуто, подойди ко мне. Говорят, кардинал хотел тебя повесить, после того, как ты тяжело ранил принца Оранского, но я тебя не дам в обиду. Ты сражался как лев и получишь от меня награду

(Поворачивается к казначею).

Мессер Кавалерьино, выдайте Челлини двадцать пять скудо. Извини меня, Бенвенуто, но большего я сейчас не могу тебе дать за твои труды. Но знай, что в долгу я не останусь и, как только воцарится мир и дела придут в порядок, ты сможешь прийти ко мне за помощью.

БЕНВЕНУТО (*низко кланяется Папе*): Благодарю ваше святейшество. Я вполне доволен наградой. Разрешите мне удалиться из замка, ибо мне давно пора заняться делом, для которого я родился на свет Божий.

ПАПА: Иди, сын мой. Благословляю тебя.

(Бенвенуто целует руку папе и уходит).

Мастерская Бенвенуто Челлини, где сидит он сам и мальчик, записывающий его рассказ).

БЕНВЕНУТО: Я решил предварить свое повествование вступлением в виде сонета, который я сам сочинил. Запиши-ка его на отдельном листе:

Я жизнь мою мятежную пишу
В благодаренье господе Природе,
Что, дав мне душу, блюл ее все годы.
Ряд знатных дел свершил я и дышу.
Мой Рок жестокий без вреда сношу;
Жизнь, слава, дар, дивящий все народы,
Мощь, прелесть, красота и стать породы,
Я ничего от жизни не прошу
Поправ одних, другим вослед спешу.
Но мне премного жаль, что столько ране

Средь суеты потеряно годин:
Наш хрупкий разум ветр разносит всюду.
Всходя, как нисходил желанный сын
В цветке, возросшем в доблестной Тоскане.

Записал?

МАЛЬЧИК (*кивает*): Мессер Челлини, а что это за цветок?

БЕНВЕНУТО: Цветок этот — наша несравненная Флоренция...

(*задумывается*).

Пиши: В ту пору во Флоренции, куда я отправился выкупать свое изгнание, была чума неописуемая, великая. Со скорбью узнал я, что отец и все, сколько их было из моей семьи, умерли от чумы. Остались только младшая моя сестра Липерта и любезный брат мой Чеккино. По их просьбе я задержался во Флоренции и работал на Новом Рынке, где меня посетил однажды божественный Микельанджело Буонаротти.

**Мастерская. Бенвенуто Челлини сидит и работает
над золотой медалью. Входят Микельанджело
со своим знакомым.**

МИКЕЛЬАНДЖЕЛО: Добрый день вам, мессер Челлини. Простите, если помешали вам.

БЕНВЕНУТО (*поспешно оставляя работу и восторженно глядя на Микельанджело*): Нет, нет, нисколько. Как может мне помешать визит божественного Микельанджело! Присаживайтесь, будьте добры.

(*Мальчику*):

принеси нам вина.

(*Гости осматриваются*).

МИКЕЛЬАНДЖЕЛО: Мессер Челлини, я привел к вам заказчика, мессер Федерико Джинори.

(Федерико и Бенвенуто раскланиваются. Мальчик вносит вино и кубки)

Ваше здоровье

(пьют).

Над чем вы сейчас работаете, мессер Челлини?

БЕНВЕНУТО: Стыдно признаться, но ради заработка я в основном тружусь над оправками для камней.

МИКЕЛЬАНДЖЕЛО: Вы не хотите сказать нам всей правды: вот я вижу на вашем столе медаль. Вы позволите взглянуть?

БЕНВЕНУТО: Да, конечно, мессер Буонаротти. Правда, работа еще не вполне готова.

(На медали изображен Геракл, раздирающий пасть льва).

МИКЕЛЬАНДЖЕЛО: Послушайте, это изумительно! Ничего подобного я нигде не видал. Вы видите, Федерико, как велико мастерство мессера Челлини. Вы вполне можете обратиться к нему со своим заказом. Мессер Челлини, кому предназначена эта медаль?

БЕНВЕНУТО: Мне заказал ее некто Джироламо Маретти, сиенец. Он хочет носить ее на шляпе.

МИКЕЛЬАНДЖЕЛО: В таком случае он будет носить на шляпе целое сокровище. Я не поручусь ни за его шляпу, ни за его бедную голову. Уж очень большой соблазн для разбойников *(Смеются).*

ЗНАКОМЫЙ: Мессер Челлини, не будете ли вы столь любезны взять у меня заказ. Я просил мессера Буонаротти сделать мне рисунок для медали, чтобы на ней был отчеканен Атлант с миром на плечах.

МИКЕЛЬАНДЖЕЛО: Мессер Челлини, я уверен, что ваш рисунок окажется лучше моего. Прошу вас, сделайте модель.

БЕНВЕНУТО: На ваше счастье у меня как раз на этот сюжет есть вещица, выбитая в пластине. Не угодно ли взглянуть?

ЗНАКОМЫЙ, МИКЕЛЬАНДЖЕЛО: Конечно, разумеется.

(Бенвенуто достает из ящика шкатулку, открывает ее, вынимает изображение Атланта, который держит хрустальный шар на ляпис-лазоревои поле. Внизу подпись «Summa tulisse juvat»)

МИКЕЛЬАНДЖЕЛО: Мессер Федерико, верьте мне — лучше сделать невозможно.

ЗНАКОМЫЙ: Да, да, я согласен. И эта благородная подпись: «Высшее радостно нести». Я взял бы эту работу у вас, мессер Челлини. Сколько я вам должен? Впрочем, что я спрашиваю? Вот вам пятьдесят скудо.

БЕНВЕНУТО: Бог с вами, это слишком щедрая плата.

ЗНАКОМЫЙ: Ничуть. Истинное искусство вообще, на мой взгляд, только условно можно оценить деньгами, как мерой затраченного труда, но кто способен оценить вдохновение и талант, вложенные мастером в произведение?

ГОЛОС С УЛИЦЫ: Мессер Челлини, вам письмо.

БЕНВЕНУТО: Прошу прощения

(Уходит и возвращается с распечатанным письмом)

Ну вот, видите — приходится вновь покидать родную Флоренцию. Папа Климент желает, чтобы я срочно ехал в Рим.

МИКЕЛЬАНДЖЕЛО: И завидую, и сочувствую. Вы знаете, мессер Челлини, я так много слышал о ваших подвигах, которые одни могут равняться с делами рук ваших, что вижу в вас прямого потомка древних титанов, Цезарей и Брутов. Позвольте мне напутствовать вас стихами Петрарки

(Наливает вино и поднимает бокал)

К тебе взываю я, Герой,
Могучий духом, твердый в деле
Служения стране родной!
Ты нас ведешь к высокой цели,
Тебе судьбою жезл вручен,
Чтоб указать для Рима снова
Затерянную в тьме времен
Стезю величия былого.

ЗНАКОМЫЙ: А я желаю вам, мессер Челлини, новых прекрасных работ во славу покровительствующих вам муз.

(чокаются, выпивают).

Рим. По улице навстречу друг другу идут Бенвенуто и его знакомый Якопино.

ЯКОПИНО: Черт меня подери, Бенвенуто, ты ли это?

БЕНВЕНУТО: Конечно я, кто же еще!

ЯКОПИНО: Когда приехал в Рим?

БЕНВЕНУТО: Тому уже две недели, я устроился в мастерской Моро...

ЯКОПИНО *(с раздражением):* Нет! Вы послушайте его! Ты получил мое письмо, где я писал тебе, что Папа ждет тебя с нетерпением великим?

(Бенвенуто кивает).

И уже три раза велел мне писать тебе во Флоренцию, а ты, ты... нет, высечь тебя, как сукина сына!

БЕНВЕНУТО *(с деланным спокойствием):* Ты закончил?

(Якопино смотрит на него с возмущением)

Так я готов пойти в любое время.

ЯКОПИНО: Вот как! Ну пойдём сию минуту.

БЕНВЕНУТО: Иди, я за тобой. Умная голова, скажи, известно ли тебе, что Папа хочет завоевать Флоренцию, которая не желает ему подчиниться? И ты посылаешь мне подряд несколько писем из Рима, где говоришь о желании Папы видеть меня. Любой, заглянувший в эти письма, поймет, что я папский шпион, и меня вздернут на первом дереве. Так кого же высечь за бестолковость?

Входят во дворец, стража их пропускает, когда Якопино показывает пропуск, входят в папские покои.

СЛУГА: Их святейшество нездоровы.

ЯКОПИНО: Ступай, доложи, что прибыли Якопино делла Барка и Бенвенуто Челлини.

(Слуга выходит, а затем возвращается и открывает двери. Якопино и Бенвенуто входят. Папа лежит в постели, рядом стоят Сальвиати и архиепископ Капуанский)

ПАПА *(приветливо):* Бенвенуто, подойди ко мне.

(Бенвенуто подходит, целует руку, стоя на коленях)

БЕНВЕНУТО *(шепотом):* Всеблаженный отче, я должен сообщить вам нечто секретное...

(Папа делает знак стоящим, и они отходят от ложа)

ПАПА: Говори, сын мой.

БЕНВЕНУТО: Когда был разгром Рима, вы дали мне поручение переплавить тиары и другие изделия в золотые слитки, а камни вытащить и передать все ценности мессеру Кавальерино, что я и исполнил в точности, а вы еще обещали мне малую награду за эти труды, но мессер Кавальерино мне ничего не дал и наговорил мне грубостей. Посему я отправился наверх, туда, где плавил золото и, убрав золу, нашел фунта полтора золота. Его я взял с собой, так как у меня не было денег, чтобы пристойно вернуться домой. И я думал возратить вам золото потом, когда представится случай. И я прошу милости исповедаться у вас и причаститься.

ПАПА *(со вздохом):* Бенвенуто, я действительно тот, кто может отпустить тебе всякое прегрешение и с охотой его отпустит. И потому скажи чистосердечно все, даже если ты взял стоимость одной из тиар целиком.

БЕНВЕНУТО: Другого ничего я не брал, всеблаженный отче. А стоимость взятого — сто дукатов, я получил на монетном дворе в Перудже.

ПАПА: Мне очень жаль, что денег было мало. Я их тебе дарю и прощаю. Поведай о том духовнику, а потом, причастившись, покажись мне опять и благо тебе будет. Если бы ты приехал раньше в Рим, я бы тебе дал восстановить те две мои тиары, которые мы переплавили в замке, но сейчас я хочу дать тебе работу величайшей ценности, где ты сможешь показать, на что ты способен. Это круглая застежка для ризы. Я хочу, чтобы ты изобразил на ней Бога-отца полурельефом, а посередине помести красивую грань большого алмаза с множеством других ценных камней. Я хочу полюбоваться твоей работой и потому поторопись. Я распоряджусь, чтоб тебе дали все для работы. Иди же, сделай красивую модель.

(Бенвенуто кланяется, целует руку и уходит)

**Открытый кабачок. За столом сидят и обедают
Бенвенуто и Родриго дель Моро.**

МОРО: Скажи, удалось ли тебе выполнить заказ Папы?

БЕНВЕНУТО: Удалось. Вопреки интригам и недоброжелательству ювелира Микеле. Папа был настолько доволен, что заказал мне изготовить чеканы для большого золотого дублона.

(на улице слышен шум драки)

МОРО: Слышишь? Я сбегая, посмотрю.

БЕНВЕНУТО: Послушай, не ходи. В подобного рода делах мы всегда видим верную гибель без всякого смысла.

МОРО: Ну, я мигом

(убегает)

В толпе стражников, вооруженных пиками, мечами и аркебузами, лежит окровавленный молодой человек, его поднимают его друзья, вооруженные шпагами. вокруг стоит толпа. Моро, узнав раненого, бежит обратно и сталкивается с Чеккино, братом Бенвенуто.

ЧЕККИНО: Что там стряслось?

МОРО: Стража убила Бертино Альдобрандо, а он хотел освободить капитана Чисти.

ЧЕККИНО: Что?! Моего лучшего друга убили! А-а!

(рвет шпагу из ножжен.)

Кто убил? Говори!

МОРО: Вон тот, с голубым пером на шляпе.

(Чеккино бросается в толпу стражников и пронзает шпагой убийцу. В это время другой ранит выстрелом из аркебузы Чеккино в ногу выше колена. Чеккино падает. Стражники поспешно уходят)

БЕНВЕНУТО (сидя за столом): Мое сердце чувствует недоброе

(одевает шпагу и идет к толпе).

Что там случилось?

ГОЛОС: Твой брат истекает кровью.

БЕНВЕНУТО *(бросается, расцвиривая толпу):* Боже! Брат мой любезный!

ЧЕККИНО *(слабым голосом):* Дорогой брат, пусть тебя не устраивает моя беда, потому что мое ремесло мне это сулило. Вели унести меня поскорее отсюда, потому что немного часов осталось жить.

БЕНВЕНУТО *(пытаясь поднять его один):* Брат мой, Чеккино. Какое горе! Погоди одно мгновение. Раньше, чем ты потеряешь зрение, ты увидишь месть за себя твоему злодею.

(оставляет брата, закутывается в плащ и ныряет в толпу. Через миг он стоит перед начальником стражи)

и выхватывает шпагу. В этот момент его хватают сзади четверо. Яростная борьба. Один из 4-х кричит начальнику стражи: «Уноси ноги, покуда жив»)

НАЧАЛЬНИК: Кто этот, желающий меня убить?

ВТОРОЙ ИЗ 4: Это брат Чеккино, которого вы подстрелили.

(Начальник поспешно удаляется)

ТРЕТИЙ ИЗ 4: Бенвенуто, Бенвенуто, подожди, не горячись. Умоляем ради твоего же блага. Пойдем и поможем твоему брату.

(Бенвенуто стихает. Все идут к Чеккино, бережно вносят его в дом).

Кладбище. Бенвенуто стоит у могилы брата. Надпись на плите: «Франциско Челлини, флорентинцу, который в нежные годы у Герцога Иоанна Медичи, одержав много побед и быв знаменосцем, дал несомненное доказательство того, сколь великой храбрости и совета он стал бы мужем, если бы злополучным выстрелом пронзенный, на пятом пятилетии жизни не пал. Брат Бенвенуто положил. Скончался мая 27 дня 1529».
Бенвенуто стоит задумчиво, держа цветок в пальцах.

БЕНВЕНУТО: Боже, как хрупка жизнь! Укол шпаги, аркебузная пуля, меткий удар кулака — и вот, то что дышало, смеялось, содрогалось от страсти, лежит мертвей камня. Душа вознеслась держать ответ перед Господом, а несчастное тело уже пожирает могильный червь. Что же остается от нас? Кто узнает, что жил некто, любил, мучился. А для чего?.. Одна отрада, что пройдет мимо добрый человек и прочтет на камне твое имя, и душа твоя, услышав зов с земли, встрепенется... Нет! Я не желаю столь жалкой участи! Я хочу бессмертия.

Прости мне, Господи, гордыню, но разве напрасно ты дал мне острый глаз и точную руку? Клянусь тебе, брат мой, что всей твердостью своего характера я вырву тебя и себя, и весь славный род Челлини из забвения. Нас будут знать и чтить вечно. Клянусь!.. А за безвременную смерть твою я отомщу.

Бенвенуто бледный и унылый сидит и безучастно смотрит на начатую работу. Стук в дверь. Появляется папский слуга и вручает Бенвенуто вызов во дворец. Бенвенуто читает, медленно заворачивает работу в платок, кладет под камзол и плетется во дворец. Приемная Папы. Папа сидит. Стоят двое приближенных.

ПЕРВЫЙ: Как это вы доверяете, Ваше святейшество, такие ценнейшие камни молодому человеку, который весь огонь и погружен не столько в искусство, сколько в сражения, и которому нет еще и тридцати лет?

ПАПА: Известен ли вам какой-либо бесчестный поступок Бенвенуто?

ПЕРВЫЙ: Нет, ваше преосвященство, но у него никогда и не было такого случая.

ПАПА: А я верю в его честность.

ВТОРОЙ: В городе говорят, что его недавно обокрали. Как знать, не использует ли Бенвенуто это, как предлог, чтобы утаить от Вашего преосвященства один из драгоценных камней...

(входит слуга)

СЛУГА: Ювелир Челлини просит разрешения войти.

ПАПА: Пусть войдет.

(Бенвенуто молча входит, становится на колени, целует Папе руку)

Бенвенуто, ты прямо таешь на глазах. Если ты не переменишься, то умрешь раньше, чем выполнишь мой заказ. Ты что

же, сумасшедший?.. или не знаешь, что против смерти ничем не помочь? Ты, видно, хочешь последовать за своим братом... Ну, ладно, что у тебя получилось. Камни, я надеюсь, целы?

(Бенвенуто кивает, разворачивает платок и подает Папе застезжку для ризы).

Ну что ж, превосходно, превосходно.

(хитро глядит на Бенвенуто)

...Слышал я, что ты еще с одним делом разделался, не так ли, сын мой? И за оба следует получить вознаграждение. Только если начать с несчастного начальника стражи, то некому будет получать награду за второе. Что ты на это скажешь, Бенвенуто?

БЕНВЕНУТО: Если бы я не отомстил за брата, то не смог бы достойно исполнить ваш заказ.

ПЕРВЫЙ: Вот хитрец, вот бестия!

ПАПА *(рассматривая застезжку):* Ну, ладно, закончим с этим.

Бог даровал большой талант смертному, а смертный еще не исполнил всех наших замыслов. Если бы я был богатым государем, я подарил бы моему Бенвенуто столько земли, сколько мог бы охватить его глаз. Но так как по теперешним дням мы бедные, разоренные государи, то во всяком случае мы дадим ему столько хлеба, что его хватит на его малые желания.

БЕНВЕНУТО: Ваше преосвященство, у вас есть свободная должность. Дайте мне ее в награду.

ПАПА: Должность в Пьомбо приносит свыше 800 скудо, так что если бы я ее тебе дал, ты начал бы почесывать живот, а то чудесное искусство, которое у тебя в руках, пропало бы, и на мне была бы вина.

БЕНВЕНУТО: Всеблаженный отче! Честные люди, которые склонны к талантам, гораздо лучше применяют их к делу, когда у них есть недостаток. А когда нет недостатка, то таланты хиреют и паршивеют. Позвольте мне уйти.

(небрежно откланивается и взбешенный уходит)

ПАПА (обращаясь к окружающим): Этот дьявол Бенвенуто не выносит никаких замечаний. Я готов был дать ему должность, но нельзя же быть таким гордым с Папой. Теперь я не знаю, что мне и делать.

ПЕРВЫЙ: Ваше святейшество, Бенвенуто молод и ему куда больше пристала шпага, чем монашеская ряса. Пусть ваше святейшество соблаговолит дать эту должность живописцу Бастиано. А Бенвенуто получит в другой раз что-нибудь более подходящее, чем это.

ВТОРОЙ: Все же Бенвенуто мне кажется человеком неблагодарным. Я бы не стал потакать ему. Да и мало ли искусных художников кроме него?

ПАПА: Пожалуй, вы правы. Сделаем так. Я еду в Болонью. Оставляю легатом вас, кардинал Сальвиати. Так как Бенвенуто мало ценит свой талант, а нас и того меньше, то постарайтесь, чтобы к моему возвращению заказанная ему работа была закончена.

Папа на смертном одре. У постели его стоят те же двое приближенных.

ПАПА: Как ни длинна жизнь, а все кажется, что надо ее продлить, успеть что-то доделать, исправить ошибки, искупить грехи... Многое я в поспешности и суете жизни сделал не так, как следовало бы.

ПЕРВЫЙ: Ваше преосвященство, вы слишком строго себя судите. Вы подали благой пример всем, кто облечен духовной властью, и с Божьей помощью, мы надеемся, еще долго будете с нами.

ПАПА: Нет... поздно. Я чувствую смерть, стоящую у изголовья.

ВТОРОЙ: Ваше преосвященство, Бенвенуто Челлини, ювелир, прислал вам медали с вашим изображением и чеканы к ним. Медали так хороши! Никогда у древних не было таких медалей. И письмо прислал. Просит разрешения явиться к вам.

ПАПА: Да... Бенвенуто. Искуснейший мастер... Я был неправ. У него много завистников,.. а врагов он делает своим независимым характером... Отпускаю ему грехи его... Душно... Откройте окна... Как все это странно... Две недели назад я был совершенно здоров...

(умирает.)

**Новый Папа — Алессандро Фарнезе. Окружение.
Кардиналы. Епископы.**

ПАПА: ...Теперь, покончив с важными делами, можно и передохнуть. Просматривая дела Климента VI, я наткнулся на презабавное письмо Бенвенуто Челлини, где он сообщает, что завершил работу над медалями. Где же они? Покажите мне их.

(Приносят медали и чеканы, Папа с восхищением рассматривает их)

Без сомнения, это произведения великого мастера. Я хочу, чтобы он делал для меня монеты. Известите его, что он может явиться. Подготовьте Бенвенуто охранный лист, гарантирующий его безопасность.

ПЕРВЫЙ: Простите за смелость, но мне кажется, что в первые дни вашего правления не стоило бы оказывать столь высокие милости да еще такому разбойнику.

ПАПА: Вы в этом деле понимаете меньше, чем я. Знайте, что такие люди, как Бенвенуто, единственные в своем искусстве, не могут быть подчинены закону и особенно он, потому что я знаю, насколько он прав. Я приказываю выдать ему охранный лист.

Дворец Папы. Зал. Папа, приближенные,
Бенвенуто Челлини.

ПАПА: Бенвенуто, хочу тебе сообщить, что император Карл V одержал победу в крестовом походе и возвращается с доблестным войском домой через Рим. Мы хотели бы подарить императору достойный подарок по случаю блестящего окончания похода. Что ты мог бы посоветовать?

БЕНВЕНУТО: Я преподнес бы ему золотое распятие с аллегорическими золотыми же фигурами Веры, Надежды и Любви у подножия.

ПАПА: Сколько тебе нужно денег на исполнение этой работы?

БЕНВЕНУТО: Не менее пятисот скудо, не считая золота.

ПАПА: Пойди, сын мой, подожди в приемной, я посоветуюсь с мессером Ювинале.

(Бенвенуто выходит)

ЮВИНАЛЕ: Ваше преосвященство. Это распятие будет стоить очень дорого, но на светского государя не произведет впечатления. Я бы скорее посоветовал подарить его величеству что-нибудь более... вазу, чашу... и меньше золота уйдет.

ПАПА: Я знаю, что подарить! У нас есть превосходно расписанный миниатюрный молитвенник. Бенвенуто сделает к нему золотой с драгоценными камнями переплет. Позовите Бенвенуто.

ЮВИНАЛЕ *(выходит, подходит к ожидающему Бенвенуто, говорит напыщенно, с презрением):* Вот так, милый мой. Наше дело — быть изобретателями, а твое — исполнителем. Мы с его преосвященством придумали нечто гораздо лучшее, чем твое распятие.

БЕНВЕНУТО *(вспыхивая):* Ни вам, ни папе никогда не придумать ничего лучше, чем то, где участвует Христос. А теперь можете говорить всю придворную чепуху, которую знаете!

ЮВИНАЛЕ *(зеленый от злости):* Иди, тебя Папа зовет. Ему повторишь свои дерзости.

(входят в зал).

ПАПА: Бенвенуто, мы решили подарить императору молитвенник в золотом переплете с камнями. А распятие подарим позже. Осталось очень мало времени. Мессер Ювенале даст тебе тотчас золото и камни для работы. Скажи, сын мой, готов ли перстень с алмазом, что я заказывал тебе?

(Бенвенуто кивает и молча разворачивает платок, достав большой перстень, протягивает Папе. Всеобщее восхищение).

Какой необыкновенный цвет и блеск! Как это тебе удалось, Бенвенуто?

БЕНВЕНУТО *(понемногу смягчаясь)*: Весь секрет в умении делать цветную блесну под камнем. Мне это удалось сделать лучше, чем знаменитому венецианскому ювелиру Милиано Тарретта.

ПАПА: Бенвенуто, я дам тебе более выгодную награду за твои таланты, чем стоимость этой прекрасной работы. Иди с богом, сын мой

(крестит Бенвенуто, тот целует руку Папе и уходит. Папа одевает перстень и любуется им.)

Необыкновенный мастер. Такого нет не только в Италии, но и во всем мире.

ЮВИНАЛЕ: Нет никакого сомнения, что Бенвенуто — человек исключительно талантливый. Но даже ему следовало бы соображать, каким образом надлежит говорить о главе церкви. Он заявляет, что Папа Климентий был прекраснейший государь из всех, кто когда-либо бывал, и столь же даровитый, но только неудачливый. А ваше святейшество как раз наоборот, и что эта тиара плачет у вас на голове, и что вы похожи на разодетый сноп соломы, и что ничего в вас нет, кроме удачи.

ПАПА *(смеется, но глаза его полыхают гневом)*: Прямо так и сказал? Ну и проказник! Вот я ему уши надеру! Ну ладно, Бог простит его, а я уже простил. Все свободны.

(Все расходятся, двое разговаривают вполголоса)

ПЕРВЫЙ: Неужели Папа поверил этой клевете?

ВТОРОЙ: Разумеется! Вы видели, как вспыхнули его глаза.

ПЕРВЫЙ: Но ведь даже младенцу ясно, что такое Бенвенуто и сочинить не мог. Это же не его простая речь!

ВТОРОЙ: Все это так, но вмешиваться опасно. Можно потерять все, кроме репутации смелого человека.

ПЕРВЫЙ: Вы правы.

ПАПА (*оставшись один*): Ах, Бенвенуто, ах, бедняжка. Ты и не подозреваешь, что я с тобой сделаю. Ты у меня станешь совсем ручной... тихий, как покойник.

Рассвет. Мастерская Бенвенуто. Он работает при свечах, рассматривает работу, вздыхает, потягивается, гасит свечи, накидывает плащ, пристегивает кинжал и идет прогуляться. На углу стоит Барджелл со стражей.

БАРДЖЕЛЛ: Стой, Бенвенуто, ты — пленник Папы!

БЕНВЕНУТО: Слушай, Кремино, ты меня с кем-то спутал...

БАРДЖЕЛЛ: Нет, не спутал. Ты ювелир и художник Бенвенуто Челлини, я отлично знаю тебя и должен отвести тебя в замок Святого Ангела, куда мы отводим знатных вельмож и таких даровитых людей, как ты.

(Стражники кидаются на Бенвенуто, стремясь отнять у него кинжал и содрать перстни с пальцев. Бенвенуто отчаянно отбивается).

Оставьте его. Следите только, чтобы он не сбежал.

(Подходит к Бенвенуто).

Извини, Бенвенуто, но оружие надо сдать. Выйдешь из замка — получишь его обратно. Ну пойдем, пойдем. Приказ Папы.

(Отводят Бенвенуто в одну из верхних комнат замка и запирают).

Неделю Бенвенуто томится в тюрьме.

Наконец, за ним приходит тюремщик и ведет его на допрос. Зал. Длинный стол. За ним сидят римский губернатор, фискальный прокурор и уголовный судья. Вводят Бенвенуто Челлини.

ГУБЕРНАТОР: Ты знаешь, за что тебя взяли?

БЕНВЕНУТО: Даже не могу догадаться.

СУДЬЯ: Он и не догадывается, агнец божий! А ты подумай, может быть, ты совершил когда-то какие-то грешки... Кое-что незаконно присвоил?

БЕНВЕНУТО: Никогда и нигде я ничего не присваивал, всегда жил трудами своих рук.

ПРОКУРОР: А вот у нас есть свидетельства обратному. У тебя ведь работал человек по имени Луиджи Гоэци? Не так ли?

БЕНВЕНУТО: Этот бездельник, которого я выгнал месяц назад?..

ПРОКУРОР: Этот человек — прекрасный христианин, к твоему сведению, сообщил секретарю его преосвященства, какие несметные богатства скопил ты неправедным путем. Его преосвященство очень озабочен возвращением этих богатств святой церкви.

БЕНВЕНУТО (*вспыхивает*): Государи мои, вы меня спрашиваете о таких баснях и вещах, что ваши речи напоминают пустую болтовню. Так что я вас прошу, чтобы вы мне сказали, чего вы от меня хотите. Я не понимаю, в чем вы меня обвиняете.

ГУБЕРНАТОР (*с гневом*): Ты, собака, держишься нагло и уверенно, но я тебя сделаю смиреннее овечки, когда потребую прямого ответа. Так вот отвечай же, если хочешь остаться живым. Мы знаем достоверно, что ты был в Риме во время нападения врагов, ты находился в этом замке и здесь был использован как пушкарь. Так или не так?

БЕНВЕНУТО: Так, ну и что из того?

ГУБЕРНАТОР: Закрой пасть и слушай! Папа Климент, видя опасность штурма, велел тебе вынуть все драгоценные камни из тиар и митр, и перстней и зашить в его мантию. Ты зашил, но часть удержал себе втайне от его святейшества,

причем на сумму в 80 тысяч скудо. Это и сказал твой бывший работник, которому ты хвастался этим.

БЕНВЕНУТО (*перебивает*): Неужели для хвастовства мне нужен был самый нерадивый мой работник...

ГУБЕРНАТОР (*с гневом*): Не смей перебивать! Так вот, мы тебе говорим открыто, чтобы ты достал эти камни или стоимость этих камней. После этого мы тебя выпустим на свободу.

БЕНВЕНУТО (*начинает хохотать*): Ой, умора! Почему 80 тысяч, а не 200 тысяч?

СУДЬЯ: Перестань паясничать и отвечай по делу! Согласен ты вернуть похищенные ценности или их стоимость его преосвященству?

БЕНВЕНУТО (*складывает ладони*): Премного благодарю Бога, что в первый раз моего заточения меня взяли не за какой-то пустяк, как это часто случается с молодыми людьми.

ГУБЕРНАТОР (*в бешенстве*): Бенвенуто, предупреждаю тебя в последний раз. Если не хочешь телесных наказаний, поторопись вернуть то, что тебе не принадлежит! Монсиньоры, нам сейчас не стоит терять время с этим негодяем. Пусть посидит немного и подумает о своей судьбе, которой я не завидую (собирается встать и уйти, остальные тоже поднимаются).

БЕНВЕНУТО: Синьоры! Вы меня не кончили допрашивать. Поэтому прошу вас довести дело до конца, а после идите, куда вам угодно.

(Судьи с неохотой и нетерпением присаживаются, смотрят с гневом на Бенвенуто)

Я вас надолго не задержу. Так вот, знайте, синьоры, что вот уже двадцать лет я живу в Риме, и ни разу ни здесь, ни где бы то ни было, не был заточен.

ГУБЕРНАТОР: Ты здесь, однако же, поубивал людей!

БЕНВЕНУТО: Я не убивал, а защищал свою жизнь и честь. Позвольте мне сказать свои доводы для передачи его святейшему, если вы хотите судить меня по справедливости. Так вот, я живу в Риме скоро уж двадцать лет и произвел величайшие работы по своему художеству. Если бы надо мной был светский государь и захотел бы он учинить надо мной смер-

тоубийство, то я прибег бы к светской кафедре и наместнику Христову, чтобы он защитил мою правоту. Но меня обвиняет сам Папа! Куда мне идти теперь?

Синьоры! Разве не были вы должны, прежде чем взять меня, узнать, куда я девал эти восемьдесят тысяч дукатов? И разве не были вы должны справиться с ведомостью драгоценных камней, которые тщательно записываются вот уже пятьсот лет? И если бы вы нашли недостачу, то вы должны были забрать все мои книги и меня впридачу. Я вам заявляю, что эти ведомости все целы и вы не найдете отсутствующим ничего из того, что было у Папы Климента. Один только перстень Папа Климент подарил некоему Чезаре Искатинаро во время осады замка с просьбой не осквернять церковь. Стоил тот перстень четыре тысячи скудо. И это вы найдете записанным в ведомости. И когда вы все это прочтете, вам станет стыдно, что собираетесь лишить жизни человека, который совершил столько славных дел для апостолического престола. Знайте, что я в то утро бросился к пушкам и воодушевил одного моего приятеля, и мы с ним вдвоем побили столько солдат, что они не пошли на штурм замка. Это я выстрелил из аркебузы в Искатинаро, потому что видел, как он говорит с Папой Климентом без всякого почтения. Это я ранил принца Оранского выстрелом в голову здесь, под сводами замка. Затем я сделал для святой церкви множество украшений из серебра, золота и драгоценных камней, а еще прекрасные медали и монеты.

И вот награда за труды и преданность! Теперь можете передать Папе Павлу, что я от церкви никогда ничего не получал, кроме неких ран и ушибов в те самые времена разгрома. Еще скажите, что я ни на что не рассчитывал, кроме как на небольшую награду от Папы, которую он мне обещал. Теперь я вижу насквозь и его святейшество, и вас, его верных слуг.

(Судьи ошеломленно слушают Бенвенуто, потом переглядываются, встают и молча уходят. К Бенвенуто подходит стражник и уводит его)

Папский дворец. Папа, приближенные, судьи.

КАЗНАЧЕЙ: Ваше преосвященство, по вашему приказанию были проверены все списки драгоценных камней. К сожалению, все, что говорил этот мерзавец Челлини, все соответствует истине.

ГУБЕРНАТОР: В доме Челлини, Ваше преосвященство, сделали обыск. Его ученик передал мне отделанное золотом и камнями евангелие.

(протягивает Папе.)

ПАПА: Прекрасно. Я пошлю своего племянника с этим подарком императору, пусть передаст на словах, что Бенвенуто болен и не смог поехать.

ГУБЕРНАТОР: А что делать с Бенвенуто? Не пора ли его освободить?

ПАПА: Бенвенуто скоро будет освобожден...Я сам о нем позабочусь.

КАРДИНАЛ: Ваше преосвященство, искусство Бенвенуто так полюбилось императору, что он прислал письмо с просьбой направить к нему ювелира.

ПАПА: Напишите его величеству, что Бенвенуто — человек неспокойный, вспыльчивый, что сейчас он сидит в тюрьме за убийства и прочее. Но это после возвращения моего племянника. Вам понятно...

(кардинал кивает)...

Позовите ко мне кастеллана замка Святого Ангела. Все могут быть свободны

(бормочет).

Нет, дорогой Бенвенуто, ты еще не испил свою чашу страданий. Я бы мог прихлопнуть тебя, как муху, но ты меня больно ужалил, и я прежде оторву тебе ножки и крылышки, а уж потом...

(появляется слуга)

СЛУГА: Прибывший мессер кастеллан просит разрешения войти.

ПАПА: Пусть войдет.

(входит кастеллан и целует руку у Папы.)

Мессер Уголини, слышал я, что заключенный Бенвенуто пользуется в замке Святого Ангела прямо-таки неограниченной свободой.

КАСТЕЛЛАН: Ваше преосвященство, все говорят, что Бенвенуто ни в чем не виновен. Он дал мне слово не покидать пределов замка и ни разу не нарушил обещание, и я считал...

ПАПА *(перебивает):* Ваши рассуждения меня не интересуют. Если человек находится в заключении, он должен сидеть взаперти, осознать свои прегрешения и молить Господа нашего о снисхождении. Так что потрудитесь запереть заключенного в верхней комнате и следите за тем, чтобы он не убежал.

КАСТЕЛЛАН: Будет исполнено, ваше преосвященство.

Комната в замке. Ночь. Бенвенуто рвет простыни на полосы и сшивает их. Вытаскивает солому из матраса и сжигает в камине, а полосы сворачивает большими петлями и прячет в матрасе.

БЕНВЕНУТО *(сам себе):* Дурак я дурак! Спокойно мог убежать, да не хотел нарушить слова и прослыть бесчестным. Правильно тот солдат говорил: «Знай, что в тюрьме никто не обязан соблюдать слово, беги от этого разбойника Папы и его ублюдка племянника, которые отымут у тебя жизнь во что бы то ни стало». Не послушал я умного человека.

Так, теперь займемся дверью.

(Достает клещи и пытается вытащить гвозди, на которых держатся петли. Слышны шаги. Бенвенуто тихо крадется к постели и ложится. Стражник подходит

к двери и смотрит в замочную скважину, потом уходит. Бенвенуто снова принимается за дело. Наконец, он тихонько вынимает створку двери, берет намотанные полосы, веревки, сует кинжал за голенище и выходит из камеры. Заходит в отхожее место, вынимает с крыши две черепицы и выскакивает на крышу. Привязывает полосу к выступу).

Господи Боже, помоги моей правоте, потому что она со мной, как ты знаешь, и потому что я сам себе помогаю.

(Спускается вниз, идет от замка и натывается еще на одну стену, в отчаянии ищет, как бы на нее взобраться. Обнаруживает лежащее бревно, прислоняет к стене и забирается наверх. Прикрепляет остаток полос к зубцу и спускается в полной темноте. Полоса кончается, ему нужно прыгать... Прыгает. Звук падения. Короткий стон. Темнота. Светает. Бенвенуто приходит в сознание. Трогает затылок рукой. Она в крови. Ощупывает тело. Чувствует, что сломал ногу. Кинжалом распарывает рубашку и бинтует ногу, потом на четвереньках ползет к воротам, подползает под ними. Ковыляется на четвереньках дальше. На него кидаются бездомные собаки, он отбивается от них кинжалом, ранит одну из них. Остальные в страхе убегают. На четвереньках идет к дороге. По дороге едет водонос. Бенвенуто подзывает его).

Эй, послушай. Я тут по любовному делу прыгнул из окна и сломал ногу. Отнеси меня быстренько на лестницу Святого Петра, я тебе заплачу.

(Водонос относит его туда).

А теперь бери деньги и скорее уезжай.

(Водонос уезжает).

**Бенвенуто ползет мимо дворца, где живет кардинал
Коронаро. Слуга видит его, узнает, бежит к кардиналу,
будит его.**

СЛУГА: Ваше преосвященство, там внизу ваш Бенвенуто, который бежал из замка, идет на четвереньках, весь в крови. Насколько видно, сломал ногу. Неизвестно, куда он ползет.

КАРДИНАЛ: Беги с кем-нибудь, принеси его ко мне в комнату.

(вносят Бенвенуто).

Бенвенуто, я все знаю, ни о чем не беспокойся.

(Слуге):

Беги за маэстро Якопо, проси побыстрее прийти ко мне. Позови-ка Никколо и Джинно.

(появляются двое слуг).

Несите Бенвенуто в мою потайную комнату. Осторожнее. Джинно, принеси постель для больного, а ты, Никколо, быстро приготовь воду, чтобы промыть раны, и все, что нужно для врача.

(Слуги готовят комнату. Входит врач).

КАРДИНАЛ: Мессер Перуджа, вы нам известны как лучший римский хирург. Помогите моему бедному другу встать на ноги. Можете рассчитывать на мою благодарность

(Наклоняется к Бенвенуто, шепчет ему на ухо).

Ни о чем не беспокойся. Я с утра пойду выпрашивать для тебя милость у Папы.

БЕНВЕНУТО: Напрасно все это.

КАРДИНАЛ: Все равно скрыть тебя не удастся. Слуги тебя видели. Уповаю на милость его преосвященства.

БЕНВЕНУТО: А я — только на милость Божью.

**Кардинал выходит на улицу и спешит во дворец.
Во дворце он встречает своего друга, которому
рассказывает, что Бенвенуто находится у него. Они
решают идти умолять Папу о помиловании.
Входят в приемную Папы.**

ПАПА (*быстро взглянув на вошедших*): Я знаю все, что вы от меня хотите.

ДРУГ: Ваше преосвященство, мы просим помиловать этого бедного человека, который знаменит не только своими дарованиями, но и необыкновенной храбростью и изобретательностью. Мы не знаем, за какие грехи Ваше святейшество держали его столько времени в тюрьме, поэтому если его грехи непомерно велики, то да исполнится ваша воля в великом и малом; но если грехи не столь велики, что могут быть отпущены, то мы — я и кардинал Коронаро просим, чтобы вы нам оказали эту милость.

ПАПА (*в смущении*): Мы держали Бенвенуто в тюрьме по ходатайству своих приближенных, потому что он немного излишне смел. Мы признаем его дарования и хотим его оставить при себе, и не хотим, чтобы он уехал на службу к императору. Мы сожалеем об его великой беде. Скажите ему, чтобы он старался поправиться, а за причиненные ему страдания мы его вознаградим.

(Пришедшие кланяются, благодарят и уходят).

Мы его обязательно вознаградим

(Зловеще улыбается. Появляется слуга)

СЛУГА: Мессер кастеллан замка Святого Ангела просит принять его по срочному делу.

ПАПА: Пусть войдет.

(Кастеллан, не доходя до Папы, падает на колени и ползет к Папе, целует руку)

Ну что, мессер Уголино, упустили птичку?

КАСТЕЛЛАН: Ваше преосвященство, это не человек, а дьявол. Весь Рим ходил смотреть на полосы, которые свисали с крыши замка и обозначали путь беглеца. Верните его ко мне в тюрьму и, клянусь жизнью, он оттуда не выйдет. Как я могу поверить, когда он давал слово, что не убежит!

ПАПА (улыбается): Идите, идите. Я вам его верну во что бы то ни стало.

КАСТЕЛЛАН: Ваше святейшество, надо послать к Бенвенуто губернатора, чтобы тот узнал, кто помог ему бежать, потому что если это кто-то из моих людей, я его повешу на том зубце, с которого спустился Бенвенуто.

ПАПА: Хорошо. Пусть будет по-вашему.

(Кастеллан целует руку Папе и уходит. Папа остается один)

Червячок слез с крючка. Ничего, мы тебя снова нанижем. Да-а... Когда-то и я бежал из этой тюрьмы. Но я-то знал, за что сижу. Я ворочал большими делами. Поддельывал Папские бумаги. Вот это был размах!.. который чуть не стоил мне головы. А этот безвинно заключенный упрямый дурачок...

(Папа брезгливо улыбается)

Потайная комната кардинала Коронаро. Кардинал, Бенвенуто, слуга. Стук в дверь. Появляется Барджелл со стражей и папской челядью.

БЕНВЕНУТО *(в отчаянии)*: Все. Я погиб!

БАРДЖЕЛЛ: Такова твоя несчастная доля, Бенвенуто, что Папа не может тебя забыть.

(Страже):

Привяжите его к стулу и так понесем

(Привязывают Бенвенуто к стулу, накидывают сверху покрывало).

БЕНВЕНУТО: Не проще ли меня здесь приколоть?

БАРДЖЕЛЛ: Такого приказа не было. Пошли.

(Приносят Бенвенуто в ту же комнату в замке Святого Ангела, откуда он бежал. Появляется кастеллан. Он болен, на лице капли пота, он опирается на плечо своего слуги)

КАСТЕЛЛАН *(с волнением и злостью)*: Ну вот, дорогой гость, ты снова здесь, и пока я жив, ты будешь моим пленником.

БЕНВЕНУТО *(насмешливо)*: И долго ты собираешься прожить?

КАСТЕЛЛАН *(кричит)*: Долго! Намного дольше тебя, беглец-хитрец. Что? Не удалось убежать?!

БЕНВЕНУТО: Я убежал. И если б не был продан под папским словом, никто бы меня не смог поймать. Раз тебе подан дурной пример отцами церкви, то и ты постарайся от них не отстать. А мне теперь все безразлично на свете...

КАСТЕЛЛАН: Господи, покарай упряма. Ты видишь, что я заболел и еле держусь на ногах. Ему безразлично жить или умереть и он еще смелее, чем когда был здоров!

(Страже):

Поместите его в подземную камеру и никогда больше не говорите мне про него. Если я когда-нибудь умру, то из-за него.

(Бенвенуто несут в подземелье).

**Камера, где стоит вода, полутемно, небольшое
забранное решеткой окошечко под потолком.**

(Тюремщики бросают на пол подстилку и уходят, заперев несколько дверей. Весь день ему не приносят ни еды ни питья. Только ночью открывается дверь, приносят еду и библию. В темноте, сырости Бенвенуто проводит много-много дней. Сначала он хочет покончить жизнь самоубийством, но под рукой ничего нет. Он сидит в забытьи. Ему кажется, что в камеру пришел прекрасный юноша, который сказал: «Знаешь ли ты, кто тот, кто ссудил тебя этим телом, которое ты хотел разрушить раньше времени? — Бенвенуто отвечает, что все от Бога. И юноша говорит: «Так, значит, ты пренебрегаешь Его замыслом, если хочешь разрушить тело. Представь Ему руководить тобою и не теряй упования на Его могущество». Бенвенуто приходит в себя. На четвереньках подползает к кусочкам кирпича и растирает их в кашу, отламывает зубами от двери щепку и пишет на библии:

Мой дух, поникший в горе,
Увы, жестокий, ты устал от жизни!
Когда ты с небом в споре,
Кто мне поможет? Как вернусь к отчизне?
Дай, дай мне удалиться к лучшей жизни.
— Помедли, ради Бога,
Затем, что небо к счастью
Готовит нас, какого ты не знал.
— Я подожду немного,
Лишь бы Творец своей всевышней властью
Меня от горшей оградил печали.

(Бенвенуто разыскивает кусочек угля и на стене рисует образ Христа. Входит кастеллан со стражей, чтобы бросить узника по приказу Папы в глубокий колодец. Бенвенуто молится, не поворачиваясь к ним. Нога его к этому времени срослась. Отросли волосы, почти вывалились зубы)

КАСТЕЛЛАН: Что же ты, собака, делаешь вид, что не слышишь, что за тобой пришли?

БЕНВЕНУТО (оборачиваясь): Что это, мессер, вы так вооружились, будто вышли на охоту против дракона?

(отворачивается).

К этому Богу, который возносит меня к тому, что на небесах, я обратил душу мою и мои созерцания, и все мои жизненные силы, а к вам я обернул как раз то, что вам достойно разглядывать, потому что лицо мое вы видеть недостойны. Так что делайте с тем, что ваше, все, что вы можете.

КАСТЕЛЛАН: Положите оружие. Живо, живо кидайтесь на него и хватайте. Ведь не дьявол же он, чтобы всем нам его бояться. Теперь держите крепко, чтобы он у вас не вырвался.

БЕНВЕНУТО (поднимая глаза к Христу): О, праведный Боже, ты же оплатил на кресте все долги наши, почему же теперь должна оплачивать моя невинность долги тех, кого я не знаю? Но да будет воля Твоя!

(Стражники, освещая путь факелами, уносят Бенвенуто и помещают его в отвратительную грязную пещеру с отвесными стенами. Проходит несколько дней. В пещеру спускается барджелл со стражей в сопровождении кардинала Коронаро).

БАРДЖЕЛЛ: Бенвенуто, вставай, мы тебе принесли добрую весть.

(Страже):

Помогите ему вылезти. Бенвенуто, ты помилован. Папа отдал тебя кастеллану, и он, будучи смертельно болен, уже отдал приказ о твоей смерти, но вдруг за несколько минут до своего конца передумал и сказал, что знает о твоей невинности и дарит тебе жизнь и свободу.

КАРДИНАЛ: Дорогой Бенвенуто, его величество с нетерпением ждет твоего приезда. Пойдем со мной. Я тебя устрою так, что ты будешь доволен

(Уходят).

Если б ты знал, чего мне стоило упросить его преосвященство освободить тебя...

Бенвенуто и мальчик, который записывает его воспоминания.

БЕНВЕНУТО: Да, Господь сотворил чудо, истинное чудо! В то время, как Папа занимался кутежом и, напившись, как свинья, повалился и хотел блевать, кардинал Коронаро снова попросил моей свободы. И Папа, грязно выругавшись в адрес кастеллана, который не убил меня, сказал, чтобы кардинал брал меня сию секунду и чтобы он о Бенвенуто никогда больше не слышал. И добрый кардинал оставил тотчас непристойный пир и бежал ко мне в тюрьму. И я сочинил капитул в честь своего освобождения. А ты перепиши его. Вот его начало:

Кто хочет знать о всемогущем Боге
И можно ли сравниться с ним хоть в мале,
Тот должен, я скажу, побыть в остроге.
Пусть тяготят его семья, печали
И немощи телесного недуга.
Да пусть еще придет из дальней дали,
А чтоб еще сильнее была заслуга,
Пусть взят безвинно; без конца сиденье,
И не иметь ни помощи, ни друга.
Да пусть разграбят все твое именье;
Жизнь под угрозой; подчинен холую,
И никакой надежды на спасенье...

**Кардинал, Бенвенуто, который работает над
архипастырской печатью.**

КАРДИНАЛ: Бенвенуто, надеюсь, ты уже пришел окончательно в себя и можешь приступить к очень важной работе. Сделай солонку, которую я хочу подарить королю. Но это должна быть такая солонка, какой нет ни у кого. А времени у нас с тобой очень мало. Через десять дней мы уезжаем в Париж.

БЕНВЕНУТО: Прошу вашего согласия, ваше преосвященство, взять с собой двух моих учеников, которые уже могут работать, как истинные мастера, и будут мне отличной подмогой. Еще я хочу взять с собой слугу.

КАРДИНАЛ: Хорошо, пусть едут. Я распоряжусь, чтобы вам были предоставлены лошади и все, что нужно для перевозки материалов и инструментов.

*(Бенвенуто и трое его сопровождающих едут на лоша-
дях. За ними идут два груженных ослика. Подъезжают
к Фонтенбло, где расположен королевский двор. Бенве-
нуто разыскивает кардинала, он тут же велит отве-
сти Бенвенуто жилью и торопит переодеться и идти к
королю. Бенвенуто быстро переодевается, вытаскивает
вазу, кувшин и идет за кардиналом)*

Король, свита, кардинал, Бенвенуто.

КАРДИНАЛ: Ваше величество, позвольте мне вручить неболь-
шой подарок в знак признания ваших высоких дел во славу
святой церкви

*(подает вазу и кувшин королю, король с восхищением
рассматривает работу).*

КОРОЛЬ: Узнаю руку талантливого мастера. Хотел бы его уви-
деть.

КАРДИНАЛ: Он здесь, ваше величество. Подойди, Бенвенуто.

(Бенвенуто подходит, становится на колени, целует колено королю, король поднимает его).

БЕНВЕНУТО: Ваше величество. Благодарность моя бесконечна за то, что вы спасли меня из темницы. Подобные деяния записываются в книги Божьи прежде всех других, какие могут быть сотворены на свете, так как Ваше величество освобождает людей пригодных к работе и безвинных, как я.

(король с благосклонным вниманием слушает).

КОРОЛЬ *(взяв в руки вазу и кувшин):* Мне помнится, что я видел все лучшие произведения, созданные мастерами Италии, но никогда не видел ничего, что бы меня больше восхищало. Бенвенуто, повеселись несколько дней, а мы тем временем подумаем, как создать вам удобства для создания прекрасных произведений.

(Огромный королевский поезд медленно, как черепаха, движется и в хвосте его плетутся Бенвенуто и его спутники. Бенвенуто мучается праздностью, находит кардинала и просит, чтобы он договорился с королем, чтобы тот отпустил его работать. Кардинал советует ждать и время от времени показываться на глаза королю, чтобы он вспомнил о своих обещаниях. Однажды во время обеда король замечает Бенвенуто и велит его подзвать).

КОРОЛЬ: Бенвенуто, мы намерены исполнить много больших работ и скоро дадим распоряжение, чтобы тебе предоставили дом и все, что нужно для работы.

КАРДИНАЛ *(по-французски):* Ваше величество, этот Бенвенуто испытывает великое желание начать работать. Грех заставлять подобного художника терять время.

КОРОЛЬ: Святой отец, оговорите с Бенвенуто все, что ему нужно и какое ему положить жалованье.

(Кардинал и Бенвенуто отходят к толпе придворных)

КАРДИНАЛ : Бенвенуто, мне кажется, что тебе достаточно будет трехсот дукатов в год, а об остальном я позабочусь.

БЕНВЕНУТО (*вспыхивая*): Я до самого конца жизни буду благодарен Богу и вашему преосвященству за освобождение из темницы, но если бы я знал, что вы так низко меня цените, то лучше бы мне оставаться в Италии.

КАРДИНАЛ (*сердится*): Ну, так ступай, куда хочешь, потому что насильно никому добра не сделаешь.

(Бенвенуто резко отворачивается и отходит)

ПЕРВЫЙ ПРИДВОРНЫЙ: Этот итальянец мнит о себе невесть что, раз отказывается от трехсот дукатов дохода.

ВТОРОЙ ПРИДВОРНЫЙ: Э, нет! Король никогда не найдет ему равного, а кардинал хочет торговать им, словно это вязанка дров.

(Кардинал вновь подходит к королю и говорит о жалованье Бенвенуто, отходит к толпе придворных и подзывает Бенвенуто).

КАРДИНАЛ: Наш христианнейший король сам от себя назначил вам такое жалованье, какое его величество давал Леонардо да Винчи, живописцу, то есть семьсот скудо в год. Кроме того, вам будут оплачены все работы, которые вы их величеству сделаете. Кроме того, ради вашего приезда вам дают пятсот золотых скудо.

БЕНВЕНУТО (*громко*): Вот это предложения достойные великого короля!

КАРДИНАЛ: Подойдите к его величеству.

КОРОЛЬ: Бенвенуто, мы решили дать тебе большой заказ. Сделай мне модели двенадцать серебряных статуй, которые будут служить светильниками вокруг нашего стола. Это должны быть фигуры шести богинь и шести богов человеческого роста

(поворачивается к казначею):

Немедленно выплатите ему награду в пятьсот скудо. А ты, Бенвенуто, поезжай в Париж и подыщи помещение, подходящее для такой работы.

БЕНВЕНУТО: Благодарю ваше величество за заботу обо мне и знайте, что я превзойду самого себя, чтобы доставить вашему величеству радость и удовольствие

(откланивается и уходит).

Королевский дворец в Париже. Король и придворные, кардинал. Бенвенуто показывает королю модели из воска: Юпитер, Юнона, Аполлон, Вулкан. Король их осматривает.

КОРОЛЬ: Вот, начни с Юпитера. Ты выбрал помещение для работы?

БЕНВЕНУТО: Выбрал, ваше величество. Но мне угрожают смертью, если я его займу. Это замок Маленький Нель.

КОРОЛЬ: Кто смеет угрожать тебе?

БЕНВЕНУТО: Разные, ваше величество, вельможи и слуги.

КОРОЛЬ: А ты их боишься? Ты кто такой и как тебя зовут?

(Бенвенуто растерянно молчит)

Еще раз спрашиваем: кто ты такой и как твое имя?

БЕНВЕНУТО: Меня зовут Бенвенуто Челлини.

КОРОЛЬ: Если ты действительно тот самый Бенвенуто, о котором я слышал, то поступай по своему обычаю, а мы тебе даем на то полную волю.

БЕНВЕНУТО: С меня достаточно сохранить благоволение вашего величества.

КОРОЛЬ: К той вазе и кувшину прекрасной работы нам хотелось бы иметь и золотую солонку. Мог бы ты сделать рисунок, только поскорее?

БЕНВЕНУТО: Ваше величество, на счастье у меня с собой есть рисунок прекрасной солонки, которую я собирался начать еще в Риме.

(вытаскивает из сумки рисунок).

Вот он. А вот и модель солонки.

КОРОЛЬ (*рассматривает*): Превосходно. Лучшего я нигде не видел.

ПЕРВЫЙ ИЗ СВИТЫ: Государь, это огромнейшая работа, и поэтому есть опасения, что она никогда не будет закончена. У художников всегда имеются великие замыслы, они дают им начало, не помышляя, когда им будет конец. Поэтому желательно было бы знать, когда ваше величество ее получит.

КОРОЛЬ: Если точно доискиваться конца работ, то не хватит смелости их начать.

БЕНВЕНУТО: Вот те государи, которые придают духу своим слугам, и все великие предприятия облегчаются. И раз Бог даровал мне такого удивительного покровителя, я надеюсь закончить много великих и удивительных работ.

КОРОЛЬ: И я этому верю. Сколько золота требуется для солонки?

БЕНВЕНУТО: Не меньше тысячи скудо.

КОРОЛЬ (*казначей*): Виконт, выдайте для работы мастеру Бенвенуто тысячу золотых дукатов.

КАЗНАЧЕЙ (*вздыхнув*): Ну что ж, выдать, так выдать. Иди за мной, Бенвенуто.

Выходят из дворца. Спускаются по лестнице. Бенвенуто вытаскивает из сумки маленькую корзиночку, а сумку передает слуге и велит идти домой. Казначей приводит Бенвенуто в свой дом и велит сидеть и ждать в прихожей.

Время идет, темнеет. Бенвенуто начинает нервничать. Обращается к слуге казначея, чтобы тот напомнил о нем. Слуга приходит и говорит, что казначей отбирает золото. Снова тянется время. Наступает ночь. Наконец, казначей приглашает Бенвенуто к себе. Бенвенуто входит в комнату. На столе стоят столбиками золотые монеты.

КАЗНАЧЕЙ: Ну вот тебе требуемое золото.

БЕНВЕНУТО: Пока я буду его проверять, не откажите, ваше сиятельство, послать слугу за моими работниками. Боюсь я ночью идти один с таким богатством.

КАЗНАЧЕЙ (*держит за звонок, появляется слуга*): Сходи на дом к Бенвенуто Челлини и попроси работников прийти сюда
(*Слуга ухмыляется и выходит*).

Ну, считай побыстрее и расписывайся. Уже поздно, я спать хочу (*зевает*).

БЕНВЕНУТО: Ваше сиятельство, прошло уж без малого 8 часов, как я сижу в вашем доме. Так что в этой задержке я не виноват.

КАЗНАЧЕЙ: А ты дерзкий, Бенвенуто. Смотри, как бы бог или люди тебя не наказали.

БЕНВЕНУТО: Божья милость надо мной, а людей я не боюсь.
(*Входит слуга*)

СЛУГА (*по-французски, казначей переводит*): Ваши слуги, месьер Бенвенуто, не могут прийти, но я могу охотно снести эти деньги.

БЕНВЕНУТО: Нет уж, деньги я понесу сам.

(Заканчивает считать, подписывает договор, ссыпает деньги в корзиночку и идет к выходу. Выйдя из дома, продевает руку через обе ручки корзиночки, так что она оказывается у него подмышкой. Накидывает сверху плащ и идет пустынными улицами. Из дома казначея выскользывают четыре человека и бегут в обход. Бенвенуто проходит через мост и идет вдоль реки домой. Возле монастыря Августинцев появляются четыре человека со шпагами и теснят Бенвенуто. Он выхватывает шпагу.)

БЕНВЕНУТО: У солдата ничего не выгадаешь, кроме плаща и шпаги.

(смело отбивается от них, распахивая плащ нарочно, чтобы они видели, что у него ничего нет).

ПЕРВЫЙ ИЗ НАПАДАЮЩИХ: Должно быть это не тот итальянец. У него и денег не видно.

ВТОРОЙ: Дерется как настоящий солдат. Наверное это и есть солдат.

ТРЕТИЙ: Бросьте его. Давайте встретим другого.

(Постепенно отстают, но идут следом за Бенвенуто. Когда до дома остается шагов сто, Бенвенуто бросается бежать и кричит)

БЕНВЕНУТО: К оружию, к оружию! Сюда! Сюда! Меня убивают!

(Преследователи кидаются к Бенвенуто, но в это время выскакивают слуги Бенвенуто с оружием и преследователи бегут прочь).

БЕНВЕНУТО *(тяжело дышит):* Эти четверо трусов не сумели захватить у одного человека добычу в тысячу золотых скудо!

(Отдуваясь)

Что же вы, черти, не пришли за мной?!

СЛУГИ: Нас никто не звал.

БЕНВЕНУТО: Я так и думал. Ах, разбойники, их сиятельство!

Мастерская Бенвенуто. Кипит работа. Из алебаstra сделаны фигуры Юпитера, Вулкана и Марса. Бенвенуто и его подручные по частям делают торс Юпитера и его голову из серебра. Готовятся формы для отливки бронзы, готовится форма для отливки золотой солонки. Трудятся нанятые ювелиры и их подручные. Там же стоят бюсты из алебаstra Юлия Цезаря и королевы. Ярко горит горн, в котором обжигают глиняные модели и формы.

СЛУГА *(вбегает):* Синьор Челлини, сюда идут король со всей свитой.

БЕНВЕНУТО: Очень рад. Иди отвори двери пошире. Всем работать. Пусть его величество увидит, что мы не зря деньги получаем.

(Медленно и торжественно входят король с госпожой де Тамп и свитой. Бенвенуто кланяется королю и госпоже де Тамп.)

КОРОЛЬ *(осматривается)*: Мы попали прямо в царство Вулкана. Ну что ж, Бенвенуто, покажи нам свои успехи.

БЕНВЕНУТО: Вот, ваше величество, почти готовая фигура Юпитера. Вот здесь мастера заканчивают золотую солонку для вашего стола. А вот эту серебряную вазочку я хочу подарить, с вашего позволения, госпоже де Тамп.

Г-ЖА ДЕ ТАМП: Бенвенуто действительно талантливый мастер, Ваше величество. Надо поручить ему работы по украшению дворца в Фонтенбло.

КОРОЛЬ: Это вы верно заметили. Бенвенуто, подумай, как нам украсить дворец и источник. Сделай модель для источника, пока я буду в Сен Жермен де Айя. Успеешь?

БЕНВЕНУТО: Ваше величество, я сделаю все возможное.

КОРОЛЬ *(г-же де Тамп по-французски)*: У меня еще никогда не было человека этого ремесла, который бы мне так нравился и так бы заслуживал награды. Он так много работает и так много тратится на работу, что мы сами должны помнить о нем. Заметьте, мадам, что сколько раз он ни приходил ко мне, никогда он ни о чем не просил. Видно, что сердце его целиком занято работами. Надо сделать для него что-нибудь хорошее поскорее, чтобы нам его не потерять.

Г-ЖА ДЕ ТАМП: Я вам об этом напомним...

(Король и свита еще раз осматривают помещение и медленно выходят)

Бенвенуто лепит с натуры нимфу. Натурщица Катерина, молодая девушка, полулежит на скамье, покрытой ковром, опершись на локоть.

КАТЕРИНА (*капризно*): Я устала так лежать. Ты слышишь, папочка?

БЕНВЕНУТО: Каждый человек должен трудиться. А так как ты ничего другого делать не умеешь, как лежать, то и лежи, пока я не закончу модель. И я не отец твой, а возлюбленный твой.

КАТЕРИНА: Ты противный старикашка!

(показывает ему язык)

БЕНВЕНУТО: Я еще не настолько стар, чтобы не ценить твое молодое тело. Ты пойми, дурочка, благодаря моей работе твой образ обретет бессмертие. На тебя будут смотреть король и его свита.

КАТЕРИНА: Ах, если бы я была возлюбленной короля, как госпожа де Тамп!

БЕНВЕНУТО: Ишь ты! Не так давно я подобрал тебя на улице, где ты бедствовала со своей матерью. Быстро однако приходит вкус к хорошей жизни. Теперь ей короля подавай.

КАТЕРИНА: А за что его величество так к тебе благоволит?

БЕНВЕНУТО: Потому что мы с ним безустали трудимся, и каждый в своем деле мастер. Ты думаешь, легко управлять государством? Он работает с утра до вечера, и все у него спрашивают совета что и как делать.

КАТЕРИНА: А в сказках король с королевой ничего не делают, только едят и пьют на золоте, и развлекаются.

БЕНВЕНУТО: Дураки, которые никогда не видели правителя вблизи и его тяжелую работу, сочиняют такие сказки. Ну ладно, вставай, одевайся и жди меня к ужину. Я пойду показать модели его величеству.

Королевский дворец. Зал. Выходит король. Он чем-то озабочен. Видит Бенвенуто.

КОРОЛЬ: Бенвенуто, что ты для меня приготовил?

БЕНВЕНУТО: Вот, Ваше величество, модель для дворцовой двери в Фонтенбло, а это вот — модель для фонтана.

КОРОЛЬ (*оживляясь*): Очень красиво, хотя и непонятно, что означают фигуры в вершинах квадрата и в центре. Но я знаю, что ты, Бенвенуто, дал эти аллегории со значением. Не так ли?

БЕНВЕНУТО: Точно так, Ваше величество. Фигура посередине — Марс, изображает само Ваше величество, потому что вы есть единственный в мире храбрец, и эту храбрость вы применяете справедливо и свято. А остальные фигуры — это словесность, философия, изобразительное искусство и музыка.

КОРОЛЬ (*хлопает Бенвенуто по плечу*): Mon ami, я не знаю, какое удовольствие больше — удовольствие ли государя, что он нашел человека себе по сердцу, или удовольствие художника, что он нашел государя, который дает ему все удобства для свершения великих художественных замыслов.

БЕНВЕНУТО: Если я тот, о ком говорит его величество, то моя удача гораздо больше.

КОРОЛЬ (*смеется*): Скажем, что она одинакова.

(Входит госпожа де Тамп.)

Мадам, взгляните. На ваших глазах происходит рождение шедевра!

Г-ЖА ДЕ ТАМП (*с гневом*): Если бы Бенвенуто перед тем, как беспокоить Ваше величество, показал мне свои работы, он дал бы мне повод вспомнить о нем при случае!

КОРОЛЬ: Дорогая, не следует сердиться. Я ничуть не жалею потраченного времени.

Г-ЖА ДЕ ТАМП: Мессер Челлини может принять к сведению, что при дворе его величества имеется достаточно людей, прекрасно разбирающихся в искусстве и немало мастеров несколько не хуже маэстро.

БЕНВЕНУТО (*в растерянности*): Извините, мадам, я вовсе не желал доставить вам неприятности...

Г-ЖА де Тамп: Вы! Мне?! Не забывайте, синьор ваятель!

(Король незаметно показывает Бенвенуто, чтобы он ушел. Бенвенуто кланяется и уходит. Спускается по лестнице)

БЕНВЕНУТО (*бормочет сквозь зубы*): Проклятая шлюха! Какого дурака я сваял! Теперь она будет мне мстить, я чувствую. Надо бы ее задобрить... Но как?

(идет в самом скверном настроении, встречает знакомого мастера Маттио)

МАТТИО: Бенвенуто, куда спешишь? Здравствуй, дорогой! Чем так озабочен?

БЕНВЕНУТО: О, Маттио, привет. Дела шли бы прекрасно, если бы проклятые бабы не вмешивались и не портили жизнь. Устал я, Маттио, от интриг и подлостей куда больше, чем от работы.

МАТТИО: Послушай, дорогой! А не развлечься ли нам? Я тут в горах знаю одно место — просто райские сады. Возьми вина, повеселимся. Два-три дня — и все печали как рукой снимет. Там я снял домик.

БЕНВЕНУТО (*воодушевляется*): Ты прав, черт возьми! Надо встряхнуться. Когда же?

МАТТИО: Да хоть завтра.

БЕНВЕНУТО: Послезавтра. Мне нужно распорядиться насчет работы. А далеко ли ехать?

МАТТИО: Часа три верхом. Подъезжай к моему дому пораньше, чтобы не пекло дорогой.

БЕНВЕНУТО: Договорились. Спасибо, Маттио.

**Бенвенуто входит в дом, проходит по мастерским.
Смотрит все ли в порядке.**

АСКАНИО, ПАГОЛО: Добрый вечер, хозяин.

БЕНВЕНУТО: Слава Христу, добрый. Ребята, я решил устроить себе и вам небольшой отдых. Нас приглашают прогуляться и пошаровать в одном хорошем месте денька три.

АСКАНИО: Спасибо, мессер Бенвенуто.

ПАГОЛО: Хозяин, позвольте дать вам совет.

БЕНВЕНУТО: Что за совет?

ПАГОЛО: Вы хотите уехать, но право, было бы большой ошибкой оставлять дом вот так без присмотра. У вас здесь столько золота, и серебра, и драгоценных камней. Париж — это город воров, а их надо остерегаться и ночью, и днем. Поезжайте спокойно, а я останусь и буду стеречь дом и читать молитвы. В другой раз еще кто-нибудь останется.

БЕНВЕНУТО (*подумав*): Ты прав, Паголо, спасибо.

Утро. Бенвенуто и Асканио верхом. С ними лошадь, навьюченная снадью и вином. Из ворот выезжает со слугами Маттио и они, весело болтая, едут по живописной местности. Подъезжают к дому.

Расседлывают коней, готовят еду, выносят столы. Пир. Веселье. Бенвенуто выходит из-за стола, прохаживается, любуется местностью. Снова садится за стол, пируют.

МАТТИО (*захмелев*): Я пью за дорогого гостя, моего соотечественника, который прославился великим умением и талантом, который стал известен не только в Риме и Флоренции, но и во Франции, здесь в Париже, которого знает сам его величество король Франции и которого вы все прекрасно знаете! Благодаря его таланту (пьет)... Да, и у которого прекрасный гостеприимный дом в Париже

(*пьет.*)

БЕНВЕНУТО: Благодарю, маэстро.

ПЕРВЫЙ ИЗ ГОСТЕЙ (с иронией): ...и у которого, говорят, есть чудесная молодая натурщица, которая годится и для других надобностей.

(все смеются)

МАТТИО: Отчего же, мессер Бенвенуто, вы не взяли ее с собой?

БЕНВЕНУТО: Я бы взял, но с нею мать, старая ведьма, увяжется.

ВТОРОЙ ГОСТЬ: А нет ли в доме уважаемого гостя молодого и пригожего парня, чтобы тот развлекал усладу сердца?

БЕНВЕНУТО (*вспыхнув*): Оставим это. Я таких шуток не люблю!

(Шутка задевает его за живое, но он заканчивает вместе со всеми пир, делает вид, что веселится, но затем незаметно седлает лошадь и едет домой. Постепенно ускоряет бег и к дому подлетает галопом. Врывается в дом и слышит крик старухи-матери: Паголо, Катерина! Хозяин приехал! Бенвенуто распахивает дверь спальни и видит обоих почти раздетыми. Выхватывает шпагу)

Твари бессовестные! Я сейчас вас обоих выпотрошу как лягушек!

КАТЕРИНА (*падает на колени*): Папочка, смилуйся, не убивай, я не виновата, это все он. Он взял меня силой!

(Паголо стремглав выбегает в дверь, летит по лестнице вниз. Бенвенуто за ним, бьет его наотмаш по спине шпагой. Паголо визжит. Бенвенуто дает ему подножку и Паголо летит кувырком на землю. Бенвенуто подходит и наступает ему ногой на грудь. Держит острое шпаги у горла)

БЕНВЕНУТО: Ах ты, недоносок! Я тебя, дрянь такую, выташил из грязи, платил тебе жалованье, доверил тебе дом и девушку, которую любил. Черт с тобой, свинья, живи! Но чтобы мои глаза никогда тебя больше не видели.

(плюет на него и уходит).

Входит в дом. Катерина и ее мать собирают узлы, мать держит шкатулку с деньгами. Бенвенуто дает оплеуху Катерине и ногой вышибает шкатулку из рук матери.

БЕНВЕНУТО: Вон отсюда!

(выталкивает их из комнаты и толчками провожает до самых дверей. С треском захлопывает дверь).

СТАРУХА: Старый развратный осел. Мы тебе еще покажем!

(Катерина подмигивает матери и вытаскивает из-под юбки два кошелька с золотыми монетами).

Мы тебя в тюрьму упрячем!

(уходят).

БЕНВЕНУТО (один): Боже! За что ты меня все время взыскуешь? Я ли не тружусь, как трудился Ты в дни творения! И что за странный мир, прости меня, Господи, ты устроил? Тот, кто может и хочет работать, должен ползать и пресмыкаться перед болтунами и шлюхами. Они, эти ничтожества, оценивают мою работу! Их похвалы еще хуже их ругани. Господи, неужели прочесть толпе дураков наставления, написанные чужой рукой, так же важно, как изваять Давида!

Утро. Бенвенуто входит во дворец короля и идет к казначею.

БЕНВЕНУТО: Монсиньор, его величество поручили мне сделать чеканы для монет и приложили рисунки, показывающие намерения его величества. А также я хотел бы получить часть денег для начала работы над фонтаном.

КАЗНАЧЕЙ (с сарказмом): Мне очень прискорбно сообщить вам, маэстро, неприятные известия, но все распоряжения, которые король сделал ранее относительно вас, — он отменил и

велел передать всю работу живописцу Болонье, вашему соотечественнику. Могу лишь добавить, что этой милости вы обязаны госпоже де Тамп.

БЕНВЕНУТО (*с горечью*): Когда наша превратная судьба берется преследовать человека, у нее никогда не бывает недостатка в новых способах, чтобы досадить ему.

КАЗНАЧЕЙ: Не желаете ли переговорить с мессером Болонья?

БЕНВЕНУТО: Слишком много чести для этого бездаря.

КАЗНАЧЕЙ: Известно, что он привез из Италии античные статуи и собирается сделать отливки в бронзе для его величества.

БЕНВЕНУТО: Что ж, посмотрим, чего он достигнет. Мой серебряный Юпитер уже готов, и я его выставлю во дворце Фонтенбло. (*уходит*)

Дворец Фонтенбло. Галерея. Висят картины Россо, барельефы, стоят бронзовые копии античных произведений на подножиях. Болонья расхаживает между ними. Бенвенуто стоит у своего Юпитера и как бы не замечает своего соперника. За окном темнеет.

БЕНВЕНУТО (*про себя*): Эта чертова шлюха нарочно не отпускает короля. Скоро совсем стемнеет и ничего не будет видно. Постой-ка! Эй, Асканио! Принеси-ка мне быстренько белый факел, я его укреплю в руке Юпитера

(*Асканио убегает, приносит факел*).

АСКАНИО (*запыхавшись*): Король со свитой уже подходят к лестнице.

БЕНВЕНУТО: Отлично. Зажигай факел.

(*Пламя озаряет величественную и грозную фигуру Юпитера. Появляется король с госпожой де Тамп, детьми и свитой. Бенвенуто кланяется королю и делает знак Асканио тихонько двигать скульптуру навстречу королю*).

КОРОЛЬ: Это много прекраснее, чем я ожидал. Я, любитель и знаток, не мог себе представить и сотой доли того, что вижу.

Г-ЖА ДЕ ТАМП: Можно подумать, сир, что у вас нет глаз. Неужели вы не видите, сколько прекрасных фигур из бронзы стоит вон там. И в них, в этих фигурах, состоит подлинная суть искусства скульптуры, а не в этих современных безделах.

КОРОЛЬ (*приблизившись к бронзовым скульптурам*): Тот, кто хотел навредить Бенвенуто, неожиданно оказал ему великую услугу, потому что при помощи этих чудесных фигур видишь и понимаешь, что его творение намного прекраснее и удивительнее.

Г-ЖА ДЕ ТАМП: Если посмотреть на его работу днем, то она покажется в тысячу раз хуже, чем ночью.

(Бенвенуто готов сорваться)

КОРОЛЬ: Бенвенуто, я тебя лишаю слова. Молчи и ты получишь больше сокровищ, чем пожелаешь

(уходя):

Воистину мы получили из Италии величайшего человека, полного стольких талантов!

(Свита и раздраженная госпожа де Тамп уходят вслед за королем. Король спускается с лестницы. Подзывает казначея).

Виконт, Мы хотели бы отблагодарить Бенвенуто и как можно скорее. Надо выплатить ему семь тысяч скудо в три или четыре платежа.

КАЗНАЧЕЙ: Ваше величество, это непомерно огромная сумма, а у нас в связи с военными приготовлениями столько расходов...

КОРОЛЬ: Война не вечна и с Божьей помощью мы ее вскоре успешно завершим и забудем об ее тяготах. Что же касается Бенвенуто, то я уверен — его творения бессмертны, так же

как бессмертны творения древних. И через пятьсот лет о моем правлении будут помнить по тем прекрасным вещам, которые по моему заказу создал Бенвенуто Челлини.

КАЗНАЧЕЙ: Ваше величество, есть еще одна веская причина. Если сейчас отдать деньги Бенвенуто, вы его скорее всего лишитесь. Бенвенуто, почувствовав себя богатым, накупит земель в Италии и уедет, как только ему взбредет в голову. Поэтому было лучше подарить ему что-либо в вашем королевстве.

КОРОЛЬ (*колеблется*): Пожалуй, вы правы... Но все же тысячу скудо — его жалованье и расходы ему надо оплатить как можно скорее.

(подходит надутая госпожа де Тамп).

Г-ЖА ДЕ ТАМП: Не понимаю, как можно давать столько воли человеку низкого звания, ремесленнику. Неужели ваше величество не видит, как он унизил меня и мои старания в ваших глазах. Я не заслужила от вас такую жестокость

(Плачет)

КОРОЛЬ (*смущенно*): Ну-ну, друг мой, вы расстраиваетесь понапрасну. Конечно, Бенвенуто — человек с характером. Но, может быть, именно этим он и ценен!

Г-ЖА ДЕ ТАМП (*всхлипывая*): С характером! Да он просто нахал. Невежда, не имеющий представления, как должно обращаться с людьми, которые неизмеримо выше его. Он меня ненавидит. А спросите его, за что? Ваше величество, если в вашем сердце осталась хоть искра любви ко мне, поставьте этого негодяя на место. Умоляю вас!

КОРОЛЬ: Ну, хорошо, хорошо. Я обещаю сурово с ним поговорить.

(Уходят)

**Дом Бенвенуто. Он встречается у входа короля с
небольшой охраной.**

КОРОЛЬ (*старается принять суровый вид*): Ну, похвались своими трудами, Бенвенуто.

БЕНВЕНУТО: Позвольте, Ваше величество, показать почти законченную дверь для вашего дворца в Фонтана Белио. Следуйте за мной вниз, Ваше величество.

(Спускаются в нижние комнаты. В одной из них стоит богато украшенная дверь. Король в восторге).

КОРОЛЬ (*в сторону*): Это чертова курица вынуждает меня выглядеть глупцом.

(вслух):

Дверь, конечно, хороша. Тут и спорить не о чем.

(Напускает на себя суровый и важный вид):

Бенвенуто, я, помнится, заказал вам двенадцать серебряных статуй. А вы? Вы пожелали сделать солонку, вазу, двери и всякие другие вещи. Если вы думаете поступать и впредь таким образом, я покажу вам, что происходит с теми, кто нарушает мои приказы.

(Придворные с испугом и сочувствием смотрят на Бенвенуто).

БЕНВЕНУТО (*опускается на колени и целует колено королю*):

Ваше священное величество! Все сказанное — истинная правда, но виноват не ваш покорный слуга, недостойный служить такому изумительному государю.

(с обидой и гневом):

Но только мне казалось, что ваше величество дали мне серебра на одну только статую, а не имея своего, я не смог сделать больше. Что же касается солонки и дверей, то вы сами приказали мне сделать их. Единственно статую Марса я сде-

лал без вашего приказа за счет моего кошелька. Узнав теперь, что Богу не было угодно удостоить меня столь почетной службы, я прошу у вашего величества немного благоволения, чтобы отпустить меня на волю. А я буду вечно благодарить Бога и его величество за те счастливые часы, которые я провел у него на службе.

КОРОЛЬ (*подымая Бенвенуто с колен*): Нет, нет, Бенвенуто. Ты нас неверно понял. Ты и впредь должен нам служить и мы довольны твоими трудами. А эти двери прекрасны, как двери рая.

БЕНВЕНУТО (*с упрямством*): И все же я прошу увольнения.

КОРОЛЬ (*вспыхнув*): Молчи! Сию минуту закрой рот, не то горе тебе.

(Помолчал).

Будем считать, что мы ничего тебе не говорили. Ты волен в выборе работы и мы щедро одарим тебя.

БЕНВЕНУТО: Благодарю Бога и ваше величество за все. Разрешите показать вам исполненную фигуру Марса, ваше величество.

(Асканио и другим слугам):

Откройте Марса.

КОРОЛЬ (*в изумлении*): Это неподражаемо!

(казначею) Немедленно верните все деньги, которые Бенвенуто истратил на эту работу

(смотрит на Марса с восхищением) Прекрасно! Прекрасно!

(обходит вокруг Марса). Ну, пора.

(вздыхает) До свидания, друг мой.

(уходит со свитой).

БЕНВЕНУТО (*с торжеством*): Асканио! Ты слышал, как король меня назвал? Он сказал мне «друг мой»!

**Король, госпожа де Тамп, кардинал и барон Сан-Поло
садутся в карету и едут.**

КОРОЛЬ: Должен вам сказать, святой отец, что вы не балуете вниманием своего подопечного Бенвенуто. Видите, он хочет уезжать.

БАРОН: Ваше величество, отдайте его под мою защиту, и у него не будет причин уезжать.

КОРОЛЬ: Что же это за способ, барон, которым вы собираетесь его удержать?

БАРОН (*увидев, что госпожа де Тамп дуется*): Я бы вздернул его на виселице и таким способом оставил его в королевстве.

Г-ЖА ДЕ ТАМП (*придя в хорошее настроение, громко смеется*): Этот нахал вполне заслуживает веревки.

КОРОЛЬ (*улыбается*): Я согласен, если барон найдет мне искусника равного Бенвенуто.

КАРДИНАЛ: Ваше величество, намечаемые вами военные операции не позволят вам в течение длительного срока уделять внимание любимому искусству. Разрешите Бенвенуто хоть ненадолго поехать в Италию. Он вернется к вам, как только на это будет ваше пожелание.

КОРОЛЬ: Хорошо. Только пусть доведет до конца незавершенные работы.

**Холмистая местность. Дорога. Верхом едут Бенвенуто
со слугой. Рядом в карете едет граф Галеотто дела
Мирандоло. Проезжают через границу Италии.**

ГРАФ: Ну вот, мессер Челлини, вы снова на родине. Стучит ли ваше сердце?

БЕНВЕНУТО: Воздух родины всегда был полезен моему организму.

ГРАФ (*саркастически*): Так уж и всегда? Особенно в Римской темнице! Нет, нет, я понимаю вас, маэстро. Скорбные воспоминания делают родину еще дороже. Не так ли?

БЕНВЕНУТО (*жестко*): Нет. Не так! Мерзавец, творящий несправедливость, никакого отношения к этому не имеет.

ГРАФ: Ну, ну. Не сердитесь. Мне кажется, что и мерзавцы — а их ужас как много — это тоже часть родины. Есть, конечно, и святые, и просто порядочные люди, но их меньше. Значительно меньше.

БЕНВЕНУТО: Я не согласен с вами, Ваше сиятельство. Просто люди слабы и уступают силе.

ГРАФ: А сила есть зло?!

БЕНВЕНУТО: Сила может быть и доброй.

ГРАФ: И вы, конечно, знаете пример...

БЕНВЕНУТО: Да, знаю. — Ваш просвещенный монарх.

ГРАФ: Ну, друг мой, это запрещенный прием...

(на дороге показывается карета, сопровождаемая кавалькадой. От кавалькады отделяется всадник и скачет к Бенвенуто).

ВСАДНИК: Герцог Пьерлуиджи желает с вами поговорить, мессер Челлини.

(Бенвенуто бледнеет, он растерян)

ГРАФ (*всаднику*): Ступай, сейчас он подъедет.

(Всадник отъезжает).

БЕНВЕНУТО: Накликали мы с вами беду, Ваше сиятельство.

ГРАФ: В чем дело?

БЕНВЕНУТО: Так этот герцог — племянник того проклятого Папы, который бросил меня в темницу! И по навету своего сыночка.

ГРАФ: Успокойтесь, дорогой. В моем присутствии никто не посмеет сделать вам зла. Поезжайте.

Бенвенуто поѐзжает к карете герцога, слезает с коня.

БЕНВЕНУТО: Ваше сиятельство хотели меня видеть? Хочу вам сказать, что я нахожусь под защитой короля Франции. Граф Галеотто дела Мирандоло тому свидетель!

ГЕРЦОГ (*улыбаясь*): Конечно, Бенвенуто, нам известно, что король Франции тебе покровительствует. Но даже если бы этого и не было, ты мог бы чувствовать себя в полной безопасности.

БЕНВЕНУТО: Благодарю вас, Ваше сиятельство.

ГЕРЦОГ: А если бы мы захотели, то ничье покровительство тебя бы не спасло. Ты ведь умный человек, Бенвенуто. Неужели, если я тебя повешу, то король Франции пойдет на меня войной?

БЕНВЕНУТО: Потому я и рассчитываю на вашу милость.

ГЕРЦОГ: Вот правильный ответ, Бенвенуто!.. Все то зло, какое тебе причинили, — я о нем очень сожалею. Я знал, что твоей вины не было — и ничем не мог помочь. Потому что Папа поверил твоим врагам, будто ты злословил на его счет. Я знаю верно, что этого никогда не было. Я очень жалел тебя. Забудем прошлое. А позвал тебя я, чтобы предложить заказ на работу, которую только ты способен исполнить в совершенстве.

БЕНВЕНУТО: Ваше сиятельство, мне очень лестно получить у вас заказ, но я не закончил работы у его величества. Если Ваше сиятельство соблаговолит подождать хотя бы месяца три-четыре, я почту за честь вложить весь свой талант в работу, которую сделаю для Вашего сиятельства.

ГЕРЦОГ (*улыбается*): Хорошо, я согласен подождать три месяца. Поезжай, Бенвенуто.

(Бенвенуто кланяется, садится на коня, и отъезжает. Догоняет карету графа, и они постепенно скрываются из вида).

Бенвенуто и мальчик, записывающий его воспоминания.

БЕНВЕНУТО: Пиши, мой мальчик. Я тебе скажу несколько терцин, которые украсят мое повествование:

Ко мне с небес, несущий пальму славы,
Пресветлый ангел снизошел Господень
И обещал мне долгий век и здравый,
Так говоря: тот Богу не угоден,
Кто враг тебе, и будет в битве сгублен,
Чтоб стал ты счастлив, весел и свободен,
Отцом небесным и земным излюблен.

Как я сейчас сказал, так и получилось в жизни. Могущество божие никогда не оставляет безнаказанными какого угодно рода людей, которые чинят неправду и несправедливость невинным. Того Герцога вскоре убили его приближенные. Получилось, что они отомстили ему за меня и многих других, что были погублены. Великая сила Божия приходит неожиданно для тех, кто несправедливо обижает других...

Ну ладно. Не хочу тратить на него понапрасну бумагу. Итак, стоял август 1545 года, когда я поехал засвидетельствовать почтение нашему флорентийскому Герцогу, потому что я — гражданин Флоренции, и мои предки были всегда верны дому Медичи, а я больше других любил Герцога Козимо.

**Летний дворец Медичи в Подже а Кайанао.
Герцог, Герцогиня, Бенвенуто.**

БЕНВЕНУТО: Теперь ваша светлость из моих слов может судить, сколь велика была моя работа и мала награда за нее.

ГЕРЦОГ: Дорогой мой Бенвенуто, если бы ты захотел сделать что-нибудь для меня, я заплатил бы совсем иначе, чем король, которого ты так восхваляешь.

БЕНВЕНУТО: Как же мне его не хвалить и не благословлять. Ведь это он освободил меня из темницы и именно он дал возможность сделать те прекрасные работы, о которых я вашему высочеству рассказывал.

ГЕРЦОГ (морщится и жестом прерывает Бенвенуто): Прекрасно, прекрасно. Но если ты захочешь сделать что-нибудь для меня, то будешь вознагражден больше, лишь бы твои работы мне понравились.

БЕНВЕНУТО: Для вашей светлости я охотно сделаю либо из мрамора, либо из бронзы большую статую на площади перед Палаццо Веккьо.

ГЕРЦОГ: Решено. Вот тебе мой заказ — фигура Персея с головой Медузы Горгоны в вытянутой руке. Это должна быть не просто статуя, а символ моей победы над быдлом, именующим себя сторонниками республики.

БЕНВЕНУТО: Светлейший государь, там уже стоят работы великих Донателло и Микельанджело, но поддержка вашей светлости придает мне духу. Единственно, чего я прошу — это необходимых удобств, ибо без них не смогу исполнить столь высокий заказ.

ГЕРЦОГ: Все, что тебе нужно, напиши в ходатайстве, и у тебя ни в чем не будет нужды.

БЕНВЕНУТО: Прежде всего мне нужен дом, пригодный для работы. Я уже присмотрел таковой. Пусть ваша светлость распорядится о покупке этого дома для меня.

ГЕРЦОГ: Я распоряжусь. Иди же, Бенвенуто, и как можно скорее приступай к работе.

Перестройка дома под мастерскую. Бенвенуто в бешенстве бегает по дому и пристройкам, видя, что дело движется чрезвычайно медленно. Подъезжают три тачки с камнем, песком и известью. Бенвенуто выбегает во двор.

ВОЗЧИК: Мессер Челлини, примите груз для ваших построек.

БЕНВЕНУТО: А когда вы пришлете остальное?

ВОЗЧИК: Это все. Больше приказано не посылать.

БЕНВЕНУТО (*подпрыгивает от возмущения*): Что? Что ты сказал? Из этого не построишь даже голубятню! Кем приказано? Кому?

ВОЗЧИК (*спокойно*): Приказал его светлость, мажордом. А вот они сами едут.

(На коне подъезжает мажордом Риччо)

РИЧЧО (*не слезая с коня*): Мессер Челлини, по какому праву вы превратили чудесный дом с пристройками в свинарник?

БЕНВЕНУТО (*заводясь*): Я живу в этом доме и готовлюсь к работе по распоряжению его светлости!

РИЧЧО: Это ложь.

БЕНВЕНУТО: Ах вот как! Ложь? Позвольте спросить вашу милость, кто вы такой?

РИЧЧО: Я мажордом его светлости, Пьер Франческо Риччо и попрошу вас...

БЕНВЕНУТО (*прерывает*): А я прошу вас, сер Риччо, не задирать нос. Таких как я — единицы во всем мире, и мы достойны беседовать с королями и Папами. А такие, как вы, ходят по десять в каждую дверь. И передайте его светлости, что если дела будут и дальше так продолжаться, я брошу все и уеду во Францию. Ясно?

(Риччо бледнеет от злости, стегает коня и уезжает)

Боже, что за страна! Одни лентяи, дураки и жулики. Как они ухитряются добывать себе хлеб насущный!

(Во двор въезжает с сопровождающими граф Галеотто дела Мирандоло)

ГРАФ: Добрый день, маэстро. Ехал мимо и узнал, что вы разместились здесь со своими работниками.

БЕНВЕНУТО: Добрый день, ваше сиятельство. Это не работники, а ленивые скоты.

ГРАФ: Я получил письмо из Франции. Король недоволен вашим поспешным отъездом. Его казначей должен прислать вам запрос по истраченным суммам.

БЕНВЕНУТО: Я с удовольствием и подробно все напишу его величеству. На мне нет никакой вины, и я по первому знаку его величества могу прилететь, чтобы дать отчет о себе вместе с собственной жизнью.

ГРАФ: Какой же теперь замысел вы воплощаете, мессер Челлини?

БЕНВЕНУТО: Я делаю статую Персея для его светлости. Не желаете ли посмотреть, ваше сиятельство, начало работ? (ведет графа в дом) Вот этот портрет его светлости я сделал исключительно, чтобы испытать глину для отливки. Должен сказать вашему сиятельству, что великий Донателло, который отливал свои работы в бронзе, имел превеликую трудность из-за флорентинской глины. И вот я составил глину, которая служит мне отлично. Сейчас я сделал горн. Самое трудное — отлить тело поверженной Медузы. Я не хочу упустить всех предосторожностей, каким я научился, дабы не вышло у меня какой-нибудь ошибки.

ГРАФ: Ну что ж, друг мой, меня радуют ваши успехи. К сожалению, я должен возвращаться во Францию и не смогу присутствовать на открытии вашего Персея, но верю, что вы явите миру нечто изумительное. Прощайте

(Уходит. Бенвенуто смотрит в окно на работников, чертыхается и выбегает к ним во двор)

Мастерская Бенвенуто. На большом настиле лежит бронзовое тело Медузы. Рядом стоит восковая модель Персея в натуральную величину. В мастерскую входит Герцог с приближенными. Бенвенуто кланяется Герцогу и жестом спрашивает своих помощников из комнаты.

ГЕРЦОГ: Бенвенуто, когда же наконец будет готова работа, о которой я слышу, мне кажется, скоро десять лет. Я уже устал от обещаний.

БЕНВЕНУТО (*с обидой*): Ваша светлость, я тружусь над этой скульптурой всего третий год, и сделал много других работ за это время. Знает ли ваша светлость, сколько труда и времени у меня ушло на реставрацию мраморного Ганимеда? Мне легче было бы изваять его заново.

ГЕРЦОГ: Ну хорошо, хорошо. Но скажи мне, когда все же ты намерен окончить работу. Скажи мне честно, Бенвенуто, может быть, ты просто боишься, что она не получится. Вот я гляжу на прекрасную восковую модель Персея и мне не верится, что ты сможешь претворить ее в бронзе.

БЕНВЕНУТО (*еще более обиженно*): Государь, ваши сомнения от того, что ваша высокая светлость слишком верит тем, кто про меня говорят плохое, или же ваша светлость в этом не разбирается.

ГЕРЦОГ (*вспыхнув*): Я считаю, что разбираюсь в этом и разбираюсь отлично.

БЕНВЕНУТО: Да, как государь, но не как художник. Потому что тогда бы ваша светлость поверила, видя прекрасный бронзовый портрет вашей светлости, который я сделал. Взгляните, государь, на Медузу, вот она. Может ли ваша светлость представить, какое это было трудное литье? Ведь я сделал горн по-своему, я сделал два выхода для бронзы, потому что эта трудная и скрюченная фигура другим способом не вышла бы.

Так поверьте же мне, государь мой, и поддержите меня помощью духовной, в которой я нуждаюсь, иначе я не смогу сделать намеченное хорошо.

ГЕРЦОГ (*едва сдерживаясь*): Скажите-ка мне, маэстро, как это возможно, чтобы голова Медузы, которая так высоко торчит в руке Персея, могла выйти?

БЕНВЕНУТО: Вопрос вашей светлости как раз показывает полное незнание нашего искусства литья.

ГЕРЦОГ (*обращаясь к свите*): Мне кажется, что Бенвенуто перечит всему, что я говорю, чтобы показаться умным

(к Бенвенуто с насмешкой):

Я надеюсь, у меня хватит терпения выслушать твой довод, чтобы я ему поверил. Говори же.

БЕНВЕНУТО: Знайте, государь, что естество огня в том, чтобы идти с горячим воздухом кверху и поэтому голова Медузы выйдет отлично. Гораздо более трудностей в том, чтобы заставить огонь идти вниз, ибо правая ступня Персея может не получиться, но мне будет легко ее поправить.

ГЕРЦОГ: Почему же ты не позаботишься, чтобы все получилось сразу и хорошо?

БЕНВЕНУТО: Потому что для этого нужен огромный горн и литейный рукав толщиной с мою ногу.

ГЕРОЦОГ (*смягчаясь*): Ну ладно. Когда же конец?

БЕНВЕНУТО: На следующей неделе, если этого захочет Господь и ваша светлость.

ГЕРОЦОГ: Хорошо. Работников ты получишь. Но знай, что есть предел моему терпению.

БЕНВЕНУТО: Благодарю вашу светлость.

(Героцог и сопровождающие уходят)

Двор перед мастерской Бенвенуто. Работники роют ямы под литье. Другие тащат сосновые бревна и складывают в кучи. Сам Бенвенуто заканчивает обмазывать восковую модель Персея глиной. Получается глиняный кожух. Затем Бенвенуто с помощниками тщательно обертывает кожух железными листами и стягивает веревками. Затем с великой осторожностью они выносят модель во двор и на медленном огне прогревают и стапливают воск. Вечереет. Бенвенуто приказывает аккуратно положить дрова вокруг кожуха и обжигать форму. Костер горит всю ночь и день и следующую ночь. Наконец, утром с помощью воротов и веревок форму подвешивают в яме и опускают до пола горна. Осторожно закрепляют кирпичами и обсыпают землей. В землю Бенвенуто вставляет трубочки из обожженной глины.

БЕНВЕНУТО (*в последний раз проверяет все ли в порядке, кричит работникам*): Теперь загружайте горн бронзой и медью. Побыстрее, черт вас побори!

(работники загружают горн).

Запаливайте!

(через несколько минут пламя с гудением начинает прорываться сквозь металл)

Горит хорошо. Подкладывайте дрова, чтобы быстрее разжечь металл. Бернардино, иди сюда. Слушай, Бернардино, я уже на ногах не стою. Осталось совсем простое, но самое главное. Металл скоро будет готов. Остальные пусть быстро сделают желоба, потом двумя кочергами бейте по обеим втулкам, и я уверен, что форма наполнится отлично. Ты понял? Я пойду лягу

(Бернардино кивает)

Боже, я, кажется, скоро умру *(уходит, волоча ноги)*

(подымается в мастерскую)

Мона Флоре, я умираю. *(Падает. Вбегает служанка, всплескивает руками и с трудом тащит Бенвенуто в постель.)*

СЛУЖАНКА: Вот до чего вы себя изнурили безумными трудами. Вы весь горите, мессер Челлини.

БЕНВЕНУТО: Пить! Скорее дай горячего! Я умираю!

СЛУЖАНКА *(подносит ему горячее вино):* Как не стыдно мужчине так терять присутствие духа! Вы еще будете жить много-много лет, мессер Челлини. Усните хоть на часок.

(Бенвенуто забывается в лихорадочном сне, входит один из работников.)

СЛУЖАНКА: Тихе, ты! Топаешь своими ножищами. Дай отдохнуть хозяину.

БЕНВЕНУТО *(вздрагивает):* Что? Кто это?

РАБОТНИК: О, мессер Бенвенуто, ваша работа испорчена и этого уже ничем не поправить.

БЕНВЕНУТО *(вскакивает):* Что ты сказал, мерзавец? А-а-а-а!

(Дает ему оплеуху, начинает лихорадочно одеваться)

Мерзавцы!

(Сбегается прислуга, Бенвенуто раздает тычки и пинки и полуодетый бежит во двор. Орет на ходу)

Предатели! Завистники! Это — предательство с умыслом. Но я клянусь, что я разберусь в нем. Я с вас, мерзавцев, шкуру спущу! А ну идите все сюда. Делайте, как я говорю. Если кто откажется, я убью на месте, как собаку.

ПЕРВЫЙ ИЗ РАБОТНИКОВ: Смотрите, мессер, вы хотите исполнить предприятие, которого никак не позволяет искусство, и которого нельзя исполнить никоим...

БЕНВЕНУТО: Заткнись, старый осел, и не зли меня!

ВТОРОЙ ИЗ РАБОТНИКОВ: Приказывайте, мессер Челлини, и мы сделаем все, что можно выдержать!

БЕНВЕНУТО *(подходит к горну):* Ослы! Вы что, не видите, что металл сгустился? У вас тесто, тесто в горне!

(Подручным):

Бегом в дом за сухим дубом

(подручные убегают и приносят по охапке дров)

Наполняйте зольник! Еще дрова, живо!

(Подручные убегают снова)

Ну, слава Богу, начало разжигаться. Подкладывайте дрова!
Кидайте олово! Мешайте быстрее!

(Раздается грохот, вспышка)

ТРЕТИЙ ИЗ РАБОТНИКОВ: Мессер Челлини, горн треснул!
Бронза выливается.

БЕНВЕНУТО: Ах, дьявол! Живей открывая отверстия! Выбивай
втулки! Черт, медленно льется. Живей сюда все олово, что
есть в доме!

*(В горн летят оловянные блюда, чаши и тарелки.
Бронза становится совсем жидкой и легко течет,
заполняя форму. Бенвенуто становится на колени и
крестится).*

О Боже, ты, который твоим безмерным могуществом воскрес
из мертвых и во славе взошел на небеса, ты не оставил меня.
Благодарю тебя, Господи!

(встает)

И лихорадка моя прошла! Эй, скажите, чтобы принесли еды
и вина для всех!

(Служанки приносят еду и вино)

СЛУЖАНКА: Неужели передо мной тот самый человек, который
два часа назад чувствовал, что умирает?

ПЕРВЫЙ РАБОТНИК (4-му вполголоса): Не смогли мы испол-
нить поручение мажордома. Что мы ему скажем?

ЧЕТВЕРТЫЙ: Что тут поделаешь, если этот человек — сущий
дьявол и творит невозможное...

БЕНВЕНУТО: Так, сейчас всем отдыхать. Никому к литью не подходить. Если я кого увижу поблизости, клянусь престолом господним, я застрелю в тот же миг из аркебузы. Через два дня я буду открывать статую. Все свободны.

Через два дня, утром Бенвенуто постепенно открывает Персея. Рядом толпятся слуги и работники.

БЕНВЕНУТО: Ну как, хорош? Все получилось, как я говорил. А говорил я, что голова Медузы получится отлично, но ступня правой ноги не может получиться вполне. Так оно и вышло. Теперь порадуем его светлость. Мона Флоре, готовьте мне парадное платье. Через час я отправлюсь к герцогу.

(В хорошем настроении, напевая, направляется в дом. Слуги и работники расходятся).

Бенвенуто, парадно одетый, входит во дворец Медичи. Входит в скарбницу, смотрит, как работают ювелиры. Входит герцогиня. Бенвенуто низко кланяется).

БЕНВЕНУТО: Ваша светлость, у меня сегодня счастливый день. Я закончил громадное дело...

ГЕРЦОГИНЯ *(озабоченно)*: Бенвенуто, я знаю, вы мне друг и хорошо разбираетесь в драгоценностях. Взгляните на эту нить жемчуга. Нравится ли вам она?

(протягивает ожерелье).

БЕНВЕНУТО: По-моему, это вещь очень красивая.

(колеблется)

ГЕРЦОГИНЯ: Я хочу, чтобы Герцог мне ее купил. Так что, мой Бенвенуто, расхвали ее Герцогу, как только сможешь.

БЕНВЕНУТО: Государыня, выслушайте меня и только не сердитесь. Я думал, что эта нить принадлежит вашей высокой светлости и не хотел говорить огорчающие слова. Теперь же пусть ваша светлость знает, что я вижу в этих жемчужинах премного недостатков, из-за которых я никогда бы не посоветовал их покупать.

ГЕРЦОГИНЯ: Торговец мне отдает эту нить за 10 тысяч скудо. А без недостатков она, наверное, стоила бы все 12 тысяч.

БЕНВЕНУТО (*покачивая головой*): Государыня, жемчуг стареет, потому что это не драгоценные камни, как сапфир или изумруд, а всего лишь рыба кость...

ГЕРЦОГИНЯ (*капризно*): А я хочу эти жемчуга и хочу, чтобы ты расхвалил их Герцогу. Слышишь?

(Бенвенуто кивает головой и, взяв жемчуг, идет к герцогу).

Входит в приемную. Слуга докладывает о нем. Он входит в кабинет герцога. Герцогиня следует за ним и останавливается перед дверью кабинета.

ГЕРЦОГ (*приветливо*): А, Бенвенуто, какие вести ты принес?

БЕНВЕНУТО (*озабоченно*): Государь, я сегодня, наконец, закончил громадное дело...

ГЕРЦОГ: Что у тебя в руках?

БЕНВЕНУТО (*громко, чтобы слышала Герцогиня*): Государь, я пришел показать вам прекраснейшую жемчужную нить, редкостнейшую и поистине достойную вашей высокой светлости, из восьмидесяти жемчужин. Я не думаю, чтобы когда-либо было так удачно подобрано и которые имели бы лучший вид в одной нити.

ГЕРЦОГ: Я не хочу их покупать, потому что это вовсе не такие жемчуга, как ты их расхваливаешь, и они мне не нравятся.

(Герцогиня внимательно слушает разговор за дверью)

БЕНВЕНУТО (*кисло*): Простите меня, государь, но эти жемчуга превосходят бесконечной красотой все жемчуга, которые были когда-либо нанизаны на нить.

ГЕРЦОГ: Я знаю, что ты отлично разбираешься в этом. Поэтому, если ты честный человек, каким я всегда тебя представлял, поклянись, что говоришь истинную правду.

БЕНВЕНУТО (*чуть не плача*): Государь, если я скажу правду вашей светлости, то Герцогиня станет мне смертельным врагом, и я вынужден буду уехать и не смогу окончить моего Персея. А ведь он почти готов.

ГЕРЦОГ: Если ты мне доверяешь, то ни о чем не беспокойся.

БЕНВЕНУТО: Увы, государь, как это может быть, чтобы Герцогиня про это не узнала?

ГЕРЦОГ (*поднимая руку*): Считаю, что ты похоронил свои слова в алмазном ларчике. Говори!

БЕНВЕНУТО: Что говорить — вы сами видите, что жемчужины плохие.

(входит Герцогиня).

ГЕРЦОГИНЯ: Ваша светлость, я хочу получить эту чудесную нитку жемчуга, тем более, что Бенвенуто ее хвалит.

ГЕРЦОГ: Я не хочу ее покупать.

ГЕРЦОГИНЯ: Почему мой супруг не хочет доставить мне удовольствие?

ГЕРЦОГ: Потому что мне не нравится выбрасывать деньги.

ГЕРЦОГИНЯ: О, как же это «выбрасывать», когда Бенвенуто, которому вы заслуженно так доверяете, сказал, что на покупке можно выгадать больше двух тысяч скудо?

ГЕРЦОГ: Государыня, мой Бенвенуто сказал мне, что эта нитка слова доброго не стоит.

(Герцогиня с ненавистью смотрит на Бенвенуто и, ни слова не говоря, уходит).

БЕНВЕНУТО: Пропала моя бедная голова.

ГЕРЦОГ: Иди с богом, Бенвенуто, и не бойся ничего. Скажи мне только, когда же срок окончания работ над Персеем.

БЕНВЕНУТО (*устало*): С божьей помощью я два дня назад отлил статую. Теперь очередь за полировкой, позолотой, потом покрывать лаком буду...

ГЕРЦОГ: Ступай работать. Скоро я тебя навещу.

(Бенвенуто низко кланяется и выходит)

Площадь Синьории. На площади множество народа. Все рассматривают статую Персея. Герцог стоит у окна во дворце и слушает отзывы флорентинцев.

ПЕРВЫЙ: Великолепно. Какая красота и молодость!

ВТОРОЙ: Голова Медузы совсем не страшная. С такой и я сразился бы.

ТРЕТЬЯ: Какой красавец! Глазки опустил...

ПЕРВЫЙ: Это не уступит лучшим работам Великой школы.

ЧЕТВЕРТЫЙ: Смотрите, сколько записочек приколото к окнам. Наверное, и сонеты сочинили. Помните, когда Буонаротти выставил своего Давида, сколько было сочинено прекрасных сонетов?

ВТОРОЙ: Этой статуе до Давида, как лягушке до вола.

ЧЕТВЕРТЫЙ: Да, отдельные недостатки, конечно, видны...

ПЕРВЫЙ: Есть люди, которые во всем хорошем должны увидеть плохое.

ВТОРОЙ: Вон идет маэстро Пацци. Уж он-то знаток искусства. Что он скажет?

(Подходит Альфонсо де Пацци)

ПЯТЫЙ: Это лучшая статуя Флоренции!

ПАЦЦИ (*молча рассматривает, улыбается*): Все превосходно, особенно пьедестал. Я бы на месте Челлини снял бы Персея и выставил один пьедестал.

ПЯТЫЙ: Еще один «ценитель». Чем вам Персей не по душе?

ПАЦЦИ: Взгляните — на ногах юной девушки — торс старика...

ПЕРВЫЙ И ПЯТЫЙ: Ничего подобного мы не видим.

ПАЦЦИ: Значит, вам не дано.

ВТОРОЙ: Да, вид у Персея, как у осенней мухи. Вот-вот уснет.

ПЕРВЫЙ: Так ведь он только что окончил бой с Медузой. Он устал. Это любому ослу должно быть ясно.

ШЕСТОЙ: Правильно. В скульптуре Челлини — все правда — и красота тела, и усталость после боя.

(Пацци презрительно пожимает плечами и уходит)

Комната. Герцог у окна. Входит слуга.

ГЕРЦОГ: Сфорца, разыщи Бенвенуто и скажи ему, что я долго слушал отзывы флорентинцев о его работе и получил гораздо более удовольствия, чем даже ожидал. Скажи ему от моего имени, что я его отблагодарю со всей щедростью

(Сфорца уходит).

Дворец Медичи. Входит Бенвенуто. Секретарь Герцога подзывает его в холле.

СЕКРЕТАРЬ: Мессер Челлини, я имею честь от имени Герцога сказать вам несколько слов. Прошу вас в мой кабинет.

(входят в кабинет).

Их светлость хотели бы узнать у тебя, что ты просишь за своего Персея.

БЕНВЕНУТО *(опешив)*: Я никогда не стану спрашивать цену за мои труды, и это совсем не то, что обещал мне Герцог через Сфорца.

СЕКРЕТАРЬ *(повышая голос)*: А я тебе строго приказываю от имени герцога сказать свою цену, не то пеняй на себя!

БЕНВЕНУТО (*приходя в ярость*): Если бы государь дал даже десять тысяч скудо, все равно работа стоит намного дороже! И если бы я мог знать, что дойду до этих торгов, то ни за что бы не связался!

(открывается дверь, появляется Герцог).

ГЕРЦОГ: Что за крик, который слышен на лестнице?

СЕКРЕТАРЬ: Ваша светлость, этот высокомерный человек требует десять тысяч золотых скудо!

ГЕРЦОГ (*с холодной иронией*): Вот как! Не менее десяти тысяч? Города и большие дворцы строятся на десять тысяч дукатов!

БЕНВЕНУТО (*с холодным бешенством*): А также покупаются ожерелья из низкосортного жемчуга! Прошу прощения у вашей светлости, но я слышал, что Герцогиня получила-таки желаемую нить за десять тысяч скудо!..

ГЕРЦОГ (*вне себя*): Вон отсюда!

БЕНВЕНУТО: (*низко кланяясь*): Благодарю вашу светлость.

(демонстративно одевает шляпу и уходит)

ГЕРЦОГ: Упрямая скотина... А что сказал его враг Болонья? Во что он оценил работу этого мерзавца?

СЕКРЕТАРЬ: Неудобно даже называть эту цену... четырнадцать тысяч дукатов...

ГЕРЦОГ: Эти ослы мнят о себе невесть что. Если я буду платить каждому по четырнадцать тысяч, то скоро пойду с сумой. Вот что. Назначаю выплатить Челлини две с половиной тысячи скудо. И не сразу, а в рассрочку. Пусть ходит за деньгами!

**Старик и мальчик сидят в мастерской. Вечереет.
Служанка приносит свечи.**

БЕНВЕНУТО: Много еще работ я сделал у Герцога и много обид претерпел. Об этом можно написать еще три книги, да полще этой. Бог не дал мне сыночка. Был один, да умер в двухлетнем возрасте. И я часто говорю Персею, словно своему ребенку, когда иду мимо него по площади. Говорю ему: «Здравствуй, сынок, как поживаешь?»... Ты вот что запиши, Микеле. Герцог мне заказал Персея, как символ победы над республикой, которую он назвал быдлом. Но я вложил другой смысл в Персея, и ты напиши это и подчеркни. Я хотел показать, что молодость и храбрость побеждают зло, которое кажется всемогущим. А республика — это не быдло! Наоборот. Люди превращаются в скотов, когда теряют свободу и толпятся вокруг властителя, потворствуя его слабостям и выклянчивая подачки.

КОНЕЦ

Неудавшийся эксперимент

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В одном из уютных залов президиума Академии наук секретно совещались. У массивных белых с золотом дверей застыли мальчики с ясными глазами и оттопыренными задними карманами. Вицепрезидент глухим старческим голосом объявил о цели собрания и предоставил слово элегантно одетому мужчине с холодно-волевым лицом. Мужчина кратко остановился на напряженной международной обстановке и происках врагов социализма, а затем перешел к проблеме создания новых типов вооружения.

— В биоцентре полным ходом идет синтез живых организмов из клеточного вещества, — сказал он. — Мы стоим на пороге синтеза человека. Однако выращивание обыкновенных, ничем не примечательных индивидуумов — слишком дорогое удовольствие. К сегодняшнему дню на работы, ведущиеся в центре, истрачено более ста двадцати миллионов рублей. Установка создана для выращивания гениев, и она будет их выращивать. Мы готовимся к интеллектуальной войне. Победит в ней тот, кто быстрее и эффективнее освоит производство гениальных изобретателей и ученых. Пока мы в индукционном периоде. Нам нужно убедиться в том, что синтезированная личность будет обладать чертами гения, аналогичными с предшественником. На это уйдет лет двадцать-тридцать.

Академии было поручено разработать научно обоснованные рекомендации с учетом нашего отставания в некоторых областях. Проект программы был разослан по институтам. Сегодня необходимо принять решение о том, кого из наших гениальных предков следует выбрать для воспроизведения. Не скрою, что

в некоторых случаях эксперимент невозможно выполнить, поскольку анализ не подтвердил присутствие достаточно большого фрагмента гена.

Прошу высказывать ваши предложения.

На трибуне возник сухонький старичок в старомодном пенсне на черном шелковом шнурке. С быстротою пулемета он перечислил основные проблемы математики, затем кинулся к доске и в течение минуты, непрерывно тараторя, выписал сумму полиномов, которая не уместилась на доске, вследствие чего пришлось часть уравнений изложить устно. Коллеги дружно закивали, однако физики заявили, что такие задачи нужно решать своими силами. После утомительно длинного выступления физиков объявили перерыв и пошли обедать и ругаться в фойе.

Время приближалось к десяти вечера, но договориться не удавалось. Все вдруг решилось неожиданно просто. Директор института мировой литературы, полный обаятельный мужчина с приятным бархатным голосом, успокаивающе действующим на аудиторию, пронизательно заметил, что естественные науки развиваются трудом в такой же степени, как и талантом.

— Страна, — сказал он, — вполне обеспечивает себя квалифицированными кадрами, как можно было понять из речей выступавших товарищей. Все проблемы злободневны, но скорость их решения определяется общим уровнем научно-технического прогресса, то есть тем, насколько быстро в руки ученых попадут новые совершенные приборы и устройства.

В литературе дело обстоит куда хуже. Ощущается острая необходимость в гениальном поэте, который подобно Маяковскому воспел бы наш образ жизни. Пора зажечь солнце советской поэзии. Замечу, кстати, что в искусстве легче, на мой взгляд, выявить, что от бога, а что — от усердия. Согласитесь, что этот вариант позволит провести эксперимент с большей чистотой. На наше счастье, есть надежда повторить гения российской поэзии. Не будем упускать такой возможности.

Сидевший в президиуме ученый секретарь, молодой, с чувственными губами отважился пошутить с высоким гостем Академии:

— А поэт, помнится, был политически неблагонадежен. Что, если с таким талантищем — и не наш?хлопот не оберемся!

Холеное, холодное лицо не дрогнуло. Секретарь съежился, почуяв промашку. Не следовало лезть в высшие сферы. «Неужто запомнит и не простит? — затосковал секретарь. — Дернул черт за язык. Ежели запомнит, прощай карьера...»

Собрание успешно подвигалось к концу. Естественники на удивление быстро согласились. Философы и экономисты даже рады были. Несколько десятилетий перелопачивания «классиков» убедили их, что вождями пролетариата все уже сказано и написано. Осталось лишь писать комментарии и пояснения к комментариям. Гений был страшной чумы.

Высокий гость еще раз поднялся на трибуну и властно подвел черту. Послышались жидкие хлопки. Секретарь бросился отворять дверь и этим окончательно себе напортил. Его запомнили.

— Завтра прикажу подготовить досье на поэта... Что он там вытворял?.. — подумало высокое начальство. — Трудней всего с бессребрениками, их перевоспитать невозможно. А «этот» — бабник, да еще и с царем заигрывал... Справимся. И не таких обламывали. Секретаришку за длинный язык накажем... — Холодное лицо брезгливо поморщилось. Повинуясь легкому знаку руки, шофер кинул сверкнувший фарами лимузин в темноту Ленинского проспекта.

* * *

— Сам Васин глубоко заинтересован в успехе этого важного, я бы сказал, общегосударственного эксперимента, — сказал Валув и солидно засопел.

— Нам срочно нужно выработать решение, — в тон заквакал Иван Никодимович. — Младенец должен вот-вот появиться в этой, как ее бишь... био... редокс... Тьфу, пропасть, язык сломаешь... В общем — в камере. Партком нашего предприятия пытался выбрать кандидату семьи, где его, так сказать, можно выращивать, но не пришел к единому мнению. Хотели кулуарно, тихо, семейно, так исследователи начали орать, что это их достижение, что младенца надо в интеллигентной семье...

— Это вопрос не вашего уровня, — рявкнул Валув. — Нам лучше знать, кто будет воспитателем. Но так как ваша партийная организация держала и держит дело на контроле, мы согласны

привлечь одного-двоих из партбюро... Вот, тебя, к примеру. В интеллигентной семье, — фыркнул Валуев. — Да ни в коем случае! Ты понимаешь, чем это грозит? Мало нам неприятностей со всякой швалью, которая вечно качает права. Нет, нужна крепкая рабочая семья. Он, скажем, токарь... Хороший токарь, толковый, газеты читает... активист. Она — лучше по ткацкой части. Оба комсомольцы. Нет, он — коммунист, она — комсомолка. И чтобы родители их, бабки с дедами, — чтоб комар носа не подточил. Ежели что случится, с меня первого голову снимут. Понял?

— Я предложил бы обратиться в горком. Пусть там посоветуют, — Иван Никодимыч подобострастно взглянул на Валуева.

— В этом направлении уже работают, — важно ответил Валуев, — но ты, как знакомый с ситуацией, поможешь нам.

Через месяц в красном уголке завода «Красный пролетарий» состоялась встреча-знакомство партийных деятелей с будущим главой семьи поэта.

— Мы немало работаем с молодежью, товарищ Логинов, — важно сказал Валуев. — И мы добились, что наша молодежь самая передовая, самая активная. Мы только лишь направляем ее в нашем общем движении вперед. И мы со всей ответственностью подходим к решению различных вопросов современности, так как главная задача партии и комсомола — неуклонное движение к коммунизму.

Закончив речь, Валуев важно откинул грузное тело от стола, покрытого красной материей.

— Товарищ Валуев тебе что предлагает, Николай, — засуетился Никодимыч. — Ведь что мы тебе предлагаем... Есть на заводе хорошие ребята? Конечно, есть. На запрос горкома треугольник завода рекомендовал тебя, молодого рабочего, то есть товарища Логинова Николая Ивановича. В секретном отделе тебя проинструктировали, и вот ты стал кандидатом на эту почетную, секретную работу. Это тебе государство доверило... Это твоя почетная обязанность теперь.

Николай, накупившись, молчал.

— Конечно, тут дело добровольное, но если тебе доверили, — продолжил Никодимыч, — понимаешь?

— Да вы сами поймите, — озлобился Николай. — У меня невеста. Я был в армии. Она меня ждала. Уже наметили, когда

будем свадьбу играть. И вдруг все прахом, полный разрыв. Что, чего, почему? — полный секрет. Никто знать не должен. А я, по-вашему, должен выглядеть последним подлецом. Так что ли? Как я ей смотреть в глаза буду? Да и не пойму я, чем она не пошла.

— Не горячись, товарищ Логинов, — остановил Никодимыч. На комиссии утвердили, что жена должна быть ткачиха. Ну, это мы могли бы поправить. Отдали бы твою Валентину на ткацкую фабрику — и баста. Однако дело обстоит сложнее. Тут стали проверять ее анкету и нашли у ей кое-какие грешки.

— Какие еще грешки?

— Да вот, дед ее по материнской линии был из зажиточных мещан, а не из крестьян-бедняков...

— Ну, а она тут при чем?

— Погоди, не перебивай. Комсомолка она, прямо скажем, малоактивная. Все больше домой ее тянет.

— У нее мать больная, брат в школе учится. Дом надо вести.

— Постой, Иван Никодимыч, — вмешался Валувев. — Слушай меня, Коля, я тебе, как отец сыну, не советую на ней жениться.

— Да почему же?

— Ты евреев любишь?

— Кто их любит... — неуверенно протянул Логинов.

— Ну, дак вот. Тот дед, который из мещан, звали его Лев Ильич. И есть подозрение, что он — крещеный еврей.

— Ну, так то дед...

— Э, чудак! Ты про такую науку — генетику слышал?

— Слышал.

— А что она говорит, эта наука?

— Что?

— А то, что оба вы русские, а ребенок у вас может быть еврей!

— То есть, как это?

— А так! От того деда... Ну, не в том смысле, как ты подумал, а похож. Внешне похож. Как две капли воды.

— Точно, точно, Коля, — закивал Никодимыч, — ты слушай, что товарищ Валувев говорит. Он ветеринарную академию кончал.

Чувствуя, что Логинов заколебался, Валуев усилил натиск:

— А с Валентиной твоей мы все устроим. Все равно тебе с будущей женой надо переезжать в другой город. Квартиру вам дадим. И не думай, Коля. Вся жизнь у тебя впереди.

* * *

— Здравствуй, Николай. Вот, познакомься, — Зоя Сергеевна Тихомирова, — представил невесту третий секретарь райкома Тюляпин. Клуб строителей был почти пуст. Молодые люди сунули друг другу деревянные ладошки и потупились.

— Ну, какая у нас на нынешний вечер программа? — зашебетал третий секретарь, — пойдём-ка в буфет, мороженого поедим, поговорим о том, о сем.

В буфете за витриной сиротливо приткнулись к стеклянной вазочке с дешёвыми слипшимися карамельками три окаменевших коржика. Мороженого не было. Тюляпин широким жестом вытащил из брючного кармана смятый рубль. Буфетчица с заплавленным лицом, зевая, открыла бутылку сливовой. Перекисший тёплый напиток, всхлипывая, пополз из горлышка. Умелым движением Тюляпин кинул шипящую струю в захвачанные стаканы.

— Черт подери, — подумал он, — какой все-таки дрянью торгуют у нас в буфетах. И Горюнов хорош. Выделил на мероприятие три рубля. На такие гроши не разгуляешься.

Однако будущие супруги ничего не замечали. Они с упорным интересом разглядывали средства наглядной агитации трехлетней давности, биографию самого человеческого человека в фотографиях, пыльный кумач с призывом досрочно завершить очередную пятилетку. Тюляпин прилежно веселился. Молодые люди смотрели на него преувеличенно внимательными глазами, грустно улыбаясь, когда он переходил на шуточный тон, и снова замыкались в себе. Через двадцать минут Тюляпин почувствовал, что иссяк. Во рту был неприятный металлический привкус. Каменный коржик, истертый стальными коронками, не сдавался. В глубине организма раскалялась докрасна жгучая, мучительная изжога. «Да, вечер не удался, — подумалось ему. — Запахнуть их в кино, что ли. Пусть сами...»

Молодые безропотно последовали в кинозал. Третий секретарь сделал озабоченное лицо и, вспомнив вслух о деловом свидании, исчез.

На экране кадровые рабочие учили уму-разуму сбившегося с пути главного инженера. Актеры скучно ругались фальшивыми голосами о чугунных отливках. Главный герой сиплым басом, придававшим некую весомость банальностями сценария, бубнил о рабочей чести... Логинов скосил глаза на соседку. В отраженном от экрана свете выступило небольшое, почти детское личико. Ему стало жаль девушку.

— Давайте уйдем отсюда, — прошептал он.

— Неудобно.

— Да чего неудобного, пошли, — он взял ее за руку и потянул за собой.

Выскочив из зала, они улыбнулись друг другу в первый раз за вечер. На улице было тихо и тепло. Пахло сиреню.

* * *

— Пришли? Это хорошо, — заурчал Никодимыч. — Скоро вам принимать так сказать, сына в свою молодую семью. А сегодня милости просим поглядеть на ваше, можно сказать, дите. — Сухим, крючковатым пальцем он набрал номер внутреннего телефона:

— Грозовского мне... Нет на месте? Тогда Левина... Товарищ Левин? Это Иван Никодимыч говорит. Товарищ Левин, тут пришли супруги Логиновы... Так вот, надо им показать... Я понимаю, что у вас много дел... позвольте, но ведь вы отвечаете... Товарищ Левин, я попрошу вас говорить со мной спокойнее, для вашего же блага... Ах, вот как! Мы вас на партком вызовем, и вы там изложите свои претензии, а сейчас пришлите ко мне человека, чтобы проводить Логиновых к младенцу.

— Вот нахал, — сказал Никодимыч, кладя трубку. — Ничего, мы тебя причешем!

Воцарилось молчание. Муха пересекала зеркальное стекло огромного письменного стола с мраморной чернильницей. Сбоку казалось, что наперегонки с ней след в след бежит вверх ногами другая муха. В дверь постучали. Высокая загорелая девушка в короткой замшевой юбке повела Логиновых к лифту. Левин

встретил их у дверей лаборатории. Он энергично встряхнул руку Логинову и поклонился Зое.

— Я не советовал бы сегодня к нам входить. Восемнадцатого числа мы его выпускаем в свет, как вы знаете, а сейчас уйма работы. Каждые двадцать минут ведем контрольные замеры всех параметров. К тому же из-за всей аппаратуры и подводок к биокамере вы ничего не разглядите. Да и что там разглядывать — смуглый, губы толстые, негритенок, одним словом.

Зоя вздрогнула и потянула мужа за рукав. — Коля, как же это? Почему негритенок? Я не согласна.

— Я не понимаю вашего удивления, Зоя Сергеевна. Надо знать биографию великого поэта. Дед у него был эфиоп. Как тогда говорили, арап. Читали «Арап Петра Великого»?

— В школе мы его не проходили.

— Это ничего не значит. Пушкина надо читать и после школы и даже обязательно после школы. Думаю, вы согласитесь, что «Евгений Онегин» написан не для шестнадцатилетних недорослей... А вам должно быть стыдно. Такое дело вам доверили. Столько вложено творческих сил в эту работу, а вы даже не удосужились прочесть два десятка страниц о жизни поэта.

— Времени не хватает, — смутился Логинов.

— Не верю, — отрезал Левин. — Прошу в мой кабинет, поговорим, раз уж такая ситуация получилась. Сергей, подежурь у термостатов и давление проверь. Если какое-нибудь нарушение в режиме, сразу переключай на дубль и зови меня.

— Вот тебе и генетика, — вспомнил Николай. — Мы с женой русские, а ребенок — негр. Лучше было мне на Вале жениться. Зря я, дурак, согласился. Обштопали.

Левин заливался соловьем. С лиц молодых супругов не сходило угрюмо-сосредоточенное выражение, которое лектор по неопытности принял за усиленное внимание. Однако в их головах назойливо крутилась мыслишка, что их обманули. Перед глазами Зои замаячили двусмысленные взгляды и перешептывания знакомых и незнакомых, врачей и нянек. Она даже вспотела.

— Ну, будет тебе, очкастый, заткнись! — зло подумал Николай.

Словно поймав его мысль, Левин с воодушевлением закончил:

— Друзья мои, больше читайте и думайте. Впоследствии это принесет обильные плоды. А сейчас я должен идти и заканчивать нашу с вами работу.

— Чтоб ты сгорел вместе с ней, — пожелал ему мысленно Николай.

— В следующую пятницу в шестнадцать часов мы будем иметь честь передать вам наш труд, многолетний труд. Ирина, — крикнул он в микрофон, — проводи гостей.

Супруги вяло попрощались и вышли на сияющий солнцем двор. Сели на скамеечку. Николай молча достал папиросу, с ожесточением продул и жадно затянулся несколько раз.

— Нет, я так этого дела не оставляю, — сказал он и стиснул зубы. — Мне плевать, поэт он будет или сантехник. Мне нужно, чтоб он на человека был похож и нас не срамил.

Зоя тихо заплакала.

— Не реви, — хмуро пробурчал Николай. — Пошли в горком к Горюнову.

В горкоме секретарша спросила молодых, по какому они вопросу и, связавшись с первым секретарем, сразу их пропустила. Едва поздоровавшись с Горюновым, Николай ринулся в атаку. Горюнов долго не мог ничего понять.

— Да он и не негр вовсе. Ну, а если и похож? — весело спросил он. — Это ж славно! Какое неудобство? Какие сплетни? Плюйте на все!

— Ишь, как вы хорошо придумали, — со злостью забасил Логинов. — Со мною бы не поменялись местами. Подсунули ублюдка инкубаторского — и рады. Что? Не так?

— Я не потерплю хамства, товарищ Логинов, — секретарь сразу перешел на ледяной, начальственный тон. — Вы где находитесь? Прошу не забываться! Все! Шутки в сторону! — При этом Горюнов так зыркнул на Зою волчьим огненным глазом, что та на ватных ногах выкатилась из кабинета и беззвучно затворила дверь.

— Член партии, где твой интернационализм? — резанул Горюнов. — После войны в Испании люди за честь считали приютить у себя испанских сирот. Сколько детей разных наций спасли и вырастили наши люди! А ты? Ты понимаешь, что это дело государственное? Если мы сможем растить умников-разумников

на своей почве без проклятого прошлого, без этих дурацких интеллигентских традиций! Это же революция мирового масштаба. Весь мир тогда наш... Ну, вот что. Если отказываешься, — партбилет на стол. Квартиру сдашь и можешь убраться со своей кралей на все четыре стороны. А я позабочусь, чтобы твоя характеристика не позволяла тебе заниматься квалифицированным трудом. Вот так.

Логинов струсил.

* * *

Восемнадцатого июля все выглядело празднично. Ребята из лаборатории смастерили огромную красочную газету с потешными картинками и совершенно непонятными для непосвященных подписями. Логиновых окружили вниманием, водили по институту, много показывали и рассказывали. Супруги ровным счетом ничего не понимали, но марку держали. Николай выглядел очень импозантно в дорогом финском костюме с искоркой и английских ботинках. Научно-исследовательская шушера бегала в ковбоекках и джинсиках, только дирекция и официальные лица были одеты торжественно. Горюнов спокойно поздоровался с Логиновым, как будто вчера ничего и не было.

В маленьком актовом зале было не продохнуть. Говорили много и взволнованно. Почти в каждом выступлении упоминали будущих родителей, и вначале каждый раз половина с улыбкой обращивалась к Логиновым, отчего супруги сидели красные и потные. Впрочем, неистовое внимание было им впервой и прельщало. К счастью, из высших соображений пресса допущена не была.

После официальной части супругов потащили в лабораторию, где был дан импровизированный банкет. Николаю очень понравилась лимоновка местного изготовления. Наливали ему часто, он быстро набрался до полной отваги и чуть было не сказал речь. Зоя от волнения откусила огромный кусок торта и сделала ему страшные глаза. Она испугалась, как бы муж по простоте душевной не брякнул что-нибудь опять про негра. Однако язык совсем его не слушался и ничего кроме «все путем, все правильно» расслышать окружающим не удалось.

— Ты знаешь, — говорил на ухо Левин своему коллеге Сизову, — мне пришло в голову, что лишняя информация о жизни Поэта им могла бы даже повредить. В их невежестве есть большой смысл. Непредвзятость! Понимаешь? Они будут его воспитывать, как обычного ребенка... Я тут устроил им небольшую лекцию и теперь раскаиваюсь. Одна надежда, что они уже ее забыли.

— Не бери в голову, — лениво сказал Сизов, — поживем — увидим.

После банкета все шумно повалили в лабораторию. Младенец на вид тянул килограммов на шесть. Видимо, инкубаторские условия пошли ему на пользу. Вокруг головы вился венчик белокурых волосиков, голубые выпуклые глаза пока еще не реагировали на окружающий мир. Заботливые мамки-няньки хлопотали вокруг новорожденного. Мальчишка понравился Зое. Она решила, что назовет его Виктором в честь пионервожатого, в которого была влюблена в детстве.

Родителям подарили пропасть всяких мелочей. Никодимыч, конфузясь, протянул Зое пакет с импортными сосками. Нянька торжественно понесла сверток с младенцем к выходу. Николая под белые руки вывели из лаборатории к машине и запихнули на заднее сиденье, где он тотчас заснул. Зоя притиснула мужа к дверце и подставила плечо, чтобы он не валился. Под нестройные крики «ура» машина вырулила с институтского двора и направилась на Фрунзенскую набережную.

* * *

Среди незначительных огорчений и еще более мелких радостей незаметно прошли семь лет. Мальчишка решительно не желал болеть никакими детскими болезнями. Жаркая африканская кровь кипела в его жилах и не давала покоя его ногам. При довольно плотной комплекции он обладал поразительной подвижностью и способностью к спорту. Невзирая на его щенячий возраст и рост, ребячья республика уважительно ставила Витьку центром нападения. Будущая звезда поэзии явно собиралась стать звездой футбола.

Время от времени под разными предлогами наезжали медицинские комиссии. Мальчишку осматривали значительно

дольше его сверстников. Записывали на бланках непонятные слова, спрашивали о самочувствии. Остальным устраивали беглый медосмотр.

Потом приехал в класс щеголевато одетый мягкий мужчина со слащавым голосом. От него пахло одеколоном. Он читал смешные куплеты, в которых надо было угадать рифму, а потом устроил конкурс, кто сочинит самый лучший стишок. Будущий поэт сосредоточенно хмурил брови и после десятиминутного потения выдал корявыми полупечатными знаками:

*Я пошел играть в футбол
И забил в ворота гол.*

Бумажки со стихами скрылись в изящном темнокоричневом портфеле.

— На память о приятной встрече, — просюсюкал благоухающий одеколоном мужчина.

* * *

— М-да, пока не блещет, — задумчиво застучал ноготками Загибин, член союза писателей, созерцая первый опус гения. — Интересно, когда же капризная муза удосужится навестить его. Надо бы узнать, чем парень занимается. Поэту кругозор нужен. А если ему с утра до вечера будут по башке тяжелым мячом долбить, то мы лучших стихов не дождемся. Ходят ли с ним родители в театр или на концерты? Какие книги читает?

Вопрос был задан Ивану Пивных, заместителю Валуюеву. Пивных сообщил, что ребенок получал и получает эквивалентное с его сверстниками воспитание. Никаких дополнительных культурных мероприятий с семьей Логиновых не проводилось. Это связано с режимом секретности, дабы не привлекать любопытных и не вызывать ненужные расспросы.

— Знаю я эту детсадовскую культуру, — презрительно отмахнулся Загибин. — Два прихлопа, три притопа. Заспанная крашенная девица за расхлябанным пианино и директивные указания: все встали, все присели, — пошли!.. Что он в семье видит?

— Что и все, — пожал плечами Пивных. — И я так же рос и, как видите, вырос. Две руки, две ноги, голова...

— Я думаю, следует навестить Логиновых, — сказал писатель и встал. — Посоветуйтесь у себя в министерстве. Посмотрите, чем они живут.

Глядя в спину уходившему чиновнику, Загибин подумал:
— Голова на последнем месте — после ног. Там, где надо...

* * *

Представительнице Мосгороно открыл шустрый паренек и на вопрос, дома ли родители, крикнул в кухню: «Мам! К вам!» «Смотри-ка, рифмует», — умилилась тетя. Однако обстановка на кухне ее разочаровала. Оба родителя пучили глаза на орущий телевизор и шумно хлебали густую мясную вермишель. Увидев гостью, они довольно вяло поздоровались. Видно было, что визит им неприятен, и скрывать это они не собирались. Гостью отрекомендовалась Ириной Ивановной и попросила разрешения подождать. Мальчишка быстрее всех управился с едой и выпорхнул во двор. В манежике разглагольствовал и пускал слюни годовалый бутуз в промоченных колготках.

Семейство, не обращая внимания на гостью, степенно дождало ужин. Николай достал несвежий носовой платок, трубно высморкался и, деловито посмотрев в сопли, сунул его в карман. Затем появилась на свет пачка Беломора, корявые пальцы достали папиросу. Глава семьи закурил и, глубоко затянувшись, вопросительно взглянул на *«Гороношу»*.

— Я пришла узнать, как вы проводите досуг, товарищи, — заторопилась Ирина Ивановна. — Нет ли у вас каких-нибудь пожеланий? Мы можем помочь вам в проведении вашего досуга...

— В работе бы нам помогали, — зло подумал Николай, — а досуг мы себе сами устроим. Вон, седьмой цех опять тянет с прессформами. Вчера и сегодня с утра до вечера языки чесали и в «козла» резались, а в конце месяца, как всегда, запарка и браку поэтому полно.

— С досугом у нас все в порядке, — сказала Зоя. — Я в пятницу вечером готовлю на два дня и свободна. Остается только прибраться, постирать да сходить в субботу пораньше в магазины, купить продуктов на неделю, а то вечером идешь с работы — нет ничего в магазинах, один завтрак туриста. Как им не жаль железо на такую гадость тратить.

Разговор иссяк.

— Но... где вы бываете? — настаивала Ирина Ивановна. — У вас в городе, очень хороший драматический театр. Недавно они в Москве гастролировали. К вам, я знаю, скоро должен приехать симфонический оркестр...

— Этого нам не надо, — энергично вступил Николай, — а в кино мы бываем и телевизор смотрим. В культмероприятиях участвуем.

— В каких, разрешите полюбопытствовать?

— Ну, вот в сентябре по грибы на автобусе с предприятием ездили.

Зоя всплеснула руками:

— Уж помолчал бы про грибы-то. Вспомнить стыдно.

— Ничего не стыдно. Чего стыдного?

— Чего же, в самом деле, стыдиться? — поинтересовалась гостья.

— Ах, ничего?! — не слыша гостью, атаковала Зоя, — ну, так послушайте!

— Да не надо. Это им неинтересно.

— Очень даже интересно. Пусть товарищ из Москвы узнает про вас всех бессовестных. Ну, вот, значит, поехали мы по грибы. Заказали нам прекрасный автобус. Все так хорошо шло сначала. Все такие радостные были, как на праздник собрались. Много вкусной еды напасли. И что же! — не успели отъехать — уже все мужики хлопнули по полному стакану водки. Проехали немного — еще по одному! Коле совали, но я не дала. Развезло всех. Орут. Кто-то там в драку полез. Еле утихомирили. Смотреть тошно!

К утру вывалились у леса. На холоду хмель рассеялся. Свежий воздух. Развели костер, погрелись. Казалось бы, перекусить — и с рассветом в лес. Однако ж нет! Опять налили по стакану и моего, кстати, уговорили выпить. Мы продрогли немного. Ну, думаю, пусть выпьет. А он! Осушил полный тонкий стакан и через час пошел в лес. Идет — ничего не видит. У меня полна корзина, у Витюши тоже, а у него — две сыроежки на дне.

Обратно часа в четыре дня поехали. Намаялись все. Думаю, сейчас поспим, отдохнем в дороге... Ничего подобного! У первого же магазина остановили автобус, накупили опять треклятой

водки, и все началось сначала. Теперь я вас спрошу, какая польза от этого похода в лес?

Николаю было очень смешно. Он даже покрутил головой от удовольствия. Вот сказанула, так сказанула.

Гостья сидела печальная, и сочувственная бабья грусть была в ее глазах.

Через две недели пожилая дама из Мосгороно доносила авторитетному собранию сильным голосом, сорванным в ходе сева разумного, доброго и вечного в школах Тимирязевского района:

— Комиссия выяснила, что семья Логиновых восемьдесят процентов досуга проводит перед телевизором, причем предпочтение отдается спортивным передачам и кинофильмам, пять процентов времени уходит на хождение в кино и чтение газет, и пятнадцать процентов на приемы гостей и ответные визиты. В театре и концертном зале не бывают. Кроме школьных учебников и неполной серии «Подвиг» за прошлый год никаких книг не обнаружено. Меблировка комнат хорошая. Импортный гарнитур. Много красивой посуды и изделий из штампованного хрусталя. Хрусталь заперт в серванте. Мягкая мебель покрыта пленкой, чтобы не пачкалась, как объяснила хозяйка...

— Хватит, все ясно, — прервал Загибин. — Остальное я могу добавить, не заглядывая в квартиру Логиновых. Быстро же они обмещанились! Да еще этот проклятый ящик для дураков...

— Какой ящик? — не понял Пивных.

— Телевизионный, какой же еще?!

— Почему же для дураков? — обиделся заместитель Валueva, — по телевизору бывают очень интересные передачи, выступают спортивные и политические обозреватели, члены правительства. Я не считаю себя дураком, когда слушаю их речи.

— Лично вас, товарищ Пивных, никто дураком не назвал, не так ли? Речь идет о тех, кто все свободное время пялится в телевизор и смотрит все подряд, кроме бесед политических обозревателей и выступлений членов правительства, — парировала дама сильным басом.

— А, может быть, людям интересна вся многогранная жизнь страны, — нудел товарищ Пивных. — Им все интересно, и вот они все подряд смотрят.

— У меня есть предложение, — нетерпеливо прервал Загибин. — Мы неоднократно обсуждали различные пути духовного развития интересующего нас объекта исследования и пришли к заключению, что наиболее рациональным путем решения проблемы будет направление в школу хорошего, влюбленного в свое дело преподавателя литературы и русского языка. Через два-три года он установит тесный контакт с мальчиком и поведет его за собой.

Большинство присутствующих согласно склонило седые и лысые головы.

* * *

Прошло два года. К концу августа в приемной министерства собралось шестнадцать женщин, преподавателей русского языка и литературы. Шестнадцать человек, имеющих безупречные анкеты, все с партийным стажем и кругозором, жестко очерченными рамками социалистического реализма.

В конкурсной комиссии, сидевшей непринужденно в глубоких креслах, курили и лениво перебрасывались словами. Председатель, сердитый старичок из Союза писателей, наскоро просматривал личные дела участниц конкурса. Одесную его сидел с раскрытым портфелем мелкий чин из секретного отдела.

В условия конкурса входил беглый экзамен по основам литературы, чтение отрывков из произвольно выбранных произведений (проба на артистичность) и тесты на сообразительность и эрудицию. Победительница могла рассчитывать на солидные материальные льготы и поэтому среди соревнующихся, естественно, была «темная лошадка» — очень близкая знакомая одного влиятельного лица, которое, в свою очередь, было знакомо, хоть и не столь близко, с заместителем председателя комиссии Кругловым.

Экзамен начался. Одноцветной чередой потянулись темные, строгие платья — красноречивые свидетельства моральной стойкости, стандартные ответы и беспомощность на тестах. С каждым ответом председатель все более мрачнел. Гроза разразилась, когда очередь дошла до дамы, пожелавшей прочесть из Маяковского. Когда чтица закончила тоскующим баритоном:

*Пою мое отечество,
Республику мою,*

председатель так громко крикнул, что все собрание вздрогнуло и проснулось.

— Как вас дразнят ребята в школе, Антонина Ивановна? — не без ехидства спросил Круглов.

— Я полагаю, — напыжилась Антонина Ивановна, — что в советской школе с этими предрассудками царской гимназии навсегда покончено.

— Чушь, — хмыкнул председатель. — Какие там предрассудки. Дети всегда остаются детьми и всем дают прозвища...

— Школьники зовут ее коровой, — лениво отозвался мелкий чин.

Малиновый сироп стал заливать лицо и шею дамы. Лево́й рукой она пыталась сделать протестующий жест, но вдруг лицо ее сморщилось, и крупные слезы побежали по рыхлым щекам. Мужчинам стало неловко. Даму усадили, подали водички и спустя минуту осторожно выпроводили в приемную. Председатель потребовал сделать перерыв.

— Я подавлен, — сказал он с глубокой грустью. — Я подавлен убожеством подобранных кандидатов. Это не женщины. Это мумии, в которых нет ничего женственного. *Савонарыло* какое-то.

— В двадцать четвертом году преподавала у нас литературу Елизавета Григорьевна. Было ей лет тридцать, а нам, мальчишкам, где-то тринадцать-четырнадцать. Как же она была хороша! Маленькая изящная головка со слегка вьющимися черными волосами, смугловатое лицо, белоснежные ровные зубы... Мы поголовно были влюблены в нее. Это чувство любви и обожания распространялось и на тот предмет, который она вела, к слову сказать, отменно. Мы буквально рыли землю, мы заучивали наизусть прозу и стихи, копались в литературной критике. Каждое занятие превращалось у нас в диспут, в котором каждый стремился блеснуть... — Старичок замолк и, глубоко вздохнув, обратился к окну. Члены комиссии также посмотрели в сторону окна. Один Валуев сидел набычившись и сердито сопел.

— Представьте себе парадокс, — снова заговорил председатель, — появляется перед школьниками нечто бесполое, серое,

скучное и нудным голосом начинает излагать чеховское понимание прекрасного в человеке. Маленький парадокс оборачивается большой жизненной ложью. Пройдет немного времени, и маленькие граждане станут стыдиться высоких слов, красивых жестов и искренних поступков, находя их неприличными. М-да... О чем думала авторитетная комиссия? Какими принципами руководствовалась, хотел бы я знать! Неужели так трудно отыскать симпатичного, творчески мыслящего человека?

— В соответствии с разработанными инструкциями, — забубнил Валуев, — первыми, основополагающими, так сказать, при рассмотрении кандидатов являются политическая грамотность и моральная стойкость,

— Могу я узнать, товарищ Валуев, — взвился старичок, — как может повлиять моральная стойкость на умение преподавать русский язык и литературу? Молчите? Вы, все здесь сидящие, удивляете и поражаете меня своим формализмом и равнодушием. Ну, хоть бы один встал и возмутился! Мне ли напоминать солидным людям, занимающим ответственные должности, что решается важнейшая государственная задача, и ничто, кроме ее успешного решения, нас не должно интересовать. Можете на меня обижаться, но сознаете ли вы, сколько благих начинаний и добрых намерений сильных мира сего пропало, растворилось в неизвестности, изменилось до полного неузнавания, до полной противоположности благодаря формализму и равнодушию исполнителей!..

— Хорошо старый барбос их умывает, — злорадно подумал Круглов. — Однако лучше ему на язычок не попадаться.

— Ну, а при чем тут мы? — воспользовавшись паузой, запыхтел Пивных.

— Вы, лично, товарищ Пивных, абсолютно ни при чем, — старательно чеканя слова, ответила дама из Мосгороно. — Ведь против утвержденной инструкции не пойдешь!

— Вот именно, — удовлетворенно заметил Валуев.

— Ну, ладно, — похлопал ладонью по столу председатель, — давайте посмотрим оставшихся, хотя ожидать, по-видимому, нечего.

Когда в кабинет вошла Миронова Евгения Васильевна, красиво выкрашенная блондинка с зовущим ртом и аппетитными

прелестями, собрание заметно оживилось. Даже старичок немного повеселел. Евгения Васильевна, треща, как пулемет, изложила теорию, а затем с несколько излишней сексуальностью, но вполне выразительно прочла два стихотворения Пушкина. Столь же стремительно, едва дослушав, ответила она на тесты. Круглов уже мысленно пожимал снисходительно протянутую влиятельную руку, как вдруг проклятый старикашка опять вмешался и все испортил.

— Парле ву франсе? — неожиданно спросил он у Мироновой.

— Чево? — оторопела Евгения Васильевна.

— Шпрехен зи дойч?

— Не... не знаю...

— Ду ю спик инглиш?

— И... инглиш.

— Ага, значит, вы учили английский!

— Да, мы проходили... его.

— Александр Федорович, — заметил Круглов, — это же нарушение конкурса!

— Знаю, знаю, — отмахнулся председатель. — Не будете ли вы, Евгения Васильевна, любезны сказать по-английски «Здравствуйте, дорогие дети».

— Гууд... дэй... э... мм... м. Забыла слово «дорогие».

— Та-ак! Знаете ли вы, кто такой Северянин?

— Наверное, житель Севера...

— Прекрасно! А Городецкий — житель города, не так ли? А Заболоцкий — тот, кто живет за болотами, а Черный — тот, кто вымазан сажей, а Белый — тот, кто вымазан мелом. Так?

— Не знаю... наверное, так...

— Читали ли вы когда-нибудь сонеты Шекспира?

— Александр Федорович, нельзя же так, вы совсем ее запутали, — взмолился Круглов.

— Вы можете идти, — сказал старичок Мироновой. — Видите ли, уважаемый Сергей Антонович, — повернулся он к заместителю, — в ее безупречной бойкости и легкости, с которой сия особа ответила на все тесты, я подозреваю некую шкодливую руку, ознакомившую вышеупомянутую особу с программой курса заранее. Не скрою, она производит лучшее впечатление, чем предыдущие, но ведь это — искусственный цветок!

Остальные восемь дам пронеслись галопом перед комиссией и рассеялись в толпах, снующих по улицам Москвы.

— Подведем итог, — сказал председатель. — До конца школьных каникул осталось десять дней. Дело с подбором кандидатуры преподавателя провалено. Завтра с утра я иду на прием к министру и докладываю ему о сложившейся ситуации. Вам, Вера Андреевна, — обратился он к даме из Мосгороно, — я лично поручаю в течение ближайшей недели найти перво-классного преподавателя. Анкета меня не интересует. Если мое предложение не будет принято министром, я снимаю с себя ответственность. На этом позвольте закончить.

* * *

— Здравствуйте, дорогие дети. Я буду учить вас русскому языку и литературе. Меня зовут Еленой Владимировной.

В раскрытые окна доносится птичий щебет, воздух чуть прохладен и наполнен ароматом близкого парка. Солнечные лучики пронизывают поредевшие кроны тополей.

— Дети, что вы запомнили из прошлых лет? Что вам понравилось из прочитанного? Вот этот стих вы помните, конечно:

*Вот уж снег последний в поле тает,
Легкий пар восходит от земли,
И кувшинчик синий расцветает
И зовут друг друга журавли...*

Постепенно учительница расшевеливает ребят. Первыми откликаются девочки. Потом начинают поднимать руку мальчишки. Урок летит, летит. Скоро звонок. Вот сидит на второй парте слева надежда российской поэзии и ее будущая слава, задумчиво ковыряет пальцем в носу, глядя через окно в бесконечность свободного от уроков мира.

Школьные часы пошли. Ветер времени срывает и уносит прочь, в неизвестность листки календарей. Елена Владимировна продолжает терпеливое наблюдение за Логиновым. Она узнала его сразу, едва переступив порог класса первого сентября, узнала, несмотря на короткую стрижку. Он подвижен, как ртуть,

шаловлив, заметно ниже своих сверстников и, кажется, уже страдает от этого.

Быстро нарастает усталость нового учебного года. Ей немного жаль своих учеников. Сколько им, бедняжкам, предстоит написать за этот год тонких и толстых тетрадей... Ох, уж эти тетради! Как быстро они покрываются отпечатками невымытых рук, пятнами фиолетовосиней пасты от шариковых ручек, рисунками рожиц и пистолетов... Тетради не хотят быть плоскими, концы их листов буйно завиваются во все стороны. Елена Владимировна сидит дома перед стопкой тетрадей и устало смотрит в черноту ноябрьской ночи.

— Дети, милые вы мои дети, как я злюсь на вас, на вашу рассеянность и бестолковость, как меня обижает, когда вы в минуты творческого моего порыва отвлекаетесь на пустячнейшие пустяки; как я люблю вас в те редкие минуты, когда свет разума зажигается в ваших глазах; какую радость я испытываю, когда вы осиливаете первый в своей жизни силлогизм...

Она часто задает им сочинения на вольную тему, и пока ребята пыхтят и тужатся, укладывая тяжелые, неповоротливые слова в корявые фразы, она разглядывает их и пытается разобраться, с кем ей придется работать в ближайшие годы.

— Ну, как вам понравился класс? — проорала над самым ухом бойкая старушонка с крошечным седым узелком на затылке. Мария Фоминична, заведующая учебной частью, преподавала новую историю и, по слухам, была отличным методистом.

— Класс оказался очень слабым, — ответила Елена Владимировна, — почти все читают мало. Впрочем, винить их трудно. Зашла я в нашу библиотеку, взглянула на полки — книг много, а читать нечего. Жюль Верн, Джек Лондон, Дюма, Марк Твен, Беляев отсутствуют. В книжных магазинах я смотрела вчера — тоже ничего нет. Мурзабеков, Талиев, Шалаев — не поймешь, где находишься, в РСФСР или в Киргизии. А вот Чингиза Айтматова как раз и не найдешь. У нас в Москве, кстати, то же самое. Никак не пойму, отчего такой книжный голод. Неужели нельзя издать классиков столько, сколько люди пожелают купить. Это ведь не мясо и не вино. Покупается, как правило, один раз и на всю жизнь.

— Чего же тут не понять? — спросил преподаватель труда Вадим Владимыч. — Я сам за «Альтернативу» шоколадный торт подарил и считаю, что стоит того.

Слова преподавателя труда были подобно спичке, поднесенной к бочке с бензином. Все вдруг стали красными от злости и стали кричать, что из-за таких, как Вадим Владимыч, ничего нельзя купить, что за мясом нужно стоять три часа кряду, а рыбы уже год не видали, что на рынке жуткая дороговизна, что везде сидят жулики, что за огромные деньги устраивают квартиры... К счастью, зазвенел, задребезжал звонок, и общество силой обстоятельств распалось. Осталось лишь две маленьких группы учителей, где вполголоса продолжали осуждать систему снабжения, хулиганство подростков, китайские провокации и бестолковость общественной работы.

...Как описать сущность школьной жизни? — Медленно, черепашьям шагом ковыляет инертная масса учеников по проторенной предыдущими поколениями дороге знаний. Впереди подпрыгивают от нетерпения способные — те, кто ловит и запоминает с полуслова. За ними семят ротозеи, которые не видят и не слышат, но дома пыхтят над учебниками под строгим взглядом родителей. За ними вразброд шагает основная масса посредственных. Они слушают, но не слышат, смотрят, но не видят. Дома они не работают и понимают поэтому с третьего, а то и с пятого раза. И, наконец, еле волоча ноги, ползут прирожденные бездельники и тупицы, которым ставят тройки, чтобы они могли переползть из класса в класс. Преподаватели носятся от головы к хвосту и обратно, пытаясь сбить класс в более или менее компактный ком, именуемый коллективом.

Виктор был из породы ротозеев. Поэтому отличные отметки редко залетали к нему в дневник. Он обладал замечательной памятью, но буйная фантазия и неусидчивость вечно уводили его мысли далеко-далеко. Его тетради были исчерканы угловатыми набросками страшилищ, таинственных пещер, зигзагами молний и вспышками взрывов. Учителя не могли смириться с таким кощунственным отношением к их предметам и размашисто перечеркивали красными карандашами Витькино творчество, занижая оценки и ставя бесконечные восклицательные знаки. Ничто не помогало. Как шквал среди безмятежного полдня

возникала в нем мечта, вызванная случайно брошенной фразой или ему одному понятным сочетанием красок и линий, и уносила его на своих бесшумных, быстрых крыльях.

Осторожно, как путник, бредущий в темноте по незнакомой дороге, вела Елена Владимировна мальчишку в волшебный мир литературы. Было ясно, что в пределах школьной программы добиться желаемого результата невозможно. Надо было открывать кружок. Но захочет ли Виктор в нем работать? Честолюбие его, скорее всего, страдало от малоутешительных результатов учения, и как многие ребята он разряжался в футболе, беспрепятственной возне, болтовне и шалостях.

И все-таки она нашла выход. Его память и врожденное чувство ритма — вот ключ, который поможет решить задачу! Вся информация, которую она знала и помнила, сейчас оказалась бесполезна. Все нужно было начинать с нуля. В середине урока она давала задание на заучивание отрывков прозы или стихов. Мальчишка справлялся с этим блестяще. Едва прикоснувшись взглядом к стихам, он уже помнил их. Ребята первое время удивлялись, глядя на Витьку, и даже поддразнивали его, что он дома заранее вы зубривает, но он лихо продемонстрировал свой талант на спор, и от него отстали. Люди быстро привыкают к необыкновенному.

Мальчишка ожил. В нем бурлило чувство признательности к учительнице, которая вытащила его из бесцветной школьной толпы. Оказалось, что существует нечто, присущее только ему одному. Он не знал пока, как передать словами свои ощущения, свой праздник души. Он был неуклюж в своей безграничной благодарности, но это было трогательно до слез.

— Пора, он мой! — ей было немного неловко. Она рассматривала себя в роли птицелова, который, рассыпав корм и приманив простодушных птиц, дождался прилета той, самой желанной и с ликованием захлопнул ловушку.

Наконец, кружок мог начать работу. Желающих оказалось, к счастью, немного, что позволяло уделять больше времени каждому из ребят.

— Дорогие друзья, — обратилась Елена Владимировна к собравшимся, — сегодня у нас замечательный день. Я ожидаю много радости от нашего общения. Сегодня мы ближе

познакомимся друг с другом, узнаем вкусы и наклонности своих товарищей. Пусть каждый расскажет, какие книги нравятся ему больше всего — путешествия, фантастика, стихи, сказки или приключения. Пусть каждый назовет свою любимую книгу и попытается объяснить, чем она хороша.

Присутствующие были польщены тем, что их назвали дорогими друзьями. Первым взял слово Валя Корнеев, красивый мальчик из профессорской семьи. Выяснилось, что он любит фантастику и мечтает стать ученым-физиком. Дальше родился на свет пересказ «Абсолютного оружия» Роберта Шекли:

— ...И вот, значит, тот, который знал марсианский язык, скрывает свои мысли, а другой решил убить своего товарища, чтобы самому захватить оружие, а там было очень много оружия — лазерные винтовки, вооруженные роботы. Сначала они стреляли из обычных лазерных ружей, а потом нашли процессор с программой и оживили роботов. А тот, который знал марсианский язык, убил своего товарища, когда он нашел машину, читающую мысли, и остался один, а потом он открыл коробочку и оттуда вылез рот, который все съел и его съел. И когда ел — сказал: люблю живое тело.

В отличие от Елены Владимировны, которая мало что усвоила, дети задали несколько вопросов и, кажется, все поняли. Потом выступили еще два мальчика и рассказали биографии пионеров-героев. Когда очередь дошла до Виктора, он к удовольствию публики почти дословно пересказал «Маленького Мука». Правда, не обошлось без казуса. Не довольствуясь скромной старостью Маленького Мука, рассказчик заставил его поесть волшебную траву. Тогда Маленький Мук стал Большим Муком и свел счеты со всеми своими прежними обидчиками.

Свиридов, рыжий, неряшливый мальчишка с оттопыренными ушами, тоже, оказывается, читал Гауфа и, едва дослушав финал, завопил, что Логинов все выдумал и что Логинов вообще любит врать. Виктор в секунду стал красным, будто сжевал стручок перца, и кинулся в драку. Девчонки хохотали до упаду, пока «дорогие друзья» тузили друг друга, а бедная учительница, причитая, пыталась растащить драчунов.

После неожиданного динамичного перерыва стали выступать девочки. Шумилова и Сергеева старательно пересказали

печальные повести Мало и Гринвуда и столь же старательно вывели причины злключения мальчишек. Тут оказалось, что неразлучные подружки Сергеева и Серегина обе безумно любили одного несчастного маленького оборвыша, и из-за этого Серегинной не с чем выступить. Обделенная подруга принципиально отказалась рассказывать другую книгу и повернулась носом в окно.

* * *

Спустя месяц или около того между двумя пожилыми представительницами прекрасного пола, прозванными «Бобчинский и Добчинский», состоялся забавный обмен мнениями.

— Ах, не говорите мне о ней, Людмила Георгиевна, не могу я спокойно слышать ее имя, — завела одна из них визгливым голосом. — Я вам сейчас раскрою один секрет, и вы все поймете. Все мы знаем, что факультатив по литературе разрешен только с восьмого класса и его программа строго определена. И вдруг, представляете, я узнаю, что эта мадам, Елена Владимировна, в пятом классе устраивает кружок и занимается там самодеятельностью.

— Да кто ей разрешил?! — с возмущением воскликнула Людмила Георгиевна.

— Вот именно, кто?! — Я иду прямо к Степаниде и докладываю. А она мне:

— В порядке эксперимента я разрешила Елене Владимировне вести кружок.

А я ей:

— А знаете ли вы, Степанида Никифоровна, чем они там занимаются?

А она мне:

— Елена Владимировна — опытный педагог, приехала к нам из столицы, а я ей полностью доверяю.

— Как вам это нравится!

— Безобразие! — возмутилась Людмила Георгиевна. — И вы, Людмила Григорьевна, так это оставили?

— Конечно, нет. Ходить я никуда не стала, но в Горно послала сигнал. И вот, представьте, вчера вызывают меня туда и начинают спрашивать о наших внутренних делах. Сидел там,

между прочим, какойто странный субъект, ничего не говорил, все в окно смотрел... Да... Я все знаки делала, чтобы посторонние не слышали о наших делах, но Сомова и бровью не ведет... противный такой тип. Ну, да бог с ним. Я, разумеется, объективно все освещаю и стараюсь намекнуть о делишках, которые вытворяет эта столичная штучка, а мне Сомова грубо так говорит:

— Елена Владимировна проводит важный педагогический эксперимент, и я прошу вас не вмешиваться в ее дела.

— Тут я все и поняла. Вот что значит знакомство в Москве! Она, конечно, там нашкодила и от скандала подальше ее сюда выселили, а вот теперь она здесь дает гастроли. А покровитель ее сидит в Москве!

— Форменное безобразие! — вновь возмутилась Людмила Георгиевна. — Ну, ничего, мы ей хвост прижмем, будьте уверены. Она еще пожалеет, что сюда приехала.

* * *

Из письма:

«Дорогая Верочка, здравствуй.

Вот уже почти год, как я в Т. Обо мне уже составилось «мнение». Знаешь ли ты, что это за птица? — Бесшумно висит это гнусное создание в воздухе и ждет свою жертву. Подобно тени оно дает уродливо-искривленное представление о человеке и следует за ним неотвязно, как тень. Оно удобно окружающим, ибо куда как просто представить ближнего своего примитивной схемой вроде: «с неба звезд не хватает», «высочка с самомнением», «любитель острых ощущений». Зачем разбираться, с кем свела тебя судьба на жизненных дорогах?

Провинциалы не очень-то жалуют нас, жителей столицы, и не приведи Господи, занять теплое местечко, на которое был нацелен глаз местного. Нелюбовь быстро разрастается в жгучую ненависть. Несчастному пришельцу буквально некуда деться — ни друзей, ни хороших знакомых. Мир сужается, всюду сталкиваешься с одними и теми же лицами, и лица эти в лучшем случае безразличны или навязчиво любопытны. С тоской думается о бесконечных пространствах столицы, где в многомиллионной людской толчее так легко обрести одиночество

и покой. Сейчас мне особенно тяжело. Я все время чувствую между лопаток чьи-то тяжелые, свинцовые взгляды. Входя в учительскую, я замечаю, что смолкают разговоры, и коллеги сидят натянуто, мусоля глазами страницы журналов. О себе я не беспокоюсь. Но работать в такой атмосфере тяжело. Очень тяжело».

* * *

Это произошло в начале весны следующего года. Елена Владимировна заметила, что Виктор явно не в своей тарелке. Она почти физически ощущала его тревожный взгляд, но стоило ей поднять глаза, он напускал на себя безразличный вид. Урок шел мимо него. «Что-то случилось дома,» — подумала она и насторожилась.

Прозвенел звонок. Ребяшня, галдя, выкатилась из класса, оставив их наедине. Она следила, как с усилием мальчик поднялся и побрел к ее столу.

— Елена Владимировна, я хочу показать вам стихи, — услышала она, и сердце ее, вздрогнув, полетело в пустоту. В руке ее очутился вчетверо сложенный тетрадный листок с двумя строфами. Стихотворение называлось «В марте»:

*Опилки хвои на снегу
И темно-синие в логу
Деревьев стынут тени.
Блестят сосульки на снегу,
Барханами на берегу
Сугробы по колени
Восходит солнце, каждый раз
К неделе прибавляя час,
Съедая снега плесень.
Полна веселья голова,
И ветер шепчет мне слова
Капли звонких песен.*

Стишок ей не понравился. Он был безличным и слишком взрослым, не хуже и не лучше тех бесчисленных опусов, которые наполняют тощенькие книжицы поэтов-ремесленников.

— Стихотворение хорошее, — сказала она, — его можно напечатать в школьной стенгазете. Скажи, почему ты написал «снега плесень»?

— А у нас черный хлеб часто плесневеет, покрывается белой плесенью. Папка ругается, что покупаем слишком много хлеба, и он пропадает...

— Понятно. Скажи, Витя, сколько времени ты писал это стихотворение?

— Не знаю... Минут пять или двадцать...

— Не будем слишком строги, — подумала она, — начало положено. — Стихотворение очень хорошее, — сказала она. — Я рада за тебя. Знаешь, Виктор, нужно много читать и наблюдать мир вокруг себя. Чтение даст тебе много новых красивых слов, а наблюдения научат видеть то, что другие не замечают. Я верю, ты будешь писать прекрасные стихи.

* * *

— Папа, мы едем на экскурсию в Ленинград, — радостно ворвался Виктор.

Дело было в конце мая.

— Нечего там делать, — отрубил Николай, — поедешь в лагерь, мне путевки обещали для тебя и Саньки.

— У нас все едут, — насунился Виктор.

— Это меня не касается.

— Сколько это будет стоить? — спросила Зоя.

— Сорок рублей.

— Нет у нас на это денег. — Николай зло посмотрел на жену одним глазом, как петух. Тебе и Сашке школьную форму покупать надо, обувь новую справить... Ну, чего надулся, как мышь на крупу? Был бы ты отличником, тогда понятно: надо премировать. А что у тебя за отметки — по математике — тройка, по физике — тоже...

— А по литературе и истории зато пятерки!

— Это не то. Историк тоже мне нашелся. Ты кем собираешься стать? Историком? Или, может быть, писателем? Ну, чего молчишь? Вот в лагерь поедешь, побегаешь там вволю, в кружок «умелые руки» поступишь или в «изо». Чем в тетрадках всякую

ерунду рисовать, научисься чему-нибудь толком. А Ленинград можно и по телевизору посмотреть...

Виктор замкнулся и поплелся во двор.

— Слушай, Коля, неудобно все-таки; все ребята поедут, а он один останется. Зачем ребенка радости лишать?

— Ты-то сама много ездила в двенадцать лет? То-то же!

— Тогда другое время было. И потом — дают же нам за Витю сто рублей в месяц. Деньги немалые.

— Ну, дают. Мы эти деньги на него и тратим. С государством в расчете.

— Коля, неужели ты его совсем не любишь? — в голосе Зои послышались слезы. — Ведь даже собаку человек заводит и любит, и балует.

— Кто тебе сказал, что я его не люблю? Я его люблю, но воспитывать детей надо в строгости. Нужно, чтобы он знал цену рабочей копейке. Ты что же хочешь? Чтобы он вырос, отрастил себе патлы до плеч и пьянствовал по ресторанам с поблядушками? А я тебе говорю: Этого никогда не будет. Если мне государство доверило мальчишку, я из него человека сделаю. И денег мне не жалко. Но пусть он не думает, что монеты с неба сыплются.

— Ну, вот и отпусти его с ребятами в Ленинград.

— Ладно, время еще есть. Подумаю.

В Ленинград Виктор поехал.

* * *

Елена Владимировна не могла думать о Ленинграде невысказанно. Под стук колес в ее голове складывалось стихотворение в прозе:

— Город Петра! Метеорологические и социальные бури проносятся над тобой. Людское море, то ожесточенное, как злая, холодная вода Невы, то праздничное, кипит у подножия твоих дворцов. На лучах магистралей, исходящих из твоего сердца, сверкают драгоценные браслеты, подаренные Россией своим царям.

Город Петра! Дитя, рожденное в муках. Я люблю в ветреные летние дни стоять на твоих мостах и смотреть, как золоченые шпили Адмиралтейства и Петропавловской плывут в небе

сквозь легкую пену облаков. Я люблю торжественный сумрак и прохладу Казанского собора, его массивные серые крылья, окаймленные цветущими розами, ростральные колонны, подобные гигантским свечам, у фронтона морского музея...

Я люблю встречаться с тобой, город Петра, ранним утром, когда поезд подходит к Московскому вокзалу, и в вагоне возникает несравненная музыка Глиэра, и в ту же секунду в моем мозгу вспыхивает вступление к «Медному всаднику»...

Шум и толкотня подопечных вывели Елену Владимировну из задумчивости. Поезд уже стоял у перрона.

Почти каждый день накрапывал дождь, и Елена Владимировна все откладывала поездку в Царское Село, но вот, наконец, облака разлетелись в стороны, будто шаловливый мальчуган пинком ноги разбросал унылую, серую пряжу по углам просторной голубой комнаты. Солнце слепило. Оно тысячами лучей покалывало истомившиеся по свету глаза, рассыпаясь миллионами отражений от водной ряби в каналах и лужицах. Воздух быстро прогрелся. Уже к девяти часам утра можно было идти в одной рубашке, просвистываемой упругим ветром.

Они мчались в почти пустом вагоне электрички, и тот же упругий, пахнувший ароматами цветущих трав и деревьев ветер, набравший силы от скорости бегущего вагона, трепал их по щекам, и от этого всем хотелось смеяться и проказничать.

Как орехи из дырявого пакета они высыпались и запрыгали по перрону и двинулись через город в Царскосельский парк. Солнце уже жгло, хотелось пить. В воротах рынка пожилая пара молдаван торговала мелкой слипшейся черешней, при взгляде на которую пить захотелось еще сильнее. На счастье, рядом хлопала дверь продуктового магазина, в котором работал отдел «соки-воды», и ребятня, поспешно утолив жажду и прихватив питья на дорогу, повеселела. Вот уже открылась нарядная, вся в золоте церковь и громада Екатерининского дворца, и Елена Владимировна повела ребят на скамейки в тень столетних лип. Они отдыхали и слушали ее рассказ о Царском Селе и Лицее. Отдохнув, мальчишки начали рыскать по парку, пока предприимчивый Виктор не обнаружил в павильоне на берегу бассейна читальню.

— Ребя, — заорал он в восторге, — айда в читалку! Там журналов «Крокодил» навалом!

Тут все забыли о цели путешествия и набились в павильон. Битый час они кисли от смеха, тыкая пальцами в карикатуры пятилетней давности, а бедная учительница сидела пригорюнившись и проклинала свою горькую просветительскую долю. Наконец, они стали выползать из павильона, потные, красные, охая и тужась от желания смеяться еще и напоказ для нее, которая так много потеряла, не приобщившись к источнику юмора.

В небе с лихим свистом неслись стреловидные аэропланы, вырываясь откуда-то слева, из-за деревьев. Валя Корнеев деловито ловил их видеоискателем старого фотоаппарата и, щелкая затвором, с торжеством повторял: «Есть! Есть!»

На Камероновой галерее все притихли и даже с некоторым почтением рассматривали темные силуэты великих римлян и греков, шепотом повторяя высеченные в камне имена.

Время летело. Пора было кормить детвору. В «стекляшке»-столовой народ стоял, упираясь животами в спины, запах пота и подкисшей стряпни заставлял думать о чем угодно, только не о пище. К счастью, нашли киоск, где торговали горячими котлетами с хлебом и лимонадом.

Потом они долго ходили по мостам и мостикам, любуясь павильонами и дворцами, и Елена Владимировна рассказывала, рассказывала, а дети слушали и смотрели на нее большими серьезными глазами. Она чувствовала, как в унисон бьются их маленькие сердечки, и радовалась, какие они все хорошие, и умные, и милые.

Вечерело. Возвращаясь, они вышли к гранитной террасе, построенной Руска.

Уложив ребят, Елена Владимировна позвонила своей институтской подруге Верочке и спустя полчаса уже входила в тихий, благоухающий шиповником дворик. У Веры в гостях сидел рыжебородый очкарик, которого представили Андрюшей. Был он химиком так же, как и отец, и дед его. Дед считался одним из лучших учеников великого Менделеева, но рано занялся политикой и ничего существенного в науке не сделал.

Завязался ничего не значащий разговор. Андрей быстро почувствовал, что торчит корягой в ручье воспоминаний.

— Знаете что, дорогие дамы, — сказал он, воспользовавшись небольшой паузой, — у меня на одиннадцать заказан разговор с Ярославлем, но перед уходом я прочту вам свою сказку. Хотите?

— Читай, Андрюша, — сказала Вера, и подружки еле заметно улыбнулись друг другу.

— Ну, так слушайте.

«В некотором царстве, в некотором государстве жил-был пастух. И было у него стадо свиней. Однажды пошел пастух приготовить корм для своего стада и встретил по дороге старика, который тащил на веревке огромного кота. Кот упирался всеми четырьмя лапами и жалобно мяукал, а старик бил его суковатой палкой и ругательски ругал.

— За что ты бьешь несчастное животное? — спросил пастух, — и куда ведешь?

— Не суйся не в свое дело, — крикнул старик и отвесил коту еще один удар.

Тут пастуху стало так жаль кота, что он вырвал палку из рук мучителя и, сломав ее о колено, швырнул далеко в кусты, а потом надавал старику по шее, приговаривая: «Будешь знать, как животных мучить!»

Старик бросился бежать и, проковыляв шагов двадцать, крикнул пастуху: «Дурак ты, дурак! Не знаешь ты, не ведаешь, какие тебя горести ожидают с этой тварью! Вспомнишь меня, да поздно будет!»

— Бедный, — сказал пастух, ласково глядя кота. — Где ж это видано так обращаться с бессловесной тварью. Проклятый старикашка!

— Ужаасный мерзавец, — растягивая «а» в кошачий мяв, вдруг проговорил кот.

Пастух оторопел.

— Не удивляйтесь, пожалуйста, — продолжал кот. — Околдованный злым волшебником, я вынужден нести бремя жизни в постылой кошачьей шкуре. В бытность мою человеком я имел звание доктора философии. Многие считали за честь поддерживать со мной знакомство. Я свободно владел полдюжиной живых и мертвых языков, но проклятый колдун заставил меня забыть их, хотя дал мне взамен способность общаться со всякой мерзкой тварью... Вот, например, со свиньями...

— Всё ясно, — подумала Елена Владимировна. — Второй вариант «Скотского хутора». Всё уже было, было, было.

Её мысли понеслись в палату, где спали её питомцы. Она стала планировать дела на следующий день. А голос чтеца всё звучал:

— Ссударь, — сказал, стуча зубами, пастух. — Вам здесь оставаться не следует. Ппозвольте, я провожу вас ко мне домой, где вы сможете отдохнуть и прийти в себя. А я покуда пойду дам корм свиньям.

— Друг мой,— ответил кот, жеманно приподняв лапу, — я привык к труду и, если окажусь тебе полезным, я буду счастлив. Так что иди, показывай дорогу.

Они отправились на скотный двор, где хрюкали, рыли пяточком землю и носились взапуски свиньи и поросята. Пастух быстро наполнил пойлом деревянные корыта и вскоре во дворе послышалось сопение и чавканье. После обеда кот познакомился с самым крупным хряком, а тот с живейшим удовольствием представил его остальным свиньям.

— Грубые и примитивные животные, — с презрением говорил кот пастуху, когда они возвращались домой. — На уме одни желудочные проблемы, никакого кругозора. Насколько приятнее общество образованных людей, которое, увы, мне пришлось так внезапно и трагически покинуть. Не иметь возможности вернуться к людям! Я не могу себя представить в обличье кота перед этими заносчивыми Маутскими, Бернштейнами, Брехановыми и прочая. Они меня не примут всерьез! Я — и вдруг усатая кошачья морда! Нонсенс!

Елена Владимировна вдруг почувствовала, что засыпает. Она потянулась за заваркой и отрезала кусочек вафельного торта.

...— Довольны ли вы своей жизнью? — спросил он, собрав их однажды вокруг себя.

Свиньи задумались.

— Иногда очень хочется есть, — неуверенно прогудел хряк по имени Хав.

— Именно есть! — с энтузиастом подхватил кот. — Товарищ Хав затронул самую суть наболевшего вопроса. В то время, как все общество буквально умирает от голода, пастух позволяет

себе валяться в кровати с женой, и ему в голову не приходит, что он попирает ваше достоинство пренебрежением к вашим сокровенным нуждам.

— Ну, это вы, товарищ кот, пожалуй, через край, — пробормотал смутившийся Хав.

— А это, товарищ Хав, в вас говорит политическая незрелость, — в возбуждении воскликнул кот и вскочил на задние лапы. — Скажите, товарищи, кто из вас сейчас отказался бы от теплого, ароматного пойла, в котором и кусочки мяса, и вареный картофель, и капустные листья, и рыбки кишочки?..

При напоминании о лакомствах у всех потекли слюнки, а кот продолжал:

— Я долго размышлял о вашем угнетенном и бедственном положении и понял, что свиньи, как никто другой, самой природой созданы для общественной формы правления. Мы пойдем к угнетенным братьям вашим в соседних свинарниках, привлечем в наши ряды диких свиней и образуем Федеративную Свинскую Республику!

— Но мы не умеем сами делать пойло, — нерешительно заметила пожилая свинья Хися.

— Мы заставим пастухов передать нам секреты и, совершив культурную революцию, начнем новую жизнь без насилия и эксплуатации. Подумайте, вы отдаете хозяину мясо, сало, шкуры, щетину и... и многое другое, а взамен получаете жалкие отбросы.

Пастух в этот день запаздывал, урчание в кишках усиливалось, и агитация кота падала на благодатную почву.

— Вот, смотрите, — продолжал вопить кот, — вот стоит сарай, набитый доверху вашим любимым картофелем и хлебными корками: это ваше, вы заработали все это тяжелым трудом, но сарай на замке! Стоит сбросить замок — и сарай ваш. Я поведу вас на штурм!

— Но ведь пастух возьмет палку и избьет нас, — промолвил хряк Сясс.

— Это проявление слабости в ваших рядах мы дружно заклеим! — заорал кот, и свиньи начали гонять несчастного Сясса по двору.

— У меня есть гениальный план, — сказал кот после того, как слабый духом был наказан. — Когда пастух снимет замок и

отворит дверь сарая, ударная сила нашего революционного войска по моему знаку бросается на него, валит с ног и затаптывает. Мы овладеваем запасами продовольствия и уходим в лес, где организуем новое общество, основанное на равенстве и братстве.

...События развивались так, как обещал кот. Едва пастух снял замок с двери и повернулся к свиньям спиной, они кинулись на него, сбили с ног и едва не загрызли насмерть. Пока прежний повелитель и кормилец валялся в крови и навозе без сознания, кот быстро построил свиней парами, положил на каждую пару по мешку провизии и повел стадо в лес. Через три часа они уже были в прохладе. Над ними сомкнули тяжелые ветви сумрачные ели. Невдалеке поблескивало стоялой водицей болотце, и все свиньи с восторгом повалились в жидкой грязи и напились. Кот брезгливо подергал лапами и пошел искать местечко и воду почище. Возбужденное походом население успешно справилось с доброй четвертью съестного. Пользуясь послеобеденным покоем, кот выступил перед разлегшимися с речью.

— Товарищи, — начал он важно, — захватить власть, — это полдела, даже треть дела. Главная работа — построить на обломках старого мира новое общество, свободное от угнетения и эксплуатации. Вы спросите меня, как его построить, — продолжал кот, хотя его никто не спрашивал, — я расскажу вам. Прежде всего нам нужно сохранить тот незыблемый принцип коллективизма, который помог нам одержать победу. Главное внимание следует уделить воспитанию подрастающего поколения. Если мы каждому поросенку предоставим возможность следовать своей естественной наклонности, своему инстинкту, то в производственнотрудовых группах, которые я называю сериями, мы увидим, что путь копателя корней или искателя желудей ведет к расцвету личности, как и всякий другой.

Далее, пронзительные вопли маленьких поросят, столь надоедливые в наше время, сведутся к пустякам. Они, то есть поросята, будут укрощены в школах-серистерях, и по причине хорошо известной, а именно потому, что сварливые характеры смягчаются в соприкосновении с себе подобными. Ваши малютки, воспитываемые в серистере гармонического строя, станут мягкими и спокойными.

Мы разделим всех свиней на серии. Серия всегда останется компасом всей премудрости в социетарной гармонии... Перед тем, как приступить к вопросам внешней политики, я хочу узнать, есть ли у присутствующих вопросы.

— Сколько раз в день можно кушать? — почти в один голос спросили близнецы Рюхх и Ньюхх.

— Товарищи, задавайте вопросы по делу! — взмолился кот. — И учтите, что нужно экономить. Да-да! Экономить! Только сознательное отношение к своим правам и обязанностям позволит устроить гармоническое общество изобилия. Вот, товарищ Хав, кажется, хочет что-то сказать. Ах, не хочет? Тогда продолжим.

— Товарищи, вспомните о свиньях, томящихся в невыносимых антисанитарных условиях в соседних свинарниках. Мы должны им протянуть руку братской помощи. Нужно поднять их на борьбу за свободу. Я предлагаю командировать для революционной агитации следующих товарищей...

Тут кот хотел показать с помощью цифр, какое счастье ожидает свиней, но стало смеркаться и стадо, насытившись во второй раз, впало в сон...»

Тут Вера прервала чтеца:

— Андрюша, что за странная терминология — серистеры, серии, фаланги?..

— Это я взял из сочинений Фурье.

— Вот уж кого терпеть не могу! — воскликнула Елена Владимировна.

— Совершенно с вами согласен. Кстати, видели ли вы когда-нибудь его портрет? Я плохой физиономист, но в данном случае, мне кажется, ошибки быть не может. Представьте себе скудный жестокий рот, рот мелкого скряги и торгаша, привыкшего выгадывать сантим на каждом франке, и пронзительные глаза инквизитора. С такой мордой, простите за грубость, сжигать еретиков, а не устраивать всеобщее человеческое счастье. Впрочем, по моему разумению, эти вещи неразрывно связаны.

— У Достоевского Шигалев называет Фурье сладкой мямлей, — сказала Елена Владимировна, — но это неверно. Фурье страшен. Его счастье и свобода обнесены колючей проволокой. А Фаланстер — типичный барак в концлагере.

— Леночка, пусть Андрюша дочитает сказку, потом обсудим, — попросила Вера.

— Ну, что ты, Вера, сказка маленькая. А я очень рад, что наши взгляды близки.

— Андрюша, слишком близкая аналогия с Лениным, некрасиво, — засмеялась Вера. — И потом что-то уж очень похоже на Оруэлла.

— Это случайное совпадение, Верочка. Я написал эту сказку задолго до того, как познакомился со «Скотским хутором». Но признай, что у меня намного короче и потому намного талантливее.

— Признаю, признаю.

— Уважаемые дамы, если вопросов нет, я ухожу... Всего хорошего.

— До свидания, Андрюша, звони.

В ту ночь подруги долго гуляли по набережным, сидели на Марсовом поле и говорили, говорили обо всем на свете.

* * *

Наступил новый учебный год. Осень и зима выдались прекверными. Весь февраль налетали свирепые северо-западные ветры, сеяли ледяную пыль и свистели в тощих кронах деревьев. Люди ходили сумрачными, под стать погоде. К концу месяца Елена Владимировна почувствовала, что заболевает. Два дня она крепилась, но в четверг ее начал мучить кашель, подскочила до тридцати девяти температура и вызванный на дом врач поставил диагноз: бронхит. Досадуя на свою невезучесть, она две недели провалялась в постели, коротая время между вязаньем и прослушиванием бесконечных информационных выпусков.

В первый же день выхода на работу она попыталась связаться с Людмилой Георгиевной, замещающей ее во время болезни, но та, словно нарочно, все время от нее ускользала под разными предлогами. Наконец, перед уходом домой ей посчастливилось.

— Людмила Георгиевна, вы меня замещали, и я хотела бы у вас кое-что спросить.

— Ради бога, спрашивайте, Елена Владимировна.

— Какие у нее грязные ногти, — подумала Елена Владимировна. — Дело в том, — сказала она, — что я с удивлением обнаружила в журнале две неудовлетворительные оценки у Логинова по литературе. Он у меня учится только на отлично. Я не пойму, что произошло.

— Если вы внимательно просмотрели журнал, — с наслаждением пропела Людмила Георгиевна, — то, наверное, заметили, что двойки и тройки стоят не только у Логинова, но и у некоторых других... Должна вам сказать, что я не завожу любимчиков и стараюсь объективно оценивать знания учащихся. Вот, кстати, Андрееву и Чистяковой я поставила пятерки.

— Помилуйте, они же рта не могут раскрыть! Самое большее, на что они способны — пересказ с грехом пополам нескольких страниц из учебника.

— Видите ли, Елена Владимировна, я считаю, что учебники пишут люди куда умнее нас с вами и, по-моему, не стоит тратить силы, чтобы отрываться от утвержденной программы. Гораздо лучше эти силы направить на соблюдение дисциплины в классе. Уж поверьте моему опыту. Я ведь старше вас лет на пятнадцать, не так ли? Кстати, тот же Логинов совершенно не умеет себя вести.

— Это очень странно. У меня он ведет себя прекрасно. И добавлю, что он талантлив. Это бесспорно. Это видно невооруженным глазом.

— Не знаю, не знаю. Не заметила ничего, кроме желания оригинальничать. Он, видите ли, имеет свое особое мнение о достоинствах литературных произведений, этот академик сопливый. И главное, излагает в наглой, вызывающей манере.

— Но ведь оригинальное мышление — это дар. Его нужно развивать. Он уже сейчас пишет стихи лучше многих наших поэтов. Он талантлив, поймите!

— Вы видите талант, а я вижу, что ему лень учить уроки. Да-да! Знаете, боюсь, мы с вами говорим на разных языках, Елена Владимировна.

— По-видимому, вы правы, Людмила Георгиевна, — сказала Елена Владимировна, поднимаясь. Щеки ее пылали, и она с великим трудом сдерживала себя. — Извините, что напрасно причинила вам беспокойство.

— Какая разрушительная сила в этой пожилой даме! — думала Елена Владимировна, выходя из школы. — За две недели провела глубокую вспашку и засеяла поле по-своему. То-то я никак не могла узнать свой класс: все стали злые и одичалые. Андреев, огромный, неповоротливый, с глазами уснувшего карпа, умудрился получить пятерку по литературе! Она вспомнила отрывок из его сочинения за прошлый год: «Пушкин часто в своих стихотворениях приводит примеры из своей личной жизни. В стихотворении «Пророк» он рассказывает, что когда он был в безлюдной местности, его посетил шестикрылый серафим, который посоветовал ему лучше вырвать язык, чем писать неинтересные и никому не нужные стихи. Серафим настроил Пушкина против царя и всех его прихвостней».

Тут ее стал разбирать смех, и злость улетучилась. Ей пришел на память эпизод из собственной школьной жизни. Шустренькая старушонка с тонюсенькими седыми косичками, заплетенными в корзиночку, ведет урок внеклассного чтения. Класс гудит, словно рой оводов, каждый занят своим делом. Возле учительского стола переминается с ноги на ногу Ежков, парень лет пятнадцати. Остальные переростки, а их было человек шесть, жуют промокательную бумагу и кидают в сидящих впереди. Старушонка пытается вытянуть из Ежкова подробности появления на свет Дюймовочки. Парень шарит по лбу, потеет и мычит нечто нечленораздельное, после чего она восторженным голосом советует ему почитать «Стойкого оловянного солдатика». Парень идет на место, и к доске вызывают отличницу — Лену. На вопрос, что она прочла, Лена отвечает, что недавно прочла «Овода» и «Осуждение Паганини».

— Замечательно! — восклицает старушонка. — Теперь скажи, Леночка, что общего у Овода и Паганини?

Лена задумывается. Класс неожиданно стихает и в наступившей тишине звучит бас Ежкова: «Оба баб любили». Старушка всплескивает ручками и падает почти без чувств на стул, а переростки гогочут и тузят друг друга в полном восторге.

Из письма:

«Дорогая Леночка, здравствуй, как ты там поживаешь? Как твои питомцы? Давно от тебя нет весточки. У меня тут на днях было небольшое приключение. Я хлебнула полной ложкой нашей бесплатной медицинской помощи. Сама не знаю, отчего во вторник у меня страшно разболелась голова. Никакие лекарства не помогли, и к ночи у меня даже лицо перекошило. Я испугалась и вызвала неотложку, а они увезли меня в двадцать девятую больницу. И тут началось! Я себе места не нахожу от боли, а сестра в приемном покое запрашивает меня по анкете. Наконец, повели меня наверх, врача, конечно, нет. Лекарства я все дома забыла. Прошу у дежурной сестры болеутоляющее, а она мне отвечает, что до прихода врача лекарства давать не положено. С тем я улеглась в койку. Лежу в темноте, стараюсь не шевелиться. Каждое движение вызывает волну боли. Вдруг слышу — что-то прямо над головой плещется. Открываю глаза — стоит незнакомый мужчина и в раковине льет себе воду на плешь, а раковина рядом с моей подушкой. «Псих ненормальный!» Непонятно, как он в женскую палату попал. Тут другие женщины пробудились и подняли крик. Прибежала сестра, вы проводила незваного гостя.

Только все затихло, к сестре пришла подружка с другого этажа, и они начали в полный голос в коридоре рассказывать друг другу истории, да не просто, а с хохотом, да с матом. Наконец, и подружка ушла.

Только я забылась, привезли больную с аппендицитом. Охает она, стонет — ни врача, ни сестры. Охала она до самого утра. Утром у меня голова стала проходить. Захотелось поесть, но еду мне не дали, сказали, что меня пока не поставили на учет, а у меня под ложечкой сосет — ужас. Нашла я, к счастью, полтинник и дала нянечке, и она мне принесла объедков.

А врача нет и нет. У той, у которой подозрение на аппендицит, живот стал проходить. Она говорит: «лучше я домой пойду, тут загнешься — никто и не узнает.» Благо, одежду больные с собой берут — склад на ремонте. Одеда она сапоги, пальто и ушла.

Пришел врач, молодой парень, часов в десять. Всех поглядел за пять минут, а потом спрашивает: «Это чья пустая койка?» Мы говорим: «Женищина тут лежала, ждала, ждала и ушла.» — «А, — говорит, — ушла, ну и ладно».

Мне он обещал привести профессора (наверное, потому что лицо у меня все еще было перекошено). Через три часа вошла полная брюнетка лет пятидесяти, под села ко мне и с ходу: «Когда началось? Менингитом болели? Что ели вчера? Сколько вам лет?»

Я только открыла рот, чтобы ответить на первый вопрос, а она уже шестой задает. Я ей говорю: «Ведь вы меня не слушаете, зачем спрашиваете?» А она отвечает: «Дорогая моя, мне положено три минуты на пациента». Тогда я ей говорю: «Знаете, я хочу выписаться. Боюсь, что если проживу здесь дня два, то помру». А она: «Пожалуйста, выписывайтесь, дайте только расписку, что к нам не будете иметь претензий».

Дала я расписку, оделась мигом и прочь из этого ада. Вот так-то, Леночка. Смотри, не болей. А заболеешь — «к врачам обращаться не надо».

Целую тебя. Твоя Вера.

P.S. В пятницу я пришла я к Любе В., ты ее знаешь. Рассказываю я ей этот кошмар, и вдруг начали мы с ней хохотать. Насмеялись до хрипоты, до слез, и на душе легче стало. Пиши. Скучаю без тебя.

* * *

— Елена Владимировна, полюбуйтесь-ка, чем развлекается на уроках Логинов. — Страдающая одышкой от ожирения учительница биологии звонко шлепнула о стол толстой клеенчатой тетрадь. — Вот, полюбуйтесь! Я, понимаете ли, надрываюсь, объясняю материал, а их высочество в это время возмутительные стишки пишет. Но этого мало. Эти великовозрастные дураки разучили их и орут всем хором на позор школе. Мне, между прочим, в их годы было не до смеха. Нас шесть человек детей было, и мне после школы приходилось нянчить младших сестер и помогать по хозяйству матери.

— Позвольте взглянуть, Олимпиада Ивановна.

Елена Владимировна развернула тетрадь и тотчас нашла отягчающие вину улики. Тема называлась «Черви», в скобочках «глисты». Ниже следовало стихотворение, написанное, что называется с пылу:

*У меня есть солитер,
Он отважен и хитер.
Целый день сидит во мне
Ровно по уши в желудке
И выглядывает вне
Раз в неделю ради шутки.
Мой любимый солитер —
Самый лучший ремонтер.
Я на нем наставил метки
Наподобие рулетки:
От калитки до моста —
Солитер и два глиста.
От моста и до забора —
Глист и четверть солитера*

Тут лицо Елены Владимировны стало против воли раздвигаться в стороны. Она почувствовала, что через мгновение совершенно неприлично рассмеется, и огромным усилием собрала лицо в страдающую маску.

*Мой любимый солитер
Всем солистам нос утер,
Знает много песен, арий,
Украшает мой глистарий...*

Прямо над ухом раздался гомерический хохот Вадима Владимыча:

— Украшает мой глистарий! — замечательно! — хохотал он.

Олимпиада Ивановна, очертя голову, ринулась в бой. Пока биология теснила труд, и слышался звон мечей о кольчуги, Елена Владимировна смогла подавить приступ смеха и, несколько раз глубоко вздохнув, уверила, что поговорит с Виктором.

— Не беспокойтесь, Елена Владимировна, — оборотилась биологиня. — Я уже вызвала родителей Логинова сама. Ваше участие в его судьбе и симпатии слишком очевидны.

— Помилуйте, Олимпиада Ивановна, во-первых, я, как классный руководитель...

— Именно как классный руководитель вы ему потворствуете! — завопила подогретая перепалкой биологиня. — Это всему коллективу школы ясно, как божий день. Но мы этого не допустим.

— В таком тоне я отказываюсь продолжать разговор, — подчеркнуто сухо ответила Елена Владимировна, — и мне придется перенести его в кабинет директора.

— Я совсем не собиралась вас обижать, Елена Владимировна, но Логинов совершенно несносен. Объясняла, например, размножение многоклеточных и чуть со стыда не сгорела от его реплик. А ведь мне пятьдесят четыре года, и я видывала виды.

«Да, ей, увы, пятьдесят четыре года, она кое-как выучилась и стала преподавателем от неизбежности быть хоть кем-нибудь, — подумала Елена Владимировна. — Как мне защитить Виктора от этих монстров? Как?»

* * *

Из письма.

«Леночка, здравствуй.

После твоего отъезда из Ленинграда, я долго вспоминала нашу встречу. Как жаль, что мы так редко видимся. Август выдался совершенно несносным. Каждый день шли дожди, было холодно. По сводкам погоды я поняла, что у вас то же самое. Моя сестра была на юге с мужем, рассказывает, что дороговизна страшная, грязь невыносимая. Желающие пообедать стоят по часу и более на жаре в очереди, а еда невкусная. Жаловалась она мне, но выглядит прекрасно — загорела и помолодела. Плохая еда пошла ей на пользу — она похудела на четыре кило. У меня все по старому. Напиши мне, как поживаешь? Приедешь ли с питомцами, или одна еще разок в Питер? Целую тебя крепко. Вера.

Извини, что письмо такое куцее, но ты ведь знаешь, что я не мастер писать. Кстати, Андрюша в тебя прямо-таки влюбился. Все просит, чтобы я рассказала о тебе. Упросил меня

послать тебе очередную сказку. Читала я ее — ну, смех и грех! Лучше бы ему диссертацией заниматься, а не этими глупостями. Если будет охота, черкни ему, что мол, сказка понравилась. Мужчины такие честолюбивые. Еще раз целую тебя».

Несколько дней спустя Елена Владимировна действительно получила толстое заказное письмо, где на машинке была напечатана «Сказка об одном исчезнувшем государстве».

«Давным-давно в стране жаркого солнца, по которой протекает могучая река, называемая теперь Нилом, в огромном каменном дворце жил Правитель. Он любил свою страну и много сделал для того, чтобы украсить свои столицы, а их было две — на Севере и на Юге, великолепными дворцами, каналами и парками.

В самом пышном дворце его южной столицы находился богато украшенный стенными росписями и мозаикой зал, где трудились философы и звездочеты под присмотром Великого Мага. Великий Маг тогда был самым обыкновенным, хотя и очень умным человеком, и никаких чудес он творить еще не умел. Называться «надсмотрщиком над учеными» было в те времена неприлично и, согласитесь, что если существует должность Великого Мага, должен ведь кто-нибудь ее занимать. Вот он ее и занимал...

Елена Владимировна зевнула.

— Опять политическая притча. Никто не знает, как выйти из тупика, потому что выхода не существует...

...Однако этот придворный, по имени ИсиТа, нубиец родом, был человеком хитрым и злым. Он всегда выносил решения во вред просящему, чтобы люди думали о несправедливости Правителя...

— Иси-Та, значит Сталин. И что Андрей собирается рассказать о нем нового?..

...— Если мне суждено скоро умереть, то я желаю прежде успеть сделать такое великое дело, которое навсегда останется в памяти потомков.

— О, Повелитель, — ответил Великий Маг. — Ничто не вечно под солнцем. Даже вырубленные из скал памятники бывших

до нас властителей превращаются в песок, а песок истирается в пыль, и приходящий из пустыни ветер уносит эту пыль в неизвестность.

— Это так, — сказал Правитель, — но я не стану более тешить себя строительством дворцов и храмов. Я дам людям законы, и они будут жить по ним после меня. Я раздам им землю и семена, и каждый, живущий под солнцем, будет равен во всем каждому. Все станут свободные и счастливые, а я успею пожить в этой свободной и счастливой стране.

— Прости меня, повелитель, но ты желаешь невозможно, — ответил Великий Маг. — Человек рождается на земле для того, чтобы повелевать или быть рабом. Третьего не дано. Ты желаешь двух несовместимых вещей — власти и равенства с теми, над кем собираешься властвовать.

— Я откажусь от власти, — сказал Правитель.

— Кто же тогда будет следить за соблюдением твоих законов? — спросил Великий Маг.

— Сначала следить буду я, а впоследствии — самые достойные из моих подданных. Они продолжат мое дело, и, чтобы никто не привыкал к власти, я напишу еще один, последний закон, ограничивающий срок их правления.

— А кто же будет следить за исполнением этого последнего закона? — спросил Великий Маг.

— Весь народ! Да, да! — воскликнул Правитель. — Я вижу, ты со мной не согласен, но знай, что такова моя воля и каждого, кто станет мне перечить, я уничтожу.

— Он говорит, как человек, не понимающий силу сознательного народа, — отозвался из угла Иси Та, и Правитель одобрительно кивнул головой.

Великий Маг поклонился и вышел в глубоком раздумье.

— Первая сказка была повеселее, — подумала Елена Владимировна и опять зевнула.

...Но однажды всему этому пришел конец. У истока Великой Реки появился Великий Маг. Десять лет он учился волшебству у мудрецов, живущих в центре материка, в глухих лесах, и теперь полностью соответствовал своему званию. Невидимый, парил он над страной и видел сплошь бесконечные

однообразные страдания и беспросветные рабские будни. Он видел безобразные гримасы веселья на лицах и тупую усталость в глазах тех, кто должен был стать счастливыми. Он видел шествия, украшенные бесчисленными физиономиями Правителя, и понял, что людей этих можно спасти, только разрушив до основания все, на чем держалась власть Иси Та.

Ночью, когда еще не родилась молодая луна, он ушел в горы и вытащил из шкатулки магический кристалл. Он сфокусировал в нем свет двенадцати созвездий и прочел заклинание, вырезанное на крышке шкатулки. Тотчас огромная статуя Правителя над дворцом сдвинулась с места и спрыгнула на землю. Удар был подобен раскату грома. Одновременно все другие скульптуры ожили и пришли в движение. Все они быстро собирались на центральных площадях столиц, городов и поселений. Построившись в колонны, идолы начали систематическое разрушение всего, что попадалось на их пути. Ни стрелы, ни мечи, ни брошенные из катапульта камни, ни кипящая смола, ни огонь не причиняли им вреда. Каменные и бронзовые кулаки подобно молотам превращали в мелкий сор то, что возводилось веками. Народ в ужасе бежал, куда глаза глядят. Дома пылали. Иси Та висел, извиваясь, словно червяк на указательном пальце огромной статуи, а избранные народа лежали растоптанные в лужах крови и нечистот.

Три дня в городах и селениях продолжалось побоище. Ни один надсмотрщик и ни один солдат не ушли живыми. Окончив свою работу, идолы построились в колонны и грозной поступью ушли в море, унося щелкающие челюстями безрукие и безногие бюсты и доски с барельефами того, кто хотел сделать всех людей счастливыми. Воды сомкнулись над ними. Великий Маг посмотрел вокруг, распростер руки и удовлетворенный полетел на север. Ничего не осталось от некогда великого государства. Только ветер выл в открытых пространствах, гоня перед собой клубы праха. Через тридцать лет на месте прежних городов и поселений зеленели луга и молодые леса, охотились звери и свободно парили птицы».

— Вот, в конце у него получился некий Апокалипсис. Это неплохо, — подумала Елена Владимировна. — Мне лично кажется, что чем менее жизнеспособна система, тем больше она

применяет жестокости и силы, чтобы продлить своё существование... Впрочем, всякое обобщение чревато ошибками. Не так ли?

* * *

...После неприятностей, связанных с биологиней, Виктор окончательно потерял интерес к учебе. Даже любимая литература надоела. Он очень страдал оттого, что некрасив и мал ростом. Увидав однажды афишу о наборе ребят в спортивные секции, он отправился записываться в бокс. Тренер, Сергей Александрович, узнав, что Виктору четырнадцать лет, посчитал его старым и посоветовал пойти в другую секцию, но Виктор так умолял, что отказать ему было невозможно.

— Только не манкировать, — сказал тренер Виктору. — Приходишь на тренировку — работай.

— Обязательно, — ответил мальчишка.

Заниматься боксом он начал с прилежанием, граничащим с ожесточением. Уже через четыре месяца Виктор побеждал старых закаленных бойцов ринга.

— У, этот парень далеко пойдет, — довольно поговаривал тренер своим знакомым. — Реакция бесподобная, вынослив. Его бои напоминают схватку мангуста с коброй. А я, признаться, чуть его не отшил, когда он ко мне поступать хотел.

Одно ощущение победы над противником оправдывает жизнь. Как прекрасно само сочетание слов: победил Виктор Логинов. Ничего, что он в легком весе. Он будет много есть и вырастет все-таки в ближайший год-два. И одной левой он запросто уложит любого, кто на него косо посмотрит.

Елена Владимировна с ужасом увидела, что неожиданно между ними разверзлась пропасть. Она несколько раз пыталась расшевелить его, но он, разговаривая с ней, видел только пленительные картины боев, в которых он будет победителем. Учительница была в полном отчаянии. Наконец, она собралась с духом и пошла к тренеру.

— Сергей Александрович, — начала она. — Поймите меня правильно. Я вовсе не намерена лишать вас способного ученика. Я слышала, что Виктор делает успехи в боксе...

— Успехи! — фыркнул тренер. — Он гениален. В этом году мы с ним выиграем городское первенство, в будущем областное, а через два-три года он будет чемпионом Союза.

— Все это хорошо, даже очень хорошо, но Виктор должен окончить восьмой класс, а учится он сейчас из рук вон плохо. Особенно меня огорчает, что он совершенно забросил литературу. Очень прошу вас, Сергей Александрович, поговорить с ним. Сами понимаете, чемпион Союза должен грамотно писать и говорить по-русски.

— С этим я не спорю, Елена Владимировна. Единственное, о чем давайте договоримся, — на следующей неделе, в пятницу ответственные соревнования. Пусть он выступит спокойно. А потом я скажу ему — он сядет и наверстаёт. Такой парень все может. А вас я приглашаю посмотреть его бои. Получите большое удовольствие.

— Скажу вам честно, бокс меня ужасает, но ради своего воспитанника приду. Вы только, пожалуйста, ему не говорите.

— Хорошо. Пропуск я вам пришлю.

Спортивный зал дворца металлургов был наполовину пуст. Елене Владимировне пришлось сесть ближе к краю, чтобы не попасться на глаза Виктору. Он должен был выступать в четвертой паре. Первые пары, еще совсем неопытные, неуклюже топтались в центре ринга, потом сидели в углах и слушали сердитый шепот тренеров, снова вставали и деловито тыкали друг друга в физиономию. Елене Владимировне даже спать захотелось. Но вот мышонком стрельнул под канат Виктор. Противником его оказался худой долговязый мальчишка с белой челкой, падающей на глаза. Прозвучал удар гонга, и противники сошлись. Елена Владимировна почувствовала, как оглушительно забилось сердце и напряглись помимо воли мышцы ног. Виктор начал охоту. Едва заметными движениями рук и корпуса он вызывал противника на атаку. Ее поразила гармоничность движений, напоминающих танец. Движения все ускорялись, последовательность их становилась все сложнее, все более непредсказуемой. Ударов почти не наносилось. Вдруг долговязый мальчик с какой-то тоскливой решимостью кинулся на Виктора, но проскочил мимо, проведя серию ударов в воздух. Виктор оказался у него за спиной. Еще одна попытка, еще — и вдруг она не

увидела, а только слышала глухой шлепок перчатки о тело. Через секунду противник Виктора согнулся, не в силах выровнять дыхание. Рефери подвинул Виктора в сторону. Через несколько секунд прозвучал гонг, и противники разошлись по углам.

Во втором раунде Виктор снова начал охоту. Долговязый хмуро отмахивался, закрывался перчатками, но все же где-то через минуту пропустил удар в голову, потом в челюсть и тяжело опустился на колени. Елена Владимировна взглянула на Виктора и ужаснулась. Его глаза горели, как у хищника, почувшего запах крови. Сергей Александрович, мурлыкая на ухо победителю, накинул на него старенький халатик. Елена Владимировна не стала больше глядеть и ушла домой.

Было бы ошибочно думать, что в бокс Виктора привел некий комплекс неполноценности. Главная причина заключалась во внезапно вспыхнувшей любви к Вале Серегиной. Валя в свои неполные пятнадцать лет превратилась в высокую красавицу с мощным бюстом. Она с ленивой улыбкой воспринимала паясничанье Виктора, его экспромты, но тем дело и кончалось. Виктор бесился. Тогда-то и пришло ему на ум завоевать сердце своей избранницы мирской славой. Ребята действительно заговорили о нем. Примерно через месяц после соревнований, на которых была Елена Владимировна, Виктор решил, что его час наступил. После уроков он подошел к Вале и сказал, что проводит ее. Однако она вышла вместе со своей закадычной подругой Сергеевой. Они весело болтали о тряпках и совсем не обращали внимания на Виктора. Наконец, он совершенно расвирепел и довольно грубо сказал Сергеевой, чтобы она отшлась, так как у него серьезный разговор. Подруги очень обиделись. Сергеева, не прощаясь, ушла, а Серегина стала с безразличным видом разглядывать крыши домов.

— Валя, — проговорил несчастный влюбленный хриплым от волнения голосом, — Валя, я на все готов ради тебя.

— Че ты ко мне вяжешься, Витька, не пойму я, — ответила пассия.

— Валя, послушай. Только не смейся. Я люблю тебя, люблю!

— Чево? Ты погляди на себя и на меня. Ты ведь ниже больше, чем на полголовы. А если я высокий каблук надену? Скажут еще, что я с ребенком гулять вышла.

— Валя, не в росте счастье. Я еще вырасту. Вон, Валька Корнеев меньше всех в классе был, а теперь гляди, какая дылда.

— Вот вырастешь, Витенька, тогда и поговорим. Но вообще-то не очень надейся. Ты не в моем вкусе.

— Валя! — он сильно сжал ей руку.

— Пусти, дурак, больно! Пусти, тебе говорят! Обезьяна чертова, — почти крикнула она, вырвав руку и растирая запястье. — Обезьяна! Ты и раньше был похож на обезьяну, а в боксе тебя еще больше изукрасили!

Виктор стоял, как в столбняке. Где? Когда он слышал это прозвище? Ах, да... Маленький, вертлявый, смуглый лицеист. Его так дразнили... А причем тут он, Виктор? «Боже мой! Ведь я на него похож. Как я раньше не замечал?!» — Он почти бежал домой, чтобы поскорее взглянуть в зеркало и исследовать свое лицо.

Виктор ходил, весь накаленный злостью и обидой. Елена Владимировна видела, как он мечется подобно дикому зверю в клетке, и не могла никак ему помочь. В считанные дни вырос непреодолимый барьер непонимания. Парень сидел безучастно на уроках и беспрестанно рисовал злые карикатуры на друзей, преподавателей и особенно на Серегину. Он мастерски схватывал самое существенное в осанке, легкие дефекты строения лица или фигуры и доводил их до сильнейшего гротеска. Серегина ревела от бессильной ярости и мстила Виктору, обзывая его на весь класс дураком и обезьяной. Он только холодно усмехался. Учительница чувствовала, что близок момент, когда она тоже окажется жертвой насмешки или открытого бунта.

Кризис разразился на уроке литературы. Она попросила Виктора рассказать статьи Белинского об «Евгении Онегине».

— Я ненавижу Белинского, — начал Виктор. — Это разросшийся гриб-паразит на творчестве Пушкина.

Класс заволновался. Елена Владимировна напряглась: «Так, началось. Теперь только не сорваться, не разрушить одним генеральским окриком то, что создавалось несколькими годами упорного труда. Ничего хорошего это выступление не сулит. Ясно, что Виктор читал Белинского, в отличие от всего класса, по-настоящему». А Виктор продолжал:

— Он все знает. Он все за нас решил. Он полон сознания собственной непогрешимости. Вот, к примеру, статья «О русской повести и повестях Гоголя».

— Мы Гоголя еще не проходили, — крикнул Свиридов, ковыряя пальцем в носу.

— Заткнись, рыжий! — Он пишет про сумасшедшего: «Вы еще смеетесь над простаком, но уж он возбуждает сострадание...» Я читал «Записки сумасшедшего», и мне лично совсем смешно не было. Я чувствовал злость и брезгливость, как к раздавленному навозному червю. Онегина называют лишним человеком! Онегин умен и смел и любого из нашего города пристрелил бы у барьера или избил бы тростью, как трусливую собаку, потому что у нас нет ни капли человеческого достоинства. Мы все говорим только то, что нам велят. А этот сумасшедший — действительно лишний человек, потому что ему нечего делать на свете, кроме как чинить перья начальнику.

— Подожди, Логинов. Ты, кажется, отвлекся, — начала Елена Владимировна.

— Нет, я не отвлекся. Мне противно пересказывать то, что написал Белинский. — Виктор демонстративно, без разрешения сел.

— Давайте не будем спешить, — сказала учительница, — и попробуем разобраться. Герцен, введя в обиход понятие «лишний человек», подразумевал вовсе не тот обидный смысл, который вкладывает в эти слова Логинов.

Лишний человек, по Герцену, это тип умной ненужности в правление Николая Первого. Что из себя представлял этот царь, я расскажу тем, кто придет вечером в четверг. В то подлое время «ничего не просить, оставаться независимым и не искать мест» означало быть в оппозиции. Онегин, человек незаурядный, осужден на праздность. Я подчеркиваю — осужден. В мире, где законы издает коронованный фельдфебель, нечего делать умному и творческому человеку. Он лишний. Ты понял, Виктор? Если кто-нибудь заинтересуется, пусть прочтет работы Герцена. Я в конце урока их назову.

Теперь о Белинском. Логинов не прав. Для того, чтобы говорить в столь оскорбительном тоне о человеке, который не может ответить, надо иметь очень веские доводы. Фраза, брошенная

Логиновым, подвергает сомнению порядочность и честность Белинского. А между тем, если прочесть воспоминания Тургенева, Герцена и других, то окажется, что он, Белинский, был человеком искренним и чистым. Если он когда и заблуждался, то впоследствии открыто это признавал. Что покоряет в Белинском? — Четкая логика его мышления, логика почти математическая.

Виктор слушал насупившись, не поднимая глаз. Слушал и класс. Зазвенел звонок. Класс медленно опустел. Логинов не поднялся. Они остались вдвоем, как это было уже много-много раз.

— Что происходит, Виктор? Скажи мне, могу ли я хоть чем-нибудь помочь.

— ...

— Не стоит играть в молчанку, Витя.

— ...

— Если бы ты знал, как я страдаю оттого, что не могу понять тебя и прийти на помощь.

— Вы мне ничем не сможете помочь, Елена Владимировна, — вырвалось у него неожиданно.

— Этого не может быть. Нет!

— Вы не сможете, потому что не поймете. Я схожу с ума. Мне все время кажется, что все, написанное Пушкиным, я когда-то знал. Как это объяснить... — Он мучительно сморщился и сжал ладонями голову.

— Наверное, когда ты был маленьким, мама читала тебе Пушкина, а ты запомнил. У тебя ведь великолепная память.

На его лице появилась презрительная гримаса:

— Елена Владимировна, мои родители никогда ничего не читали. Я не уверен, что в последний раз они брали приличную книгу даже в десятом классе. Но я не о том. Мне даже стыдно признаться, но иногда такое желание — встать и заорать: все, что вы читаете и зубрите наизусть, написал я! я! я!

— Тише, ради Бога. — Она почувствовала, что сумасшедшие флюиды сейчас захватят и ее.

— Вы мне не верите? Давайте на спор я допишу десятую главу о декабристах и вы не отличите. Вот я вам сейчас ее всю экспромтом срифмую:

*И вот на площади Сенатской
В декабрьский утренний мороз
Стоит каре, и детских грез,
Великих планов, доли братской...*

— Нет! — в ужасе почти закричала Елена Владимировна. — Не надо. Умоляю, замолчи! У тебя переходный возраст, и ты все воспринимаешь, как трагедию (Боже, как трудно лгать себе самой и ему изо дня в день!). Ты переутомился, — продолжала она, тебе нужно отдохнуть и развеяться. Ты, говорят, бросил бокс?

— Скучное, однообразное занятие. Что меня в нем привлекало? Скотское удовольствие от того, что ударил человека кулаком в лицо...

— Я согласна с тобой. Может быть, ты займешься шахматами, игрой на гитаре... Я видела объявление о наборе в группу.

— ...

— Ты давно не писал стихов, Витя. Отчего?

— О чем писать, Елена Владимировна?

В его голосе была такая тоска, что она почувствовала, что сейчас, сию минуту она должна, невзирая на условности, вытащить его из этой провонявшей казенной мебелью и потом комнаты.

— У меня есть идея. Приглашаю тебя в ресторан.

Виктор посмотрел на нее с удивлением.

— Ну, что ты так глядишь? Иди домой, быстро сделай уроки, оденься, как взрослый, галстук и белую рубашку, — и в семнадцать часов я буду ждать тебя у входа в «Лилию». Только будь добр, не опаздывай.

— Хорошо, — ответил он, — не опоздаю.

Открывая дверь в коридор, он еще раз растерянно оглянулся.

— С детьми в ресторане только до половины седьмого вечера, — строго сказала гардеробщица.

— Хорошо, мы в шесть тридцать уйдем, — ответила Елена Владимировна.

Они прошли в почти пустой зал и сели у окна, задернутого тюлевыми занавесками. Официантки щебетали в углу, не

обращая на них внимания. Елена Владимировна взяла тяжелую, как чугун, обложку меню небесноглубого цвета, на которой золотом было выдавлено: ЛИЛИЯ. Внутри обложки на роскошной мелованной бумаге красовались на двух языках названия закусок и горячих блюд.

— Эх, тряхнем кошельком, — подумала Елена Владимировна и весело подмигнула сидевшему тихо, как крольчонок, Виктору.

— Есть хочешь?

— Не очень.

— Потерпи, сейчас поедем вкусенького.

Наконец, толстая официантка в зеленом мятом форменном платье подплыла к столу и, вытащив блокнотик, вопросительно глянула на Елену Владимировну.

— Принесите нам, пожалуйста, два паштета из гусяной печени, два салата из помидоров...

— Вы где эти блюда видели? — сурово перебила официантка.

— Как где? — в меню...

Официантка расхлопнула обложку и ткнула пальцем в невзрачную папиросную бумагу: «Вот куда глядеть надо.»

Елена Владимировна пробежала глазами листок, и на душе у нее стало кисло.

— Ну, хорошо, — сказала она, — принесите нам два шашлыка из говядины...

— Порционные только с семи часов.

— Так что же нам взять? — совершенно расстроилась Елена Владимировна.

— Возьмите люляки.

— А они вкусные?

— Хорошие, — ответила служительница общепита, пяля подмалеванные глазки в окно и переминаясь, как застоявшаяся лошадь.

— Тогда принесите, пожалуйста, две порции люля-кебаб... сок есть?

— Нет.

— Бутылку лимонада, мороженое... пирожные есть?

— Нет.

- Плитку шоколада...
- Нет шоколада.
- А конфеты?
- «Красный цветок».
- Конфеты и кофе.
- Нет кофе, чай.
- Не надо чая, — вмешался Виктор.
- Хорошо, чая не надо.

Официантка уплыла. Елена Владимировна достала из сумочки томик Волошина и протянула Виктору: «Возьми, полистай, пока принесут еду». Пока Виктор листал книгу, она смотрела на посетителей и предавалась раздумьям о том, как бездарно и безвкусно одевается провинция. Мужчины и женщины сидели в тяжелой обуви. У женщин были немыслимые прически, пародирующие модные находки Европы. Она обратила внимание на смазливую девицу, сидевшую в обществе двух мужчин. Мужчины распивали графинчик водки и, по-видимому, наперебой говорили скабрзности. Девица стреляла глазками, кокетливо улыбалась и вдруг поддела котлету целиком на вилку и начала ее обкусывать, продолжая улыбаться уголками рта.

Тут воспоминания унесли Елену Владимировну в конец пятидесятых годов. Она — студентка второго курса Московского университета. Как легко дышалось в то время! Сколько было надежд! В переполненных аудиториях профессора-философы вели оживленные дискуссии со студентами, как лучше управлять государством. Только что запустили первый искусственный спутник. Догоним и перегоним Америку по производству мяса, молока... Поговаривали, что готовится проект новой конституции, по которой политические свободы наконец станут реальностью.

А Москва кипела осенними цветами, и Сережка Оболенский (одна фамилия стоит целого состояния) бережно держал Лену за локоток и увлекал ее в угол огромного холла гостиницы Москва, где за сущие гроши можно было выпить пару чашек крепчайшего кофе, от которого начинало радостно колотиться сердце и хотелось петь.

До чего же он был хорош, этот лощеный интеллигентный мальчик! Умница, эрудит. Эх, Лена, Лена. Сама ты разбила свое

счастье. Он был слишком нервным, слишком чувствительным. Она была его первой любовью, первой женщиной. Может быть, поэтому у него не ладилось, а она, необразованная дура, вместо того, чтобы ободрить его, брякнула что-то насмешливое и вдруг с ужасом увидела, что одно проклятое слово смяло его, уничтожило. Несчастный мальчик, не знающий как ему вырваться из горящего ада, в который она его бросила, как слепой, пытался натянуть рубашку, и руки не слушались его. И вот он выскользнул тихо, как тень, так и не подняв глаз...

— Ха-ха-ха, вот так сюрприз! Елена Владимировна выводит в свет своего питомца, — раздался громкий, на весь зал голос Вадима Владимыча. — Вот так встреча! Разрешите к вам присоединиться? — и не ожидая согласия, он представил своего спутника: — Знакомьтесь — Семен — кандидат технических наук. Садись, Сеня.

Сеня, мешковатый, с тощей бородкой и криво сидящими очками, неловко поклонился Елене Владимировне и протянул руку Виктору.

— Сеня — книголюб. Очень интересуется антиквариатом. Собираемся с ним весной в Питер. А что читает молодое поколение? — Волошин! — отлично. На черном рынке четвертак стоит. Где взяли?

— Приятельница из Москвы прислала, — с неохотой ответила Елена Владимировна.

— Волошин — замечательный поэт, — мечтательно произнес Сеня:

*...Войди, мой гость, стяхни житейский прах
И плесень дум у моего порога...
Со дна веков тебя приветит строго
Огромный лик царицы Таах.
Мой кров убог. И времена — суровы.
Но полки книг возносятся стеной.
Тут по ночам беседуют со мной
Историки, поэты, богословы...*

— Так у тебя он есть? — с ревнивой завистью спросил Вадим Владимыч.

— Нет, в школе я переписывал понравившиеся стихи в тетрадку и учил наизусть...

Разговор в этом ключе, по-видимому, не устраивал Вадима Владимыча, так как сдвигал установившуюся в его сознании систему ценностей. Поэтому он в следующую минуту завел серьезный разговор о магнитофонах. В течение получаса он никому не давал рта раскрыть и расхваливал импортные образцы стереомузыкальных ящиков. Елена Владимировна через пять минут совершенно обалдела от сплошного потока рекламной информации, в которой мелькали цены — номинальные и спекулятивные, имена знакомых, названия пленок и пластинок, одним словом — все, кроме музыки.

Под аккомпанемент непрекращающейся болтовни мужчины распили полбутылки водки. Предлагали и даме, но она с отвращением отказалась. Виктор явно наслаждался внезапно представившимся зрелищем. Кандидат Сеня очень уважительно несколько раз обращался с вопросами к Виктору, но Вадим Владимыч ловко перехватывал инициативу и волок своего приятеля в бурлящую магнитофонную пучину.

— Представляешь, Сеня, — журчал Вадим Владимыч. — Сидишь в кабинете, работаешь, работаешь. Все давно ушли домой, тебе уже домой поздно — час ночи. Что делать? Устал. Снимаешь телефонную трубку, звонишь друзьям: «Поехали в лес шашлыки жарить». Через полчаса подкатывают две машины, ты берешь магнитофон, сбегаешь вниз, и вы едете в лес. Разводите костер, жарите шашлыки, пьете хорошее сухое вино, а рядом под сосной уютно играет...

— Магнитофон, — подсказал Виктор и полез от хохота под стол.

— Точно, — обрадовался Вадим Владимыч. — Молодое поколение правильно ухватывает суть дела.

Тут Елена Владимировна сказала, что, к большому сожалению, им пора уходить и, пока она рассчитывалась и шла с Виктором в гардероб, до нее доносился очередной магнитофонный вариант:

— Сидишь в кресле, читаешь ЗИФовского Джека Лондона, куришь, рядом удобная пепельница на ножках, — видел такие? А рядом с креслом тихо....

Двери закрылись.

— Спасибо, Елена Владимировна, — можно я денек почи-
таю Волошина?

— Конечно, Витя. Спасибо тебе за компанию.

— Нет, благодарить за компанию следует Вадима Влади-
мыча. Давно я так не веселился.

— Ах, он просто одержим маниакальными идеями.

— Честь безумцу, Елена Владимировна.

— Ну, ладно. Будь здоров, эрудит. До завтра.

Елена Владимировна шла и размышляла о выступлении Виктора на уроке. Если отбросить детский максимализм, что-то существенное Виктор неосознанно почувствовал. Она вспомнила, как презрительно кривил губы Оболенский при упоминании имени Белинского. «Ты пойми, — говорил Сerezка, — Белинско-
му свойственна нетерпимость, которая явно от недостатка ума, и потому он истолковывает факты и явления тенденциозно. Если они подходят под «идею», то принимаются, если нет — отвергаются. Такое чернобелое видение мира снижает эстетическую ценность литературной критики.

Или возьми такую идею *фикс*, как судьба «маленького человека». Его надо жалеть, вопить о попрании его человеческого достоинства и прочее. Эти жалость и сюсюканье, преклонение перед мифической народной мудростью послужили в конечном итоге базой, на которой политические проходимцы построили идеологию царства люмпен-пролетариата. Они дали маленькому человеку оружие в руки и сказали: пойдя и отними, это все твое...»

Оболенский был злым мальчиком, но его зло напоминало очистительный огонь.

Дома перед сном она включила телевизор, чтобы не чувствовать одиночества, и заварила крепкого чая с молоком. Экран засветился. Глава государства, почти закрыв листом бумаги лицо, поздравлял своего коллегу по партии с круглой датой со дня рождения. Юбиляр и другие официальные люди стояли с окаменевшими от сознания ответственности физиономиями и даже не моргали. Окончив читать, голова государства составила вместе верхнюю и нижнюю половины лица и, взяв в корявые старческие пальцы звездочку, приколола ее к пиджаку юбиляра. После минутной паузы, во время которой официальные люди

поменялись местами, юбиляр взял листок и, водя по нему носом, стал благодарить коллег и особенно главу государства за оказанную честь. При этом он низко поклонился в сторону главы, не отрывая бумажки от лица. Глава стоял, как памятник самому себе, и безразлично внимал откровенной и безнравственной лести свеженагражденного. От этой набившей оскомину сцены Елене Владимировне страшно захотелось спать и, оставив недопитый чай, она прикорнула на диване, укрывшись пледом.

* * *

Как часто, расставаясь с друзьями, мы с легкостью говорим: «до завтра», не осознавая, что судьба может зло посмеяться над нашим легкомыслием. Сколько людей начало свой трагический путь по кругам ада назавтра!

Подходя к учительской, Елена Владимировна слышала многоголосый говор, мгновенно оборвавшийся, едва она ступила на порог. Воцарилась злая тишина. На приветствие никто не ответил, только Вадим Владимыч несколько развязно поклонился. Елена Владимировна почувствовала, что нужно сейчас же, сию минуту разбить заговор молчания.

— Вадим Владимирович, — сказала она просто и строго, — не будете ли вы столь любезны объяснить мне, что произошло. Что за упадок нравов я наблюдаю среди учителей. Кажется, все разучились здороваться.

— И вы еще отважились в этих стенах говорить об упадке нравов! — воскликнула трясая щеками биологиня.

— Растлительница! — с ненавистью выкрикнула Людмила Георгиевна и пронзила воздух указательным пальцем, как шпагой.

— Мы это так не оставим, — сурово подытожила Людмила Григорьевна. — Мы ударим в набат. Мы спасем наших детей, наше светлое будущее.

— Что означают эти нелепые угрозы? — удивилась Елена Владимировна. — Может мне кто-нибудь из присутствующих членораздельно объяснить, что произошло?

— Общественность возмущена, Елена Владимировна, тем, что вы водите своих учеников по ресторанам, — ответил Вадим Владимыч.

— И вы в том числе, не так ли? — спросила Елена Владимировна.

— Мне-то в некотором роде безразлично... — начал было Вадим Владимыч.

— И он тоже! Мы все возмущены и примем меры, — перебила Людмила Георгиевна.

— Как же вы меня разочаровали, Вадим Владимирович, — нараспев с иронией сказала Елена Владимировна, не обращая внимания на ощетинившуюся Людмилу Георгиевну. — Я полагала, что вы — мужчина, а вы оказались грязной сплетницей!

— А я ничего сверх того, что было, не прибавил, — начал базарить Вадим Владимыч, но Елена Владимировна уже захлопнула дверь.

— Боже мой, куда я попала! Край непуганных идиотов! Какой век у нас на дворе, какой год и месяц? Тридцать четвертое марта? — С ума сойти можно! Спокойно, спокойно. Сядем и все обдумаем.

Но успокоиться и усидеть на месте она не могла. Так ничего не придумав, она отправилась вести уроки.

Как она и ожидала, к концу дня ее вызвала директриса.

— Должна вам сказать сразу, Елена Владимировна, что вы создали очень неприятную ситуацию, — начала она. — Я не сомневаюсь, что вами руководили высшие интересы, но, поймите меня правильно, — мы живем среди людей, и их реакцию на события ни в коем случае нельзя игнорировать. Тяжесть создавшегося положения заключается в том, что я должна формально принять против вас дисциплинарные меры. С этим я справлюсь — пошлю служебную записку в первый отдел министерства. Вас туда вызовут и, надеюсь, все закончится благополучно.

Гораздо хуже то, что отец Виктора был сегодня у меня и устроил скандал по поводу похода в ресторан. Он орал, что таким преподавателям, как вы, не место в советской школе, что из-за вас мальчишка совершенно распустился, и ему пришлось применить силу, чтобы добиться послушания. Короче, он грозил, что пойдет в партком завода и добьется, чтобы вас отстранили от преподавания.

— Если бы вы, Степанида Никифоровна, видели, в каком состоянии находился Виктор! Он нуждался в незамедлительной

разрядке, в психологической помощи. Самое страшное — он начинает догадываться о своем происхождении. Боюсь, этот процесс необратим, а к чему он приведет, не хочется даже думать.

— Я все понимаю, Елена Владимировна, но обстоятельства в данном случае сильнее нас. Думаю, что учителя просто ухватились за повод, который вы сами дали им в руки. Виктор уже давно притча во языцех. Он наводнил школу возмутительными стихами. Вся школа их наизусть читает...

Тут обе дамы грустно засмеялись. Все течет, но возвращается на круги своя. Слова Александра Первого оказались пророческими.

...Замять скандал оказалось совсем несложно. Узнав, что директор школы отправила служебную о случившемся в министерство, и учителя, и Логинов старший успокоились. Порок будет наказан, а добродетель восторжествует — в этом они не сомневались. Через месяц, почти накануне летних каникул школа получила циркуляр: Елене Владимировне без промедления явиться в Москву для разъяснения фактов, изложенных в служебной записке.

* * *

Предстоящая встреча с Москвой не радовала. Сердце заранее саднило от предчувствия неприятностей, от предстоящей необходимости рассказывать о событиях, которые давным-давно ощущались, как глубоко личные, неподсудные посторонним.

Москва поразила Елену Владимировну кошмарной людской толчеей. Казалось, что за несколько прошедших лет население утроилось. В вагоне метро стиснутая со всех сторон людьми, нагруженными сумками, портфелями и мешками, она чувствовала дурноту от духоты и густого запаха пота, лука, винного перегара. Напрягая последние силы, она выскочила на Таганской и поднялась наверх, на улицу. Напротив, у жалкого зданьица театра толпились жаждущие билетов. Круто вниз уходила тихая улица, и Елена Владимировна пошла, не спеша, мимо неказистых домиков, наслаждаясь покоем и теплом от косых лучей солнца. Внизу она любовалась зданием больницы и открывшейся

перспективой набережной Яузы и площади, на которой блесстел плоскостями окон светлый куб библиотеки иностранной литературы. Слева, на гранитном цоколе стоял бесконечный дом, отбрасывающий громадную холодную тень на улицу и набережную. На остановке никого не было. Она села в пустой автобус и с наслаждением вытянула усталые ноги, но блаженство длилось недолго. Салон быстро наполнялся, и на площади Дзержинского толпа уже лезла, как на бордаж, и снова, проклиная все на свете, Елена Владимировна, истерзанная и задыхающаяся, выскочила в центре и поспешила в министерство.

— *Прочь из Москвы, сюда я больше не ездук*, — зло, сквозь зубы бормотала она. — Как они здесь живут! Неужели можно привыкнуть к этой душегубке? Нет, нет, лучше сидеть в провинции и есть одни макароны», — она забыла, что совсем недавно считала себя москвичкой.

...Она поднялась на второй этаж и длинным унылым коридором добралась до комнаты с железным кассовым окошечком. После стука в окошечко из него высунулась девичья рука с длиннющими перламутровыми когтями, цапнула вызов, паспорт и скрылась. Спустя минут пять окошко открылось снова, и карминовые губки сказали, что посетительницу ждут в комнате двести восемьдесят девять. Елена Владимировна прошла снова весь коридор и слева увидела еще одну металлическую дверь, на которой криво висел написанный чернилами на ватмане номерок «289». Она постучала, и не услышав ответа, потянула дверь на себя. Через секунду она оказалась в темном тамбуре между двумя дверьми и в темноте постучала во вторую дверь. Что-то щелкнуло, и дверь медленно открылась. Елена Владимировна вошла в небольшой зал. С потолка свисала тяжеленная бронзовая люстра, а посередине комнаты стояло нечто массивное, резное и немыслимо солидное. За этим солидным сидело плешивое существо мужского пола и строчило писулю, не обращая внимания ни на посетительницу, ни на ее «здравствуйте».

Наконец, плешь поднялась, и на Елену Владимировну глянули белесые холодные глазки.

— Позже не могли явиться? — буркнуло существо и, продемонстрировав мятые в гармошку брючки, открыло сейф и вытащило несколько скоросшивателей.

— Садитесь, — сурово сказали Елене Владимировне. — Есть мнение, что вы плохо справляетесь с порученным делом. Вы забыли, что выполняете секретное задание, имеющее государственную важность. Вам было поручено завершить работу, которая к нынешнему дню превысила стоимость ста двадцати миллионов рублей. Сейчас эта работа находится под угрозой срыва.

Елена Владимировна попыталась возразить, но чиновник жестом велел ей молчать.

— Вчера состоялась комиссия, где рассматривались ваши отчеты о проделанной работе.

— Почему же не пригласили меня? — вырвалось у нее.

— Значит, не посчитали нужным. Комиссия решила признать работу неудовлетворительной — тут плешивый ткнул перстом в скоросшиватели, — но дала вам еще год, чтобы вы могли исправить состояние дел.

— Да в чем же, наконец, моя вина? — спросила чуть не плача Елена Владимировна.

— Сейчас вы поймете.

С этими словами чиновник раскрыл скоросшиватели. Внутри папок оказались подшитыми разномастные листочки, скрепленные с машинописным текстом. На листочках Елена Владимировна без труда узнала угловатый почерк Виктора.

— Откуда у вас все это? — не выдержала она.

— Вопрос считаю неуместным, — отрезал чиновник. — Итак, вот материалы, на основе которых комиссия признала вашу работу неудовлетворительной. В этой папке непристойные стихотворения: «Зачем стыдливо прикрываешь ты руками...», «Шалун весенний ветерок открыл мне сказочные дали...» — это вообще порнография. Здесь два десятка шедевров. Так, вторая папка, самая ужасная, на мой взгляд. Здесь антисоветские стихи, каких даже наши враги не напишут: «Надоели мне газеты, ничего в них не понять...», а это — вообще кошмар:

*Кто там нудит? — он нам знаком:
Сидит с лицом окаменевшим
И деревянным языком
Читает чепуху о ком-
Мунизме в ж... надоевшем*

Этому вы должны были его учить?

— Я даже не ожидала, — пролепетала потрясенная Елена Владимировна, — я в первый раз слышу...

— Идем дальше, — не слушая, продолжил чиновник, — папка третья. Здесь эпиграммы, шаржи и всякая дрянь... Здесь он сводит счеты со своими врагами. В вашу задачу входило научить будущего поэта правильно мыслить.

— Нет, — заволновалась Елена Владимировна. — Тысячу раз нет! Нельзя научить мыслить правильно. И я не могу взять на себя такую ответственность, так как всем людям свойственно ошибаться. Нужно лишь вызвать к жизни способность к независимому от чужой точки зрения мышлению...

— Оставьте демагогию, — оборвал ее чиновник. — Мы уже имеем печальные результаты вашего метода. Завтра к двенадцати часам зайдите в комнату триста двадцать два к Савельевой и получите там разработки для индивидуальной работы с вашим воспитанником. Савельева вас проинструктирует. Больше, как можно больше планомерной разъяснительной работы, политической грамоты. У меня все.

— Вы позволите мне посмотреть, что в этих папках.

— Смотрите, но только быстро. Я уйду через пятнадцать минут.

...Она вышла из комнаты двести восемьдесят девять, чувствуя себя совершенно раздавленной. В ушах стучало. Все время, как на заезженной пластинке, вертелась мысль: «Кто эти благонравные святоши, которые не погнушались собирать по клочкам подзаборное творчество подростка и посылать в контролирующие органы. Какая ненависть должна была руководить взрослым человеком, чтобы совершать подобные подлости!»

На следующий день в отвратительном настроении и в ожидании новых мучений Елена Владимировна поднялась по той же помпезной лестнице на третий этаж с Савельевой. Товарищ Савельева формами напоминала хорошо сваренную сардельку, перетянутую ниточкой по тому месту, где глаз ожидал увидеть талию. В лягушачьем рту блестела масса золотых коронок. Золото обволакивало пальцы, уши и лежало на груди.

Очень сухо Елене Владимировне предложили ознакомиться со списком рекомендованной литературы и новой формой отчетности. Затем Савельева двинула через стол увесистую пачку партийно-воспитательной литературы и сказала, что с Елены Владимировны причитается четыре рубля тридцать семь копеек. Пока гостя неловко рылась в кошельке, хозяйка обшарила ее наметанным глазом тюремной надзирательницы. Поеживаясь под этими лучами, Елена Владимировна спросила, как получилось, что комиссия решила принять меры именно сейчас, а не тогда, когда она писала о неблагоприятной атмосфере, окружающей Логинова.

— А вы представляете, сколько документов с грифом приходит к нам ежемесячно? — озлилась Савельева. — Кто их читать будет? Я за свои сто сорок рублей?

— Почему же именно вы?

— А больше некому. Вот сигнал получили, и пришлось знакомиться с вашим делом...

— Ну, ладно, я пойду, до свидания, — робко сказала Елена Владимировна и, не получив ответа, закрыла дверь.

Скорый поезд уносил Елену Владимировну прочь из Москвы. Прочь-прощай, прочь-прощай, — стучали колеса. В купе похрапывал на верхней полке толстяк. Впереди было еще шесть часов пути. Посидев с полчаса с закрытыми глазами, она обрела некое подобие душевного равновесия и взяла наугад из воспитательной пачки книжицу потоньше.

«Молодежь является неотъемлемой частью общества, — гласила первая фраза. — Марксистская социология признает главным и определяющим элементом социальной структуры классы... Таким образом, можно утверждать, что национальные, профессиональные, региональные, половозрастные группы пронизаны классовым строением... Высокая подвижность и неустойчивость классовой принадлежности социалистической молодежи вызывает ряд трудностей в воспитании ее классового самосознания», — с горечью отмечалось в книжице.

— Конечно, — подумала Елена Владимировна, — куда как легче расчихать их всех голенастых, вихрастых по полочкам с ярлыками, и чтобы не шевелились там. Кстати, причем тут классы. Мы ведь уже бесклассовое общество. Что же там за трудности, посмотрим...

«Несмотря на всеобъемлющий характер политического просвещения нашей молодежи, всё-таки в ряде случаев в нем (в ком?) обнаруживается недооценка жизненной реальности классовой борьбы»... То ряд трудностей, то ряд случаев. О чем здесь речь, черт их подери... «Классовый подход к явлениям жизни обязывает проявлять в большом и малом идейную стойкость и политическую зрелость».

От досады на пустую книжицу у Елены Владимировны во рту набежала слюна. Наконец, в книжке замелькали цифры: «Увеличение средней продолжительности жизни до 70 лет, сокращение детской смертности и рождаемости привели к постарению общества».

— Постойте-ка! Как же сокращение детской смертности приводит к постарению общества? — она взглянула в начало статьи: С.И.Иконникова, доктор философских наук. — Не иначе, как докторша объелась диалектикой.

Взяв другую книжку, Елена Владимировна раскрыла ее наугад и прочла: «На наш взгляд, отрицательные явления инфантилизма и иждивенчества, встречающиеся среди части юношей и девушек в нашем обществе, являются косвенным следствием (оборотной стороной медали) того великого переворота в положении детей и подростков, который осуществил социализм.

Иногда в житейских обсуждениях мелькает неверное суждение о том, что, мол, буржуазное общество вынуждает смолоду быть самостоятельнее. Не самостоятельнее, а обособленнее: не следует путать формирование индивидуума с развитием индивидуальности, готовность к борьбе против всего окружающего — с умением тонко и дифференцированно разбираться во всех сложностях общественных явлений»...

— «Тонко и дифференцированно!» Никак не меньше!... Все ты врешь, товарищ Марков, — сказала Елена Владимировна, — ни черта ты не понимаешь в том, о чем пишешь, и сам ты в молодости не трудился. — Она представила себе этого Маркова похожим на чиновника из первого отдела.

— Экий слизняк, — подумала она. — Самые сильные страсти бушуют в тебе, когда ты проигрываешь трешник в преферанс. Все вы с вывихнутой нравственностью, лживые и слабые,

очень любящие деньги, но не умеющие их зарабатывать достойным способом. А деньги, между прочим, самый честный критерий работоспособности. Ничего лучше человечество до сих пор не выдумало. Конечно, если на зарплату ничего, кроме вонючего вина, не купишь, то это не деньги... А если мальчишка моет машины или убирает в баре целый месяц, а потом на заработанные деньги едет отдыхать на берег океана, хотя его родители — обеспеченные люди, то это значит, что деньги — это мера затраченного труда, и у них огромная воспитательная сила... А если вы утверждаете, что человек есть самое дорогое в нашем обществе, но платите врачу и педагогу меньше, чем кассиру в овощном магазине, то вы — мерзавцы и фарисеи. Не буду я читать вашу галиматью! — Она резко поднялась, потянула вниз окно и вышвырнула пачку макулатуры.

* * *

Елена Владимировна вернулась в опустевшую школу и сухо доложила директору, что ей разрешено продолжать преподавание. Наступил сентябрь. Загорелые и помолодевшие на короткий срок возвратились учителя. Елена Владимировна ловила их светящиеся любопытством глаза; видно было, что они дорого бы дали, дабы узнать, как ей «врезали», но спрашивать не осмеливались.

В конце сентября она решила устроить диспут о выборе жизненного пути, о планах на будущее. Сначала все текло тихо и даже немного вяло. Серегина и Сергеева дуэтом заявили о желании лечить детей, кто-то наметил идти в агрономы, кто-то — в учителя. Но вот встал огромный, в рыжих кудрях Свиридов, вымахнувший за лето чуть ли не на целую голову, и рявкнул густым баритоном, что пойдет в шоферы такси. На том бы дело и кончилось, но Тихонов завистливым голоском сказал, что таксисты зашибают бешеные деньги. Тут Свиридов ухмыльнулся и, нахально подмигнув девчонкам, заявил, что потому-то и выбирает такси, что он не дурак учиться на инженера, а потом сидеть всю жизнь на ста сорока рублях.

— Как это скучно, Свиридов! — воскликнула Елена Владимировна. — Ну, скажем, будет у тебя много денег, потом еще

больше денег, а еще позже — совсем много денег. Что же ты станешь с ними делать?

— Хм, известно, что! — куплю машину, дачу, цветной телевизор, ковры, хрусталь и буду жить припеваючи.

— Нет, ты не будешь жить припеваючи. Ты не сможешь остановиться, ты все будешь покупать и покупать, и заталкивать в шкафы массу бесполезных вещей. Вы помните, ребята, старую сказку братьев Гримм, которая называлась «Горшок каши»? Этот горшочек варил прекрасную сладкую кашу, но однажды его не смогли остановить, и сладкая каша стала бедствием. Она полезла через край и затопила улицы.

Я хочу сказать, что у человека обязательно должен гореть в душе благородный огонек, иначе его жизнь будет похожа на темный пыльный коридор, заставленный громоздкими шкафами с тряпьем.

*— Господь спаси и пронеси
Садиться к рыжему в такси
Что будет — знаю наперед:
Он вас, как липку, обдерет.*

послышалось с передней парты.

Класс покатился со смеху.

— Ну ты, Некрасов, прикрой хлебало! — грозным басом рявкнул Свиридов.

— Свиридов, что за гнусные выражения, — возмутилась Елена Владимировна. — Садись, пожалуйста.

— А Логинов собирается блистать в обществе стихами, — презрительно скривив губы, сказал Корнеев.

— Что ж, Корнеев, встань и расскажи нам, как надо блистать в обществе.

Корнеев, худой и нескладный, с пробивающимися усиками, в огромных очках, привезенных с Запада, медленно, как гигантский полоз, вылез из-за стола.

— Ты считаешь, что стихи не нужны, не так ли?

— Стихи — это предмет роскоши. Если честно, то могу утверждать, что нужны не стихи, а рифмованная проза. Особенно для всяких запретов и постановлений. Рифмованное легче запоминается.

— Ты говоришь чудовищные вещи. Послушай, я была знакома с физиком, человеком талантливым, но, как говорят, без Бога в душе. Он ничего, кроме дешевых детективов не читал и считал всю литературу враньем и бессмыслицей. Должна тебе сказать, что кончил он плачевно. Он стал большим начальником, крикливым и грозным, пользовался всеми благами жизни и презирал человеческие слабости и человечество. Потом у него были неприятности по службе, не столь уж большие, но он сломался и стал горьким пьяницей. У него не было стержня, который дает культура... Ну, ладно, Корнеев. Оставим поэзию и Логинова в покое. Расскажи лучше, кем бы хотел стать ты.

— Я не знаю, честно говоря, как называется эта специальность. Я читал книгу Шкловского «Вселенная, жизнь, разум» и понял, что наша Земля — одна во всей Вселенной. Нет и не было никаких цивилизаций. Мы возникли случайно. Я долго думал над этим и мне было страшно... Оттого, что если не начать спасать животных и растения, то скоро мы все задохнемся от недостатка кислорода, или умрем с голоду, или отравимся водой, которую сами отравили. И никто нас не спасет, так как Вселенная пуста. Вот.

В классе внезапно стало совсем тихо. Все они — веселые и грустные, ленивые и трудолюбивые, сидели и представляли выжженную ржавую Землю с мертвой фиолетовой водой, белеющие на яростной жаре кости людей и животных и зловещий ветер, несущий тучи пыли.

— У тебя благородная цель, Корнеев. Я рада, очень рада этому. Свиридов, ребята, я не против такси, нет. Это тоже очень полезная служба. И вообще, наверное, нет плохих специальностей. Подумайте, ведь люди убирают и сжигают мусор, сторожат преступников, лечат алкоголиков...

Я хочу только подчеркнуть, что слово обладает большой силой воздействия на людей, а поэтическое — еще большей. И если вы хотите, чтобы земля наша не превратилась в пустыню, используйте и это средство... Воспитание словом. Чем выше культура человека, тем больше у него чувство ответственности перед природой и будущими поколениями, тем больше он дорожит историей своей страны, ее святынями...

* * *

На двери Елена Владимировна увидела записку: «Почтительно умоляю о встрече, мой телефон 213423, Андрей».

— Господи! Как он меня разыскал? Это все Верка, мерзавка. Вот задам я ей. — Но на сердце стало радостно. Город Петра посылал весточку. Наскоро перекусив, она произвела смотр своим нарядам и вот уже в полной боевой готовности набирала номер.

— Алло! Елена Владимировна? Голубушка, как я рад, что вы оказались во-время дома. Я здесь в командировке на два дня, поселился в гостинице «Центральная». Разрешите пригласить вас поужинать. Нет, нет. Я заеду за вами на такси. Боюсь, что мы разминемся и потеряем драгоценное время. Ждите, я сейчас.

Приход в дом малознакомого человека всегда рождает некую неловкость, и потому она, не торопясь, спустилась во двор и присела на скамью. В машине она расспрашивала о ленинградских новостях, о знакомых и немного смущалась под взглядом спутника. «Я пью волшебный яд...» — пронеслось у нее в мозгу.

Они подъехали к малоприметному зданию, на первом этаже которого голубым неонem было просто начертано «Кафе».

— Куда вы меня завлекли, Андрей? Что это за трактир на выезде из города?

— Тсс! Секрет! Большой секрет. Сейчас вы все поймете.

Внутреннее убранство поражало. Видно было, что интерьером занимался сведущий человек. Играла тихая музыка, из плафонов лился мягкий свет, манили кожаные подушки кресел. Столики стояли в уютных нишах.

— Андрей, откройте, откуда в нашем промышленном городе такая декадентская роскошь?

— Я спросил в институте, в который прибыл с визитом, куда они водят обедать иностранцев, и выяснил, что сюда. Прошу вас.

После двух бокалов шампанского им стало легко и весело.

— Андрей, вы продолжаете писать сказки? То, что я читала, довольно забавно.

— Пока не пишу, Елена Владимировна. Разрешите звать вас по имени. Одна сказка у меня дозревает, а причиной ее был

странный сон. Летом я был в Юрмале. Стояла непривычная для этих мест жара. Я сгорел на солнце. Тело стало пунцовым, и мне казалось, что я в темноте излучаю красные лучи. Спал я, разумеется, ужасно. Какие-то фантастические вещи снились. И вот вижу я здание президиума Академии наук в Москве. Я туда однажды возил документы шефа. Идет закрытое заседание. Собираются вырастить гения в термостате, но не знают, кого выбрать. Жуткая чепуха. Прошу прощения, я закажу кофе?

У Елена Владимировны от волнения вмиг стали ледяными руки и ноги.

— На ваш вкус, Андрей. Продолжайте, я слушаю.

— Собственно, вот зацепка. Дальше я начал придумывать, как они будут ребенка выращивать и воспитывать. Представьте себе нашу идиотскую систему, где все стремятся перепоручить дело заместителю, лишь бы не нести ни за что ответственности...

— Ужасно, — стиснув зубы и пытаясь унять дрожь, проговорила Елена Владимировна.

— Что с вами, Леночка, вам нехорошо? — встревожился Андрей.

— Нет, все прекрасно. Вы верите в прорицателей?

— Н-не знаю... Ваше здоровье! Позвольте поблагодарить вас за радость, которую вы мне доставили.

— Андрюша, вы просто опасный льстец. Это я должна вас благодарить. Знаете, давайте пройдемся до улицы Кржижановского. Это, кажется, не очень далеко, и погода, кстати, превосходная.

Они вышли в полутьму опустевшей улицы. В ясном ночном небе сиял серпик новорожденной луны. Минуты две они шли молча. Елена Владимировна уже решила завести легкий светский разговор, но Андрей откашлялся и начал неуверенно:

— Лена, то, что я сейчас вам скажу, очень для меня важно. Завтра я уезжаю. Только не спешите мне отвечать.

— ...?

— Мой визит сюда не случаен. Говорю вам совершенно откровенно: я искал встречи с вами. Да, да, не удивляйтесь, Лена, я предлагаю вам руку и сердце. Вы — тот человек, который мне необходим, я же постараюсь завоевать вашу любовь.

— Подождите, Андрей, вы меня совершенно ошарашили. Мы ведь едва знакомы. Я не ханжа, но все же существует некий ритуал. Наконец, я просто могу любить другого...

— О, я несчастный! У вас есть возлюбленный!

Елена Владимировна рассмеялась:

— Андрюша, вы знаете, сколько мне лет? Я, пожалуй, на добрый десяток лет старше вас. В мои ли годы иметь возлюбленного!

— Лена, Леночка! Я тоже одинок. Я был женат, но неудачно, и моложе вас я всего на семь лет, даже шесть с половиной. Это сущая чепуха. Вы только не подумайте, что мое признание есть результат трех бокалов шампанского... Я с нашего знакомства, с первой минуты понял, что буду любить вас вечно... И вот, например, Бальзак любил...

— Не будем вмешивать в наши дела классиков. Простые люди вроде нас всегда проигрывают в сравнении с ними. Дело не в этом. Как бы вам объяснить... Помимо краткости нашего знакомства есть обстоятельства... Я связана очень тесно с одной проблемой, которая может разрешиться благополучно, но может кончиться и катастрофой. В последнем случае я буду погребена под обломками этой проблемы и, естественно, подставлю под удар человека, который свяжет со мной судьбу. Прошу вас, *мон шер ами*, не задавать мне вопросов. Никаких подробностей я вам не скажу.

— Бог с ними, с деталями. Ответьте лишь, неужели это до конца жизни?

— Конечно, нет. Года через два-три все решится.

— Значит, я могу надеяться?

— Андрюша, милый. Я стану совсем старой, немощной, ворчливой...

— Глупости. Скажите, вам ведь не запрещено общаться с людьми, переписываться, отдыхать летом, где вам вздумается и прочее?

— Разумеется, нет.

— Ну, вот и прекрасно. Приглашаю вас совершить летом путешествие по лесным озерам. Будете довольны. Это я гарантирую.

— Что ж, если все будет благополучно, я согласна.

* * *

— Товарищи, у меня есть предложение, — прошептала Людмила Григорьевна в конце педсовета. — Одну минуту, товарищи, не расходитесь. У меня вот какое... Вадим Владимыч, сядьте, пожалуйста. Ничего, я тоже тороплюсь. Товарищи, давайте организуем денежный фонд для подарков ко дню рождения. Это очень недорого и приятно. Каждый сдает рубль в месяц, а в день рождения получает подарок, ценный подарок или деньги. Согласны? Тогда сдавайте мне сейчас по рублю. Первыми именинниками у нас значатся Степанида Никифоровна и Эмма Павловна.

— А кто будет покупать подарки? — с подозрением спросил Вадим Владимыч, доставая из записной книжки новенький хрустящий рубль.

— Ну, это не принципиальный вопрос. Кто захочет. Степаниде Никифоровне могу купить подарок я, а Эмме Павловне... ну, скажем, Владимир Платонович.

— Что же, — с болезненными паузами произнес физик, — если мне... оказано... доверие, я могу.

— Ну, вот и прекрасно, — просияла Людмила Григорьевна. — Сдавайте, товарищи, деньги побыстрей.

Ровно через две недели на этой безобидной почве разыгрался небольшой скандалчик, который имел для Виктора самые неприятные последствия. Людмила Григорьевна, движимая самыми верноподданическими чувствами, большую часть денег извела на подарок директрисе, а Владимир Платонович, помыкавшись по магазинам, на оставшиеся семь рублей пятьдесят восемь копеек купил металлический бюст Маркса и две поздравительные открытки. На церемонии вручения подарков Степанида не могла присутствовать, посему торжественная речь была обращена к Эмме Павловне. После этого физик, державший подарок втайне, с многозначительным стуком поставил сверток на стол. Эмма Павловна, счастливая и смущенная, вытащила презент и обомлела. На ее смазливом личике застыла полуулыбка, показывающая, что она, Эмма Павловна, умеет ценить шутку. Однако оторопелая тишина и одиноко хлопнувшее слово «придурок» раскрыли ей глаза. Лицо именинницы пошло красными

пятнами, она схватила Маркса и, не говоря ни слова, побежала в кабинет географии плакать.

Сконфуженное общество расходилось молча, один Владимир Платонович глядел светло и приветливо и со всеми очень мило, хотя и тяжеловесно раскланялся.

Дня через три все устроилось. Представители общественности обещали Эмме Павловне во избежание недоразумений выдать подарок деньгами, а металлический Маркс, величественный, как Зевс-олимпиец, поместился в стеклянном шкафу между глобусом и случайно забредшей с глубин Индийского океана морской звездой.

Между Эммой Павловной и Виктором были очень натянутые отношения. Виктор все время пытался доказать, что экономическая география — вообще не наука и высмеивал понятия, изложенные в учебнике. Угроза двойки в аттестате на него не действовала. На уроке Виктор смешил класс, рисовал карикатуры и с удовольствием уходил, когда его выгоняли. Однажды он добыл большой кусок черного пластилина и вылепил негра с выпученными губами и совершенно идиотским выражением лица.

На следующее утро Эмма Павловна позвала Елену Владимировну в кабинет географии.

— Полюбуйтесь на художества вашего Логинова, — сказала она сдавленным голосом.

За стеклом величественный Маркс, строго сдвинув брови, глядел на негра, причем расположение обоих бюстов сообщало им удивительную живость. Казалось, Маркс только что задал вопрос и сурово ждет ответа, а негр пытается что-то сказать. Между ними лежала четвертушка бумаги, на которой был текст:

К. Маркс: Читай, дубина, наизусть Манифест!

Эфиоп: Плигма блудя пули-лупи, плигма омунима.

Ниже плохо очиненный карандаш вывел:

Карла: Ах ты, эфиёп, твою мать!

Тут Елену Владимировну разобрал такой смех, что она не могла сдержаться, хохот терзал ее минуты две. Эмма Павловна вначале блеснула злыми слезами, но потом, зараженная

хохотом, тоже начала тихонько смеяться. Когда Елена Владимировна отдышалась, географичка вновь обрела заряд злобы и прошипела:

— Смешно? Плакать будете! И вы и Логинов. Его я из десятого класса не выпущу. В ПТУ его место.

При этом она с грохотом заперла шкаф.

— Послушайте, Эмма Павловна, они же еще дети, — начала Елена Владимировна. — Зачем придавать столько значения детской шалости?

— Это не детские шалости, — размахивая перед носом Елены Владимировны указательным пальцем, шипела географичка. — И слушать я вас не желаю. Я вас позвала только, чтобы показать плоды вашего воспитания. Остальное я скажу на педсовете.

Педсовет начался обычным разбором бесконечных безликих школьных дел, графиков дежурств и прочей мелочью. Елена Владимировна сидела, как на иголках. За дверью стояли Виктор со своей мамашей. Почти шестнадцать лет прошло с тех пор, как мы познакомились с Зоей Тихомировой. Безжалостное время превратило миловидную девушку с осиной талией в толстую бабищу с мощным бюстом и жилистыми, могучими ручищами. Следует сказать, что Зоя Сергеевна была в высшей степени недовольна приглашением в школу. Она считала, что каждый должен сам справляться со своими делами. Мы, мол, детей рожаем, кормим и воспитываем, а вы их учите. Они стояли под дверью почти час, пока, наконец, их пригласили. За это время Зоя Сергеевна дошла до точки красного каления.

Несмотря на приглашение присесть, она встала рядом с сыном. Учителя начали по очереди предъявлять обвинения. Виктор стоял, упершись глазами в пол. Волна обвинений все росла. Когда же географичка предъявила пластилинового негра, Зоя Сергеевна не выдержала и со всего маху дала Виктору такую затрещину, что он полетел в угол.

— Что вы делаете, нельзя же бить ребенка, — воскликнуло несколько фальшивых голосов. Зоя Сергеевна не отвечала, сверля сына глазами. Виктор поднялся, губы его дрожали.

— Логинов, — сказал Вадим Владимыч, искренне сочувствуя Виктору, дай слово, что больше не будешь валять дурака.

— Даю слово,— ответил Виктор, — что больше вас валять не буду.

Тут Зоя Сергеевна снова замахнулась, но Елена Владимировна схватила ее за руку.

— Виктор, пойми, ты уже взрослый человек, тебе скоро паспорт получать, — начала увещевать Степанида Никифоровна. — Надо же, наконец, вести себя солидно, и Елену Владимировну ты под удар ставишь, и родителям неприятности.

— Если я взрослый человек, как вы говорите, то как же вы допускаете, чтобы взрослого человека били при вас, как скотину, а, во-вторых, если я взрослый, то учителя должны уважать мои взгляды, а не затыкать рот, как Эмма Павловна и другие. Я, разумеется, понимаю, что они таким способом скрывают собственное убожество.

— Нет, он неисправим, — пискнула Эмма Павловна.

— Виктор, выйди, пожалуйста, — строго сказала директриса. — Зоя Сергеевна, — продолжала она, когда дверь закрылась. — Мы понимаем, что Виктор в переходном возрасте, что у вас он не один, и вам трудно с ребятами управляться, но все же мы просим вас больше уделять Виктору внимания. У него не только никуда не годное поведение, но и учеба сильно хромает.

— Мы его, конечно, накажем, — отвечала Зоя Сергеевна, — вы об этом не беспокойтесь, но вы все же — школа, и учите его уму-разуму сами, за то вам и деньги плотят. Мы с мужем и понятия не имеем, чему теперь учат, да и некогда нам. Только успевай стирать, да готовить, да в магазинах по очередям выстаивать.

* * *

— Что с тобой, Витя?

— Не называйте меня больше этим именем.

— Почему? — спросила Елена Владимировна машинально, предчувствуя самое страшное.

— Я не знаю, что это — злая ирония судьбы или чей-то иезуитский замысел, но я уверен, что являюсь двойником Пушкина. Только не смейтесь! Выслушайте меня! — он прижал руку к сердцу, и голос его пресекся. — Я помню один эпизод, который объяснит вам мое происхождение. Однажды отец (тут он горько

усмехнулся) пришел домой сильно навеселе, и я сочинил про него злой и смешной стишок. Отец страшно обиделся, размахнулся, хотел ударить, но усилием воли сдержался и сквозь зубы, отвернувшись, бросил: «Ах, ты инкубаторское дерьмо!» Сочетание слов было новым, и хотя мне было непонятно, в памяти задела эта фраза. Теперь я понимаю. Меня вырастили из кусочка кости от Пушкина. Так ведь? Вы наверняка знаете, ну скажите, скажите, ради Бога!

— Ну, что ты, Виктор, ну как ты мог такое вообразить! — воскликнула она, сгорая от гнусной фальши, которая звучала в ее голосе.

— Да посмотрите, Елена Владимировна на меня, посмотрите внимательно. Я ведь специально так коротко стригу волосы и делаю чужое лицо, чтобы не быть похожим на него. Мне стыдно быть его дубликатом...

— Да не о том я, не о том. Разве только в этом дело! Мне душно, я задыхаюсь. Я задыхаюсь от миллиона идиотских запретов. Все кругом нельзя. Смеяться над кем-то нельзя, сочинять то, к чему лежит душа, — нельзя, даже иметь собственное мнение нельзя. Можно только сидеть как истукан на идиотских собраниях и как марионетка хлопать в ладоши.

— Черт вас всех возьми! — вдруг вскрикнул он в отчаянии, — у Пушкина хоть Дантес был, хоть какая-нибудь да личность. А здесь — как в липкой паутине! Елена Владимировна, вы — единственный близкий мне человек. Вы поймите, временами такая накатывает тоска, что хочется повеситься.

Она ничего не могла сказать ему в утешение, только гладила жесткие его волосы, а когда он убежал, разревелась в голос...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

— Леночка, у меня еще жива тетка Люба в Сочи. У нее отдельная квартира. Я позвоню ей, попрошусь в гости. Думаю, она не откажет. Покупаемся в море, погуляем. Поедем?

...После жестокой трепки, которую ей устроили компетентные органы в Москве, и отстранения ее от «проблемы» Елена Владимировна ощущала себя словно во сне, когда бесконечно длится вязкий кошмар, и нет сил прервать его, пробудиться, пошевелить рукой. Она была больна. Андрей видел все это. Он прилетел к ней на квартиру, вызванный отчаянной телеграммой, в которой было всего два слова: «Спасите меня». И нынче, не сводя с нее беспокойных глаз, боясь сказать невзначай слово, которое вновь оживит боль еще не затянувшейся раны, он надеялся, что перемена мест развлечет ее, даст покой измученной голове.

Стояли последние дни августа. Кассовый зал был немногочислен. Буквально в пять минут Андрей получил два билета в Сочи. Повезло и с проводницей. В вагоне было чисто. Южный город открылся непривычной жарой, толпами ярко одетых отдыхающих, душноватым ароматом южной зелени. От вокзала до теткингого дома было всего две автобусных остановки. Не желая толкаться в духоте, они пошли пешком и через двадцать минут уже поднимались на третий этаж выкрашенного в бледно-розовый цвет дома.

Тетка жила в однокомнатной квартирке с балконом, увитым виноградной лозой. Иссиня-черные гроздья на фоне подсвеченных солнцем кружевных листьев были в новинку приехавшим. Андрей не утерпел и сорвал несколько ягод.

— Гость уже освоился и вступил в права хозяина, — улыбнулась Лена.

— Тетя Люба не осудит худосочных жителей Северной Пальмиры за их тоску по южному изобилию, не так ли ?

— Разумеется, дорогой. Но виноград у меня не столовый, кожа грубая. Изабелла. Да и не дозрел еще.

— По-моему, так и перезрел. Попробуй, Леночка, аромат божественный.

— Андрюша, давай распакуем вещи побыстрее и сбегаем к морю. Любовь Анисимовна, можно я вас тоже буду называть тетей?

— Конечно, деточка.

— Мне кажется, что мы вас стесним, квартира такая маленькая.

— Ничего, детка, вы еще молодые, неделю-другую поживете в тесноте. Зато море. Море! Андрею постелю на раскладушке в кухне. Ты, племянничек, не обижайся.

— *No problem, my dear aunt. By the way we are going...*

— Будь попроще, племянничек. Говори со мной только по-русски. Итак, что вы собираетесь делать?

— Я взял за свой счет ровно неделю. В следующий понедельник шеф ждет меня, чтобы послать в командировку.

— Вот, видишь, как хорошо. Все понятно. А то «Бай зе вэй!» Мы кончали гимназию, но учили французский и немецкий и очень, очень давно. Так что будь снисходителен к моим годам.

Через пятнадцать минут, раскидав вещи и засунув гостинцы в холодильник, они быстрым шагом шли к морю. По пути они прихватили на рынке груш и инжира. У входа на пляж женщины в белых передниках, продававшие вареные початки кукурузы, кричали: «Кому пшенку, горячую пшенку».

— Хочу пшенку, — капризно сказал Андрей и пошел к продавщице.

— Андрей, мне тоже.

— Разумеется. Две самых больших и самых вкусных.

— Обязательно, милые мои, обязательно, — заворковала продавщица.

— Смотри-ка, — Андрей ткнул початком в сторону киоска с рекламой: путешествие в пещеры, верховая езда, соревнования в стрельбе из лука! Путевки дешевые! Ну, как?

— А море, ради которого мы приехали?

— Все, все успеем, Леночка. Восемь дней — это так много.

На пляже Андрей поймал себя на том, что инстинктивно с зоологическим интересом разглядывает женские прелести своей возлюбленной, чем поверг её в глубокое смущение. Природа брала верх над разумом. С того памятного дня, когда он увез Лену в Питер, он не позволял себе даже думать о физической близости с ней, видя, как страдает бесконечно любимый человек. Приставать к ней с ухаживаниями он считал совершенно невозможным и, более того, непристойным. Он решил ждать, пока время не окажет свое исцеляющее действие на больную.

А море — зелено-голубое у берега, переходящее в густую синеву вдаль, ласкающееся, как кошка у ног, уже лечило, заживляло душевную муку, развлекало и утешало. И даже тот невольный мужской интерес к ней, уже немолодой, но еще не старой женщине, как бы пробуждал ее от кошмарного сна. Окружающий, кипящий жизнью и страстями мир как бы говорил ей: «Пора, пора проснуться. Жизнь не кончена. Еще много, много радостного и удивительного, печального и страшного будет у тебя. Но это и есть Жизнь». Она решила, что после возвращения в Питер, она докажет Андрею, что еще способна любить.

* * *

Компания, желающая посетить пещеры, набралась самая разношерстная. Автобусы потянули их по серпантину под Хосту. Вдоль дороги стояли увешанные плодами деревья инжира, грецкого ореха, алычи, груши. На собранные деньги организаторы маршрута накупили немислимое количество продовольствия, которое ехало за туристами на отдельной машине. Амундсен, собираясь на Северный полюс, наверняка брал меньше. Прошло полдня, пока разместились по корпусам, получили рюкзаки, каски и аккумуляторные фонари. Потом разбились на пары, чтобы готовить еду по очереди на весь отряд. Все это напоминало далекие пионерские лагеря. Те же спальни на двадцать–тридцать человек. В ожидании обеда приехавшие слонялись по довольно ограниченному пространству. После обеда обещали начать обучение езде на лошадях.

В тени корпуса стоял самодельный стол для тенниса. Поверхность стола была покрыта вздувшейся фанерой, покрашенной светло-коричневой краской. Двое из вновь прибывших тщетно пытались наладить на нем игру. Шарик то совсем не отскакивал от стола, то летел под непредсказуемым углом. Подошедший инструктор по походу в пещеры, красивый загорелый дочерна парень, сказал что на этом столе он обыграл первую ракетку Грузии.

— Думаю, что и чемпион мира не устоял бы за этим столом, — заметил Андрей. — У нас на фирме в обеденный перерыв и после работы кипят настоящие сражения. Теннис в большом почете. Я сам, грешен, часто играю. У тебя, Леночка, как педагога, перерывы заняты серьезными делами, проверкой тетрадей и прочим, да? Кстати, почему бы тебе не поступить к нам на работу. В наш отдел? Бумажной продукции у нас горы. Наведешь порядок. С терминологией я помогу. И главное — мы будем все время рядом. О таком счастье я даже боюсь мечтать.

Наконец показались лошади, ведомые верховым в живописно разодранной черной рубахе и мягких сапожках с немного загнутыми вверх носками. Все приехавшие вышли через лесок на полянку, где и должны были состояться учения.

Когда очередь обучаться дошла до Андрея, он с удивлением обнаружил, что стремя висит на уровне груди и для того, чтобы забраться в седло, нужно резко бросить тело вверх, оттолкнувшись правой ногой. Но ослабевшие от многолетнего сидения за рабочим столом ноги не позволяли сделать необходимое упражнение. Стоявший рядом инструктор крикнул с досадой: «Ну что же вы!» и довольно грубо поддал Андрею под зад. Очутившись в седле, Андрей снова опозорился. Он привык обращаться с точными приборами, где управление идет от кончиков пальцев на ручки настройки с минимальными усилиями. Оказалось, что лошадь — это весьма грубый и примитивный прибор, который для того, чтобы заставить ее повернуть, скажем, налево, требует довольно сильно натянуть левый повод. В результате его щепетильного отношения к лошади они оба едва не свалились с кручи, не оказавшись рядом инструктор, который оттеснил лошадь Андрея своей кобылой. «Ну что же вы!» — воскликнул он опять с досадой. Андрею было очень стыдно, особенно перед Леной. Она

же, когда дошла до нее очередь, легко вспорхнула в седло и лихо проскакала вниз и обратно вверх по дороге под одобрительным взглядом инструктора.

— Леночка, кто тебя научил так прекрасно ездить? — восхитился Андрей.

— В подшефном колхозе много-много лет назад один добрый человек научил, — ответила Лена. — Понимаешь, Андрюша, дело не в силе, а в точке ее приложения.

...Пещеры открылись среди гор, поросших великолепным буковым лесом. Оказалось, что никаких сталактитов и сталагмитов в этих пещерах нет. Было темно, тепло и сыро. Ботинки скользили в грязи. Лучи фонарей выхватывали неправильной формы огромные булыжники, каменные террасы, с которых спускались по деревянным лестницам. В большом подземном зале, где собрался весь отряд, была великолепная акустика. Инструктор сказал, что незадолго до их похода сюда приезжал хор из Эстонии. Записывали песни для передач на радио.

После окончания маршрута зашли на вокзал купить обратные билеты, да не тут-то было. В жаре, возле узких, как бойницы, окошек томилаась толпа. Билетов на ближайшую неделю не было. У Андрея мелькнула мысль сесть на теплоход и доплыть до Одессы, а оттуда любым транспортом добраться домой. На следующее утро, когда он пришел на морской вокзал, у кассового окошка уже стояло человек десять. Оказалось, что они заняли очередь еще с ночи. Андрей понял, что билетов ему не видать. Перспектива провести оставшиеся три дня в очередях его не прельщала. Улучив момент, он подошел к молодому парню, стоявшему вторым и шепнул:

— Выручи, друг, возьми два билета.

— Да я и так беру шесть на нашу компанию, — ответил парень.

— Ставлю бутылку хорошего коньяка, — настаивал Андрей.

— Ладно, давай деньги, — согласился парень, — но учти, что билетов мало, может и не хватить.

Однако на сей раз повезло. Через четыре часа, когда прибыл теплоход, выяснилось, что в наличии есть шестнадцать билетов. Андрей спешил к тетке, и все у него пело внутри от счастья.

Перед отъездом закупили разных фруктов, две бутылки шампанского. Все чуть-чуть захмелели, говорили громко обо всем на свете. Тетка вспоминала послевоенную Москву, свою любимую газету «Вечерка», в которой иногда печаталась, просила прислать ей, если случайно сохранились у кого-нибудь, выпуски за прошедшие годы.

Все их восхищало на теплоходе. Было чисто, тихо, уютно. Еда была — пальчики оближешь. Во время остановок выходили в город, гуляли по набережным, а дни казались огромными, полными радостных впечатлений, ласкового солнца, свежего ветра и осенних фруктов.

— Андрюша, у тебя такой вид, будто ты прислушиваешься к своему пищеварению.

— Тсс... Леночка, я собираюсь рожать новую сказку.

— Опять сказку?

— Ничего лучше сказок в мире нет, поверь мне. Потом по ним ставят оперы, балеты, пьесы, пишут картины и прочее, и прочее. Так что не относись к сказкам свысока.

— Когда же мы услышим ее?

— Не знаю. Может быть и сегодня вечером. Да, пожалуй, я тебе ее прочитаю на сон грядущий... Если додумаю до конца.

* * *

После ужина и прогулки по палубе он присел на край ее постели, расправил листочки на колене и сказал: «Ну, слушай»:

...Давным-давно в старом домике под красной черепичной крышей жила старая женщина. Ее младшая сестра умерла много лет назад, оставив ей своих детишек — мальчика и девочку. Дети выросли. Мальчик закончил мореходную школу и собирался поступить помощником капитана на торговое судно. Он стал высоким, худощавым и мускулистым. У него были яркосиние глаза под темными бровями и золотистые волосы. Да, он был очень, очень красив. Но еще красивее была его сестра. Когда она шла по улице, люди останавливались и долго глядели ей вслед.

Брат и сестра нежно любили друг друга и клялись никогда не разлучаться. И, конечно, они очень любили свою родную тетку, которая заменила им мать.

Сколько радостных дней провели они в своем уютном домике с балконом, увитым виноградной лозой, — не перечесать. Они всегда с интересом наблюдали, как после зимнего ненастья просыпается лоза, как на ней набухают почки, вырастают листья, потом появляются нежные белые цветки, как потом на их месте возникают твердые, словно камень, зеленые ягоды, а потом, прогретые солнцем, они начинают полнеть, чернеть и становятся блестящими, мягкими, сладкими и ароматными.

В один из светлых осенних дней тетушка срезала прохладные виноградные гроздья и подавала их на стол на большом старинном фарфоровом блюде. Рядом обязательно стоял большой букет ярко-красных георгин, и в комнате становилось торжественно-празднично. Все садились за стол и с наслаждением ели душистый и сочный виноград. Этот день они так и называли — день винограда, и ждали его, как праздника.

Но жизнь не стоит на месте. Настало время молодому моряку отправляться в дальнейшее плавание. Он получил разрешение взять с собой сестру, благо она обучалась медицине и могла оказаться полезной на судне. И вот они собрали дорожные сумки и присели в последний раз перед отъездом, и утешали свою милую старую тетушку, что время пролетит быстро и через год они снова будут вместе.

Они взяли экипаж и поехали на причал. Молодой моряк был в сверкающем золотом форменном кителе, а его сестра — в чудесном темносинем платье с белым кружевным воротничком и белыми манжетами. Капитан посмотрел на нее и влюбился с первого взгляда. Они поднялись на корабль. Корабль отчалил от берега, и они долго-долго махали тетушке платками, а она махала им, и ее платок стал совсем мокрым от слез, но она улыбалась, так как не хотела портить своим детям настроение.

Потом тетушка вернулась домой и тоска одиночества накинута на нее и стала грызть сердце. Старая женщина взялась было убирать комнаты, но все валялось из рук. В отчаянии она бросилась на постель и зарыдала.

Мимо домика в это время пролетала добрая фея. Услышала рыдания и захотела помочь старушке. Волшебной палочкой она коснулась виноградной лозы — и вот, одна ягода покатила по балкону и превратилась в очаровательную смуглую девушку.

Девушка подошла к старой женщине, тронула ее за плечо и сказала: «Меня зовут Изабелла. Мама послала меня к вам, чтобы вы не грустили». И после этих слов старушка почувствовала небольшое облегчение.

Изабелла стала для старой женщины заботливой дочерью. Ходила на рынок, готовила еду, убирала в доме. Вечерами они гуляли по набережной и смотрели на строгие силуэты уходящих кораблей, освещенных лучами заката. Возвращались домой затемно. Изабелла читала вслух главы из библии. Потом они пили чай с терновым вареньем и долго-долго сидели в теплой тишине возле потухающего камина.

Шли дни, но тоска по уехавшим детям не проходила. Каждый вечер старушка говорила Изабелле: «Как ты думаешь, милая, где они сейчас, что они делают?»

Однажды Изабелла пришла от доброй феи и сказала: «Мама научила меня волшебству. Теперь мы сможем видеть ваших детей, когда наступит ночь». Когда стемнело, они зажгли свечи, поставили тарелку и налили в нее темного красного вина. Потом Изабелла бросила туда щепотку волшебного порошка и коснулась вина пальцем. Тотчас они увидели корабль бегущий по волнам. Матросы сновали вверх и вниз, молодой помощник капитана кричал им в рупор, и ветер надувал паруса. Вдали уже можно было различить вознесшиеся к небу башни минаретов. Вот на палубу вышла девушка в белом платье. Рядом с ней шел капитан. Они поднялись на капитанский мостик, и девушка смотрела в подозрную трубу на приближающийся город.

— У нас поздний вечер, а у них утро, — сказала старушка.

— Они теперь очень далеко от нас, на востоке. Когда у нас будет утро, у них уже будет вечер, — ответила Изабелла.

Дни складывались в недели, и старая женщина с беспокойством стала замечать, что Изабелла стареет. Пропал румянец и гладкость кожи, появились морщины. Еще через месяц нельзя было сказать, какая из женщин старше. Изменились и их разговоры. Они обсуждали все мелкие подробности жизни так, как это делают, сидя на скамейке в парке, пожилые люди.

Гроздья винограда, которые старушка развесила, превратились в изюм. Они вместе обобрали высохшие гроздья и засыпали в глиняные горшочки.

— Вот, дети вернутся, и я им сделаю их любимый пудинг с изюмом, — сказала старая женщина. — Уже ведь прошло четыре месяца, осталось восемь. Только не налетела бы на корабль буря. Это ведь так опасно. Скажи, Изабелла, сможем ли мы сегодня вечером посмотреть на моих деток?

— Конечно, сможем, — отвечала Изабелла. — Но волшебного порошка остается все меньше. Боюсь, у моей мамы-феи ничего не осталось.

— Тогда я потерплю еще неделю, — сказала старушка. Главное ведь — знать, что в любой вечер мы сможем их снова увидеть.

Однажды в марте, когда они гуляли по набережной, с моря налетел свирепый холодный ветер со снегом. Пока они шли домой, старая женщина совсем заоченела. Дома они разогрели вино с пряностями, выпили и сели у весело горящего камина. Но старую женщину все знобило. К утру у нее поднялся сильный жар. Изабелла позвала лекаря. Пришел важный толстый мужчина, осмотрел больную и сказал: «Она поправится, если у нее будут силы преодолеть кризис. Я оставляю вам лекарство, которое помогает работе сердца».

Изабелла не отходила от старушки, давала ей питье, ставила на лоб прохладные компрессы. Старая женщина бредила, ей казалось, что она уже встретила своих милых детей, и они ей рассказывают о дальних странах. Потом ей казалось, что пора угостить ребят, и она порывалась встать и пойти на кухню. Однако силы покидали ее. Приходивший лекарь только разводил руками. «Медицина тут бессильна», — говорил он. И вот, старое сердце не выдержало и остановилось. Пришел священник, подошли люди из соседних домов и вместе с Изабеллой обрядили старую женщину в последний наряд. Пока соседки судачили вокруг гроба, перед тем как везти покойную на кладбище, Изабелла вышла на балкон и, ударившись о пол превратилась в изюминку.

Невесть откуда взявшаяся белая голубка влетела на балкон, клюнула изюминку, вспорхнула и унеслась в бездонную синеву апрельского неба. Наверное, с высоты ей был виден плывущий домой корабль с детьми старой женщины. Ведь у птиц очень острое зрение...

* * *

С того памятного разговора, который произошел между Валугевым и молодым слесарем Николаем Логиновым в присутствии Никодимыча, прошло семнадцать лет. Огромный кусок времени пошел на пользу Валугеву. Все эти семнадцать лет он упорно лез вверх по служебной лестнице. Его кабинеты становились все просторнее. Столешницы письменных столов вмещали все больше телефонных аппаратов. Наступило, наступило, наконец, долгожданное время, когда в его кабинете стали проводиться совещания с участием директоров предприятий и других важных людей. Сейчас Валугев сидел, упираясь тройным подбородком в белоснежный крахмальный воротничок, и сердито сопел. Причиной раздражения было запаздывание заместителя директора биоцентра.

— Опаздываете! — буркнул Валугев, едва живот замдиректора появился в дверях.

— Извините. Пробки на дорогах, — ответил, отдуваясь и усаживаясь, вошедший.

— Значит, надо раньше выезжать. Так. Начнем. — Валугев решительно хлопнул ладонью по стопке документов. Товарищ Заныкина, докладывайте.

Заныкина, такая же грузная, как восседавший Валугев, одела очки в золоченной оправе и, прочистив горло, добрый час монотонно перечисляла расходные статьи проведенного эксперимента. Только в конце доклада она немного возвысила голос: «Полученные сведения дают нам основания считать проведенную работу законченной. Отчет о работе, подготовленный отделом перспективных технологий Комитета Государственной Безопасности совместно с биоцентром Академии Наук, был направлен на рассмотрение в ЦК в апреле текущего года. Совещанию необходимо выработать рекомендации по окончательному завершению эксперимента и ликвидации, в случае необходимости, нежелательных его последствий.

— Какие будут предложения у членов комиссии относительно объекта, учитывая, что ожидаемый конечный результат вряд ли будет получен. — Валугев откинулся в кресле, и холодные бесцветные глазки, утонувшие в жирных щеках, строго оглядели присутствующих.

Худощавый мужчина с прилипшими ко лбу белесыми волосами сказал: «На заседании комиссии отдела перспективных технологий было вынесено решение эксперимент прекратить, объект ликвидировать, а лиц, причастных к делу, вызвать и взять дополнительную подписку о неразглашении государственной тайны».

— Вот чем кончается работа, в которую страна вложила столько средств, — с горьким пафосом заключил Валуев. — Если бы тогда еще не послушали этого старого дурака Загибина, все могло бы пойти в нужном нам направлении.

— Совершенно с вами согласна, товарищ Валуев, — проблеяла Заныкина. — Зачем, спрашивается, нам был нужен второй Пушкин? Нам Маяковский нужен! Чтобы бороться с инакомыслием. Посмотрите, что делается в школах. Стране необходима чистка кадров и дальнейшее сплочение в рядах борцов за коммунизм.

— Позвольте, товарищ Валуев, — поднял руку чин из секретного отдела. — Хочу вам сказать, товарищи, что опасность анархии, беспредела выросла чрезвычайно. В городе Т., к примеру, ввиду временного перебоя с продуктами питания наблюдаются нехорошие настроения. Более того, все наверное, кто были в Т. видели на въезде в город со стороны Москвы десятиметровый портрет Генерального секретаря нашей партии. И что же! Злопыхатели вырезали во рту у него дырку, вставили пачку маргарина и написали «Жри сам, сука!». Испортили дорогой портрет. А ведь мимо и иностранцы проехать могут. Пришлось вызывать пожарных, вынимать маргарин, потом кое-как заштопали портрет и установили там милицейский пост. Но ведь к каждому портрету или памятнику милицию не поставишь!

— Можно рассмотреть вопрос о ликвидации и воспитательницы, как основной виновницы неудачи эксперимента, — осмелился вступить второй заместитель Валуева.

— Ну, это ты брось, — отрезал Валуев. Не твоего ума дело решать такие вопросы.

Замдиректора биоцентра вертелся на стуле, как ужаленный, и всячески намекал Валуеву на свое желание выступить, но Валуев был на него сердит за опоздание и слова не давал.

Наконец над ним сжалился кагэбэшник и насмешливо произнес: «Товарищ Валуев, тут ученые хотят сказать свое мнение».

Валуев усмехнулся углом рта: «Слушаем вас. — ...Тут он взглянул на список — мм..ээ., Валерий Михайлович».

Замдиректора биоцентра поднялся. Видно было, что он очень нервничает: Товарищи, именно тот факт, что на проведенную работу в целом ушло около двухсот миллионов рублей, требует хозяйского отношения к проблеме. К тому же, с точки зрения нашего института считать эксперимент законченным еще рано. Чрезвычайно важно установить способность выращенного организма противостоять разного рода стрессовым нагрузкам, а также его способность к воспроизводству.

— Насколько нам известно, — перебил кагэбэшник, — у потомков Пушкина не наблюдалось никаких успехов в области, где трудился их предок.

— Да, это так, согласился замдиректора, чувствуя, что почва уходит у него из-под ног. — Но, во-первых, мы не знаем, какова вероятность проявления рецессивного гена. Может быть, через двадцать-тридцать лет новый Пушкин родится в одной из семей его потомков, а во-вторых, и это главное, — мы не знаем как будет развиваться выращенный в искусственных условиях объект далее. Я предлагаю не упускать ни в коем случае представившуюся возможность и полностью выполнить намеченную почти двадцать лет назад программу. Прошу меня понять: дело не в подтверждении качества — никто не сомневается в наличии способностей к поэзии. Дело в том, чтобы выяснить, каких пределов может достигнуть в своем развитии искусственно созданный объект. Издержки в этом деле, будут невелики, уверяю вас, а дополнительные ценнейшие сведения в значительной степени окупят государственные расходы.

— Ну, ладно, — после некоторого раздумья согласился Валуев. Напишите пояснительную записку, а потом мы с товарищами из особого отдела посоветуемся. Поставить точку мы всегда успеем.

— А как решим относительно образования? — осмелился спросить один из членов комиссии.

— А ты знаешь, что Пушкин кроме лица ничего не кончал? — с ехидством спросил чин из контролирующих органов. —

А лицей — это вроде нашей школы-восьмилетки. Так что считай, что образования объекту вполне хватает. Было бы желание трудиться для народа.

— В данном вопросе мы поддерживаем мнение семьи Логиновых, — сказала дама из Гороно. Виктор должен закончить образование в вечерней школе. Работать он будет в том же цехе, что и отец. Так что будет под присмотром.

— Товарищи, — осмелился замдиректора биоцентра, — нельзя сравнивать нашу школу и лицей. Там преобладали гуманитарные дисциплины. Лицейсты учили несколько языков. А лекции им читали лучшие преподаватели того времени.

— Категорически не согласен, — запыхтел Валуев. — Сейчас времена, слава богу, не те. Мы в семнадцатом году начали новый отсчет времени. Кому сейчас нужны иностранные языки! Наш, родной русский язык должен стать ведущим, так сказать, среди остальных языков. И потом, мы решаем чисто практическую задачу, которая выведет нас вперед и оставит американцев позади. Вот что главное. Нужно вам проводить дополнительные исследования — исследуйте. Но в рамках, так сказать, поставленной задачи. Получился из него поэт, как намечали? Если получился, то опыт закончен. Пора делать выводы. Если нет — нужно понять, в чем ошиблись. И опять-таки сделать выводы. А мне лично второй Пушкин не нужен. Да и никому не нужен. Вот, помню, был хороший поэт Борис Котов. Хорошие стихи писал о рабочем классе. Недавно помер. Вот с кого надо было бы копию сделать! И проблем бы не было. Послушали того засранца Загибина, чтоб ему на том свете черти... яйца прижгли...

Последние слова начальства вызвали смех присутствующих. Особенно веселились дамы. Заныкина покраснела от смеха и махала платочком на Валуева — вот какой, мол, проказник. Валуев сидел, как именинник. Настроение за столом намного улучшилось. Совещание закончилось.

* * *

Исключение из школы Виктор воспринял с облегчением. Будто нарыв наконец прорвался. Какое наслаждение — никогда больше не видеть, не слышать, не обонять этих преподавателей-предателей.

Несколько дней спустя Николай повел сына в отдел кадров завода. Все формальности были быстро исполнены ввиду почти полного отсутствия анкетных данных, и вскоре, получив свеженький черный комбинезон и шкафчик в подвале возле отопительного котла, молодой рабочий Виктор Логинов поднимался по узкой винтовой лестнице в цех со своим наставником Иваном Ивановичем.

— Палыч, вот ученика привел, — сказал наставник мастеру. — Сын Логинова. Николая.

— Как звать тебя, парень? — спросил мастер. — Виктор? Так. Иди с Иваном Ивановичем. Он тебе тележку даст. Будешь пока возить заготовки к станкам и от станков готовые детали на склад. Потом определим тебя учеником фрезеровщика. Поучишься, сдашь экзамен, поработаешь — получишь хорошую рабочую профессию. Деньги будешь мешками домой приносить. Мастер хитро подмигнул наставнику. — Да, вот тут распишись, что по технике безопасности инструктаж получил: курить только в курилке, пальцы в станок не совать, по сторонам не зевать, еду принимать только в специально отведенном для этого месте или в столовой. Все.

Начался первый рабочий день. Вскоре Виктор привык к шуму станков и лязганью металла, к воздуху цеха с запахами керосина и подгорающего машинного масла. Веселый старичок кладовщик нагрузил ему полную тележку заготовок и велел развезти их по станкам. Проходившая мимо миловидная девушка в красной в белый горошек косынке крикнула кладовщику:

— Пахомыч, ты что же парня так нагрузил? Надорвется!

— Ништэк, — весело ответил кладовщик, — парень молодой, яйца свежие!

Подождав, пока девушка отойдет, Виктор спросил кладовщика:

— Извините, а у вас яйца тухлые что ли?

— А ты не дерзи мне, потому как я уже старик и всю жизнь на этом заводе проработал. А на шутку надо шуткой отвечать, без злобы, не то — много врагов наживешь. Понял, милоч? Ну вот, иди и работай.

Виктор возил и возил тележку и, казалось, конца этому никогда не будет. Время тянулось однообразно, словно снежная

пустыня. Прозвенел звонок на обед. Рабочие вытащили завтраки и бутылки с молоком и сплотились вокруг низенького столика, за который уже сели четыре забойщика. Через секунду после шелеста перемешиваемых костяшек домино раздался первый выстрел, толстый мужик в засаленной куртке выставил один:один. Грохот костяшек все нарастал. После оглушительного удара, от которого, казалось, столик вот-вот рухнет на колени, подняв с мольбой к небу избитую морду-столешницу, раздалось: «Рыба!» Подсчет очков сопровождался подначками, в которых сверкали отполированные поколениями перлы матюков. Виктор с веселым удивлением слушал музыку внешкольной речи. Это была именно речь, а не матерное озорство, которым бравировали мальчишки.

* * *

Потянулись однообразные дни. Виктор чувствовал себя одиноким. Никто им не интересовался. Рабочие между собой шутили или ругались. Все они были старше. У них были свои, взрослые интересы — дадут ли премию, привезут ли продовольственные заказы и прочее, и прочее. Изредка появлялся наставник, Иван Иванович, спрашивал, как дела. Виктор пожимал плечами: «Нормально». На том разговор и кончался.

В ожидании перемен Виктор нарисовал схему своих маршрутов с тележкой по цеху. Оказалось, что, работая по схеме, он сэкономил почти половину времени. Достав огрызок карандаша и тетрадный листок, он присаживался у склада и набрасывал возникающие в мозгу строки. В стихах он сетовал на усталость от жизни, мол, слишком поздно родился, не нашел родственной души способной понять его мучения, и вот, он угасает среди черни безразличной к высокому искусству.

Ребяческие выходки старших, их пересыпанная матерком речь уже приелись Виктору. Он видел их неразвитость, неумение логически мыслить и чувствовал себя так, словно попал в детский сад с испорченными детьми.

Самым молодым в цехе был красивый парень Сергей, недавно вернувшийся из армии к фрезерному станку, на котором работал прежде. Сергей весь рабочий день стоял у станка, не снимая маленькой щегольской шляпы с перышком. Даже в туалет в ней ходил. Видимо, к этой странности все давно привыкли,

но никто Сергея по имени не звал. Все обращались к нему исключительно: «Эй, Шляпин! Здорово, Шляпин!», изредка переиначивая: «Шалапин, тебя мастер зовет!»

В цеховой уборной всегда было адски накурено. Крашенные чугунные бачки, стоящие на высоких стояках были покрыты ржавчиной и вспучившейся масляной краской. Бачки приводились в действие дерганьем за такую же ржавую стальную проволоку. Для желающих закончить туалет и заодно продолжить политическое самообразование служили центральные газеты, заткнутые за стояк. Как водится на Руси, туалетные кабинки не имели дверей (чего нам скрывать друг от друга!). Виктор стеснялся справлять при посторонних нужду и старался сходить в уборную, когда там никого не было.

Однажды, едва он сел на корточки, вбежал Сергей и быстро расположился на соседнем толчке. Поднатужившись, он произнес:

На глубине Сибирских руд
Два мужика сидят и с...

— Сволочь, это он про декабристов! — А дальше? Продолжение есть?

...Не пропадет их скорбный труд,
Придут собаки — все сожрут,

— закончил Сергей и довольный захохотал.

Застегнув брюки, Виктор подошел к Сергею:

— Знаешь, кто эти собаки?

— Кто?

— Такие, как ты!

— Ты чего, салажонок? — добродушно удивился Сергей. Я тебя вроде не трогаю. Ты чего сучишься?

— Не смей, скотина, марать Пушкина! — Виктор смахнул с сидящего шляпу и нахлобучил на него чью-то засаленную кепку.

— Постой, ты куда?

— Туда! Дос... и в кепке!

— Ну, салага! Быть тебе битым! Давай назад шляпу! — заорал Сергей.

Виктор, не отвечая, надел шляпу и вышел в цех. От шляпы шел неприятный запах прогоркшего сала — видно владелец редко баловал голову мылом. Чувствуя отвращение, Виктор снял шляпу и повесил на лампу перед станком Сергея. Вскоре тот появился в дверях уборной. Глаза его искали обидчика.

— Пойдем на два слова, — лицо Сергея излучало спокойствие, почти скуку.

Виктор кивнул и вышел за ним в коридор. Так же спокойно Сергей оглянулся по сторонам. Убедившись, что коридор пуст, он без предупреждения нанес Виктору сильнейший удар ногой в пах и, не говоря ни слова, вернулся в цех. Невыносимая боль внизу живота бросила Виктора на пол. Никто и никогда не причинял ему столь сильных страданий. Только спустя несколько минут он смог разогнуться и подняться на ватных ногах. От боли его едва не вырвало.

— Ты че, малый, уж не заболел ли часом? — спросил кладовщик.

Виктор покачал головой: «Все в порядке». До конца рабочего дня он механически выполнял свою немудреную работу. Низ живота все еще ныл, и эта ноющая боль требовала немедленного отмщения. Когда прозвенел звонок и рабочие стали выключать станки, Виктор подошел к Сергею:

— Разговор между нами еще не окончен.

— Можно и продолжить, — уверенно сказал Сергей. — Вторым, если с первого раза непонятно.

— Попытайся.

Они дождались, пока рабочие покинут цех. Сергей, который был на полголовы выше, спокойно пошел на Виктора и размахнулся ногой, стараясь снова попасть в пах, но Виктор успел отклониться, и нога противника зависла в воздухе. Тогда Сергей развернулся и послал тяжелый удар правой в голову — и снова промах. Входя в азарт, Сергей уже не раздумывая молотил руками и ногами, чувствуя растерянность от того, что он, такой сильный и ловкий, никак не может достать этого чернявого длинноносого салажонка. Вдруг словно молния прожгла ему голову, все поплыло перед глазами — Виктор нанес свой первый удар в челюсть. Еще один удар в солнечное сплетение — и, теряя

дыхание, Сергей очутился на бетонном полу. Придя в себя, он увидел спокойно стоящего Виктора.

— Вставай, пролетарий, — сказал Виктор. — Разговор еще не окончен.

Едва Сергей выпрямился, Виктор нанес ему еще один сокрушающий удар в челюсть: «Это тебе за Пушкина и за декабристов»

Сергей, как кукла, повалился на пол. Придя в себя, он, не открывая глаз, начал лихорадочно соображать, как перехитрить противника.

— Надо дотянуться до стального прута, — подумал он. Набравшись решимости, он медленно открыл глаза. Виктор так же спокойно стоял в полушаге от него. Сергей, медленно поднимаясь, уже видел, что его отделяет от пучка прутьев не более двух метров. Собравшись, он кинулся вбок и схватил прут. Однако Виктор был начеку. Рванув Сергея за локоть, он развернул его к себе лицом и нанес последний сокрушающий удар в подбородок:

— А это тебе за меня!

Сергей по-детски всхлипнул и упал лицом вниз. Прут со звоном выпал из его ослабевших рук. Оставив противника лежащим на бетонном полу, Виктор спустился в раздевалку, надел куртку и вышел на улицу.

— Прав ли я, затеяв воспитание этой скотины? — думал он по дороге домой. — В сущности ведь он не злой парень. Он просто темный, невежественный... А разве темнота и невежество не являются злом?.. Жаль, не с кем посоветоваться. И Елены Владимировны нет... Все из-за меня... Домой идти не хочется, а деться некуда... До чего же препоганая штука жизнь!

— Больше я в цех не пойду! — решительно заявил Виктор матери через неделю после случившейся стычки.

Зоя Сергеевна глянула на сына.

— Ну, чисто волк, — подумала она. И откуда в нем столько злости? Вот ведь наградил господь характером.

— И что же ты будешь делать? Чем займешься?

— Я учиться хочу, ответил Виктор. История и литература — мое призвание. А экзамены я сдам экстерном. Как ваш вечно живой и вечно любимый Ленин.

— Ленин у нас общий. И твой тоже, — назидательно сказала мать. — И он не виноват, что так рано умер, а нынешние устроили безобразия в стране. Вечно ничего нигде нет.

— А это основной закон социализма: всеобщий бессмысленный поиск товаров, которых нет в продаже.

Зоя Сергеевна усмехнулась:

— Ладно, с отцом я сама поговорю. Чувствую, что он бузить будет, но попробую успокоить. Ты, главное, если решил учиться, то учись, а не шалопайничай... И то, не дело с образованием тележку по цеху таскать.

На следующий день Виктор пошел в школу к Степаниде Никифоровне. Она не видела его с полгода и была удивлена свершившимся в нем переменам. Сейчас перед ней стоял не подросток-школьник, а сформировавшийся молодой человек с умным и волевым взглядом голубовато-серых глаз. Она обещала ему помочь и вскоре, собрав учебники, Виктор плотно занялся учебой. Мать с отцом только диву давались. Он начинал рабочий день в шесть утра и с редкими перерывами занимался по двенадцать часов в сутки. Мало того, в оставшееся до сна время он читал Карамзина, Ключевского, Соловьева. Семимильными шагами он нагонял упущенное и уже в июне знал программу десятилетки. По истории и литературе он вышел на уровень студента второго-третьего курса филологического факультета. Впереди маячил осенний призыв в армию. Он чувствовал, что обязан поступить в институт с первой попытки. Его страшила мысль бездарно потерять еще два года.

* * *

А что же Елена Владимировна? Как повернулась ее жизнь дальше?

Вернувшись из недельной поездки на юг, Андрей повел ее на встречу со своим начальником. Они долго шли закоулками и подворотнями к огромному серо-желтому зданию, занимавшему полквартала и обнесенному высоким бетонным забором. По верху забора спиралью вилась колючая проволока.

— Какое унылое место, — подумала Елена Владимировна.

— Ты подожди меня минутку, я позвоню из проходной Рюмину, — сказал Андрей и скрылся в павильоне проходной.

Однако ждать пришлось долго. Телефон был намертво занят. Потеряв терпение, Андрей пошел за начальником. Наконец, они появились в дверях. Рюмин оказался стройным мужчиной с умными глазами, поблескивающими за щеголеватой золотой оправой очков.

— Андрей о вас говорил. Вам нужно будет навести и поддерживать порядок в научно-технической документации: делах, отчетах, переписке и прочем. К исследованиям, сами понимаете, я привлечь вас не могу в силу специфики вашего образования. По анкете затруднений не предвидится? Какая у вас форма допуска?

— Была первая.

Рюмин взглянул на Елену Владимировну с уважением.

— Тогда никаких препятствий не ожидаю. Оформляйтесь. Андрей мне доложит, когда вам разрешат приступить к работе. Сейчас зайдём в отдел кадров, получите анкету. Как вас зовут?

— Бакунчик. Елена Владимировна Бакунчик.

— Какая фамилия у вас ласковая...

Они зашли в павильон, где проходы на территорию оцетились решетками, охраняемыми свирепого вида бабехами с револьверами на заднице, и повернули направо в душную маленькую комнатенку.

— Дайте анкету Елене Владимировне, — сказал начальник, не здороваясь, и ушел.

Безобразная пожилая баба с огромным животом, обтянутым ситцем в мелкий цветочек, и злющими маленькими глазками, утонувшими в багровых щеках, не глядя на вошедшую, выкинула из ящика на стол анкету и листок для автобиографии, пробурчав: «Заполняйте аккуратно. Исправления не допускаются».

— А вы не дадите мне на всякий случай еще один экземпляр? — спросила Елена Владимировна.

— Не положено. Если испортите, пусть начальник еще раз с вами подойдет, — я выдам еще один.

Елена Владимировна поблагодарила, простилась и, не услышав ответа, вышла на улицу.

* * *

Всю неделю Елена Владимировна просидела за столом начальника лаборатории, который находился в отпуске. За это время Рюмин через своего заместителя Саркисова распорядился отделить фанерной перегородкой конец коридора и сделать из него комнату для информационной службы. В подчинение Елене Владимировне была назначена Валя Поликарпова, милостивая блондинка примерно того же возраста. Валя проработала здесь уже десять лет и знала всю скрытую жизнь отдела и даже некоторые тайны высшего эшелона власти. Благодаря Вале в комнате быстро появились два стола, несколько стульев и три канцелярских шкафа для будущих документов. На один из столов поставили тяжеленную электрическую пишущую машинку болгарского производства, по ящикам рассовали бумагу, желтую для черновиков и белую для документов. Кроме того, принесли всякую канцелярскую мелочь и фирменные бланки. Тут Елена Владимировна обнаружила, что она работает в организации, которая одновременно имеет три названия: А1318, п/я 29 и Институт Прикладной Химии.

В комнату, выкроенную из куска коридора, выходили двери, за которыми трудились коллективы двух лабораторий. В лабораториях громко говорили, включали и выключали установки и приборы, беспрерывно входили и выходили, двери хлопали. От этой посторонней возни и суеты у Елены Владимировны к концу дня разболелась голова. Валя, напротив, в этой обстановке чувствовала себя превосходно. Двадцать раз она выбегала покурить с девчонками на лестнице. Потом девчонки приходили к ней в гости. Болтовня не стихала. Выяснилось, что Валя только с нынешнего дня работает у Рюмина, а до этого работала в лаборатории полимеров у старой и злющей бабы, которая в молодости была любовницей генерального директора. Та пасла Валю и не давала ей минуты отдыха, отчего Валя с нею рассталась с превеликой радостью. А сидеть и читать технические отчеты или, упаси боже, что-то выписывать из них она никогда не будет. Она любит живую работу. Привезти материалы или, наоборот, увезти, договориться о деловой встрече, но разумеется, за проходной, то есть на воле.

К концу дня зашел Андрей и предупредил, что задерживается и дома будет поздно. Возвращаясь с работы, она шла по территории предприятия и удивлялась убожеству зданий и планировки. Это была чудовищная смесь одно-, двух- и трехэтажных кирпичных построек с многочисленными пристройками в виде деревянных и каменных сарайчиков. Всюду валялось несметное количество разного рода железного хлама — трубы, пруты, гайки, шайбы, чугунные плиты. Все это многообразие было покрыто толстым слоем ржавчины. Тем не менее, в центре территории был разбит скверик, на котором возвышалась огромная статуя вождя мирового пролетариата.

— Представляешь, Леночка, два дня пропали начисто на переаттестацию начальников лабораторий, — сказал Андрей за ужином. Директор изрек, что он не знает, видите ли, за что платит деньги низшему командирскому звену. Я, признаюсь, думал, что будет нечто похожее на отчет по работе за пять лет, как бывало в академии наук. Куда там! У нас ведь восемьдесят шесть отделов и в каждом по две-три лаборатории. Начали по порядку со второго.

— А почему не с первого?

— Первый отдел никогда перед дирекцией не отчитывается. Это же госбезопасность. Ну вот. Мы все сидим при полном параде и начальники отделов с нами. Нас никто не вызывает и ни о чем не спрашивает. Директор вообще ниже начальников отделов для разговоров не приглашает. Кстати, куда бы ни шел со свитой — всегда руки за спиной. Думаю, чтобы ненароком не заставили поздороваться за руку.

— Андрияша, зачем ты меня устроил на работу в твой зоопарк. Ей-богу, лучше в столовой посуду мыть. Здесь все такие странные. Создается впечатление, что они все на работе с отклонениями в психике, что-ли... Не успевают прийти и сумку на стол кинуть — уже стремятся удрать под любым предлогом на улицу. Ну, не нравится работа — увольняйся, ищи, где будет по душе... В школе преподаватель знаешь как вкалывает?! Не расслабишься. Если дети почувствуют твою слабость, все твои многолетние усилия могут в один день пойти насмарку. А тут? Как сейчас говорят ребяташки — полная расслабуха. Действительно, за что им деньги платят? Не понимаю.

— Леночка, во-первых, я хочу тебя видеть как можно чаще и не только дома, а, во-вторых, не все такие придурки. У нас есть и настоящие трудоголики. И на них-то все и держится. Но дослушай меня. Итак, встают начальники отделов, скороговоркой обозначают, какие необходимые люди их начальники лабораторий, а директор сидит, нахохлившись, злой. Оттого, что ничего не успевает осмыслить в этом калейдоскопе фамилий и тематик. Так длится часа два. Проскочило одиннадцать отделов. Все пока благополучно. Вдруг директор встрепенулся. То ли знакомая фамилия попалась, то ли, наоборот, незнакомая.

— Никольский, это кто? — спрашивает.

Никольский поднимается. Пожилой мужчина, лицо умное, энергичное.

— Вы член партии? — спрашивает директор.

— Нет, я беспартийный, — отвечает Никольский.

— Чему же вы можете научить ваших подчиненных, если вы беспартийный, какой вы можете им подать пример? — гневается директор.

— Я учу своих подчиненных добросовестному и творческому отношению к труду, — отвечает Никольский.

— Садитесь, — бурчит директор. — Надо кончать с такой практикой, что беспартийные занимают руководящие должности. Какой спрос с беспартийного?! — говорит он, обращаясь к комиссии.

— Какая гадость! — возмутилась Елена Владимировна. — Что же, у вас партийность вроде знака качества? Я думаю, что как раз наоборот. Это, как бы, люди с веревкой на шее, а веревка привязана к дереву. Все время ходят вокруг дерева и ни шагу дальше.

— Ты абсолютно права, Леночка. Ты умница, далеко глядишь. Но время работает на нас, и я думаю, что мы доживем до тех прекрасных дней, когда проклятая веревка на шеях изотрется от старости, и все станут свободными... Так вот, заканчиваю. Директор устал сидеть и слушать. Он, наверное, сообразил, что из трескотни начальников отделов все равно никаких выводов для себя он не сделает. Ну кто, подумай, скажет, что у него плохие подчиненные. Это ведь риск. Начнут разбираться, глядишь — и сам без головы останешься. Главное — сохранять

статус-кво. Короче, — директор поднялся и ушел, сказав на прощанье: «Продолжайте без меня».

Как только он удалился, аттестация перешла в галоп. Но все равно не успели за один день и вот, сегодня только закончили.

Завтра в конце дня я собираюсь зайти к Саркисову. Ты уже с ним познакомилась. Я хочу у него попросить помощи, пусть даст пару ребят перетащить прибор в соседнюю комнату. Тяжелый, зараза, килограммов триста тянет, даром что в ГДР сделан. Был я год назад в институте Физпроблем, там стоит тот же тип прибора, но фирмы *ПеркинЭлмер*. Так его под мышкой унести можно.

— Ты знаешь, Саркисов мне очень понравился. Такой гигант!

— Да, росту в нем метра два будет.

— Он мне напоминает скульптуру Моисея. Вьющиеся черные с проседью волосы, борода... Но у Моисея взгляд отсутствующий, в пространство, а у Саркисова глаза добрые... Сидит спиной к дамам, носом в стенку. И правильно. Дамы злющие-презлющие. Я вошла — они прямо-таки раздели меня. И ни словечка. Зато потом, наверное, когда я вышла, они обменялись репликами.

Ужасно смешно и нелепо выглядит Саркисов за своим столом. Ты обратил внимание? Папки с отчетами занимают весь стол. Палец воткнуть некуда. И он в этой куче без конца роется, ищет очередной документ. Я бы посоветовала ему поставить всю эту литературу на полки вертикально... Такой большой, а до простой вещи не додумался. Вся его деятельность разворачивается на пространстве размером со школьную тетрадь.

— Он очень страдает от этой бумажной работы. Рюмин свалил на него всю канцелярию. Когда Саркисов слышит, что надо что-либо притащить или вынести, желательно тяжелое и громоздкое, у него улучшается настроение и он спешит на помощь. Ну, ладно. Завтра ты потихоньку иди домой, меня не жди, потому что я не знаю, сколько времени проторчу у Саркисова.

* * *

Елена Владимировна уже успела приготовить ужин, а Андрея всё не было. Наконец он появился, обнял её и пошел умыться с дороги.

— Извини за задержку. Сейчас произошла сцена прямо для юмористического журнала. Ух, какой вкусный салат, молодец Ленуся! Представляешь, я захожу к Саркисову. Бабы удрали, он один. Смотрю — снимает каретку с пишущей машинки и прячет в сейф. У меня глаза на лоб от удивления.

— Зачем это, Юрий Григорьевич? — спрашиваю.

— Распоряжение Быдлова (наш замдиректора по режиму). Вдруг пока мы будем мирно ужинать и спать, некий злоумышленник проберется через нашу охрану, взломает дверь моей комнаты, сядет за машинку и что-то этакое зловредное напечатает одним пальцем через копирку в пяти экземплярах!

Я захохотал, а он запер сейф, вытащил пачку «Беломора», и тут я понял, что уйти сразу мне не удастся. Он начал мне рассказывать в сотый раз о том, как они изготавливали теплообменник — попросту говоря, гнули трубы. Медленно, со вкусом, со всеми подробностями. В это самое время он открыл другой сейф, где у него хранится канистра со спиртом, выудил фужер с отломанной ножкой и налил из канистры почти половину фужера. Я смотрю, что будет дальше. На подоконнике у него стоит графин розового стекла, в нем вода с зеленым осадком. Он разбавил ею спирт на глазок, взял карандаш, помешал и выпил. А рассказ о том, как они гнули трубы, течет своим чередом. Таким манером, не закусывая, он пропустил четыре фужера. После пятого он вытащил из бокового кармана пиджака крошечную конфетку-стекляшку и пососал. Закусил, стало быть. Видно, после пятого фужера он захмелел и потерял ориентацию в пространстве, потому что налив шестой и размешав спирт с водой карандашом, он увлекся рассказом и поставил фужер на несуществующую ножку. Всё, естественно, пролилось на стол, замочило многочисленные бумаги. Он сказал: «Ай-яй-яй, непорядок случился!», смахнул ладонью жидкость на пол, потом так же степенно налил снова, разбавил, размешал, выпил и, вздохнув, сказал: «Ну, ладно. Будем собираться домой». Тут я вставил словечко насчет прибора. Он кивнул: «Сделаем». Ничего он не

сделает. Его с утра рвут на части, и он всё забывает. Буду звонить, напоминать.

— И не нужно было тебе к нему идти. Ты сам видишь, что зря потерял два часа.

— Но зато какое зрелище я наблюдал! Кстати, пошли мы на проходную, так он даже не покачнулся. Обменялся с вахтершами шуточками. Они прямо-таки защебетали, когда он появился. «Любят меня», — сказал он мне с гордостью. И вот, пошел ужинать домой после такой зарядки. Не то, что я — мозгляк-интеллигент.

— Зато ты умеешь сочинять сказки. И вообще, ты умный и талантливый.

— Спасибо, золотая моя, дай я тебя поцелую в носик.

— Андрюша, у тебя не предвидится командировка в Т.? У меня сердце изболелось. Как там Виктор? Может быть, ему помощь нужна... Писать я ему не решаюсь, чтобы не обернулось во зло ему.

— Рюмин собрался направить меня в Т. в конце октября.

— Ты к Логиновым не заходи. Пойди в школу к Степаниде. Она наверняка знает про Виктора. Если случайно его встретишь, дай ему наш адрес и телефон.

* * *

Письмо.

Здравствуйте, дорогая Елена Владимировна.

Хочу вам признаться, что Московский университет приятно меня удивил и продолжает удивлять духом просвещенной свободы. Мне чертовски повезло, что я поступил сюда. Признаюсь, я не ожидал, что за грязножелтым фасадом, выходящим на Моховую улицу, таится такое огромное, одетое в мрамор пространство. Высота зала неимоверная. Красота! Галереи, лестницы — всё вызывает восхищение. Аудитории, где проходят лекции нашего потока, тоже великолепны. Они напоминают древние амфитеатры, где ряды плавно стекают вниз, к лекторской кафедре. Акустика превосходная. Правда, комнаты для семинарских занятий немного скромнее. Узкие, длинные, душные. Стены голые, плохо покрашенные, паркет в комнатах

и в коридорах безобразно разносортный. За чистотой никто не следит, наверное, экономят деньги.

Народ у нас в группе подобрался знаменитый (я — один единственный из рабочей семьи и сам рабочий). Все дети писателей, журналистов и всяческих больших начальников. Представляете — я работал в подшефном колхозе с внучатым племянником самого графа Толстого! Каково! Отличный парень. Крепкий, как железо. Работает с упоением. Мы с ним в паре грузили мешки с картофелем на машины. Так начался наш первый семестр. Освободились и приступили к занятиям только в конце сентября.

Да, а сейчас уже кончается первый курс. Время летит. Какой же я студюзус-свинтус-грандиозус, что до сих пор Вам не написал. Все собирался, собирался. А теперь столько новых впечатлений накопилось, что потребуется тетрадь на сто страниц, чтобы рассказать хоть вкратце обо всем.

Мне нравится, прежде всего, демократичность наших преподавателей и их преданность работе. Нет и в помине школьного занудства. Античную литературу у нас ведет удивительная женщина по фамилии Венч-Яновская. Каждое её занятие — это театр. Она закутывает плечи темно-сиреневой бархатной накидкой и, стоя подобно статуе весталки, нараспев читает древних поэтов. И не дай Бог глянуть в окно или шепнуть слово! Разорвет в клочки, уничтожит! На коллоквиумах она копается в наших мозгах, как хирург. Если она довольна успехами, то встает и торжественно кланяется экзаменуемому: «Я вас благословляю». Я, похоже, оказался среди её любимчиков. Но если она кого невзлюбит — берегись! Один из наших, Удальцов, сидя перед её столом назвал Кроноса Миносом. Что тут было! Венч-Яновская подпрыгнула на метр от пола. Как кошка. Удальцов вскочил и кинулся к дверям, а она за ним, он — по коридору, а она бежит и кричит на весь университет: «На филологическом факультете появился Дурак!»... Смешно и даже немножко страшно.

У многих преподавателей есть свои вечные привязанности. Вот, к примеру, у доцента Макорецкого есть свой пунктик, поэт Новалис. О Новалисе он может рассказывать бесконечно, читать свои переводы. Создается впечатление, что Новалис — это величайший гений.

Елена Владимировна, если всё-всё описывать, да еще и подробно, то не хватит ни бумаги, ни времени. Поэтому еще только два слова о самом главном. Я совершенно излечился от комплекса, который мешал мне жить. И способствовало этому одно обстоятельство. Пролистывая периодику, я однажды наткнулся в историческом журнале на статью, где говорилось, что один владелец ресторана в Милане был точной копией короля Умберто Первого. Мало того, их жены звались Марией, а сыновья — Витторио и родились они в один день и один час. Далее, Умберто стал королем в тот же год, когда его двойник открыл свой ресторан. Ну, и т.д. вплоть до их смерти, которая также была очень похожа — оба погибли от пули. На короля кто-то напал после соревнований по стрельбе, а его двойник чистил ружьё и нечаянно застрелился. Короче — всё в жизни возможно, и я — не первый случай двойника. Не зря сказано: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам». Кстати сказать, банальнейшая мысль, но банальности часто поражают ум быстрее, чем оригинальность, потому что оригинальность нуждается в исследовании.

Хочу вас немного позабавить. Пролистывая в очередной раз «Евгения Онегина», я обратил внимание на XXIV и XXV строфы, где Татьяна приходит в усадьбу Онегина и читает книжки в его библиотеке. Позвольте процитировать:

И начинает понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснее — слава Богу —
Того, по ком она вздыхать
Осуждена судьбою властной:
Чудак печальный и опасный,
Созданье ада иль небес,
Сей ангел, сей надменный бес,
Что ж он? Ужели подражанье,
Ничтожный призрак, иль еще
Москвич в Гарольдовом плаще,
Чужих причуд истолкованье,
Слов модных полный лексикон?
Уж не пародия ли он?

Ужель загадку разрешила?
Ужели слово найдено?

...и т.д. и в примечаниях:

С её открытием поздравим
Татьяну милую мою

И снова в главе восьмой строфа восьмая:

Всё тот же ль он иль усмирился?
Иль корчит так же чудака?
Скажите, чем он возвратился?
Что нам представит он пока?
Чем нынче явится? Мельмотом,
Космополитом, патриотом,
Гарольдом, квакером, ханжой,
Иль маской щегольнет иной,
Иль просто будет добрый малый,
Как вы да я, как целый свет?
.....

и в примечаниях к путешествию Онегина:

Наскуча или слыть Мельмотом
Иль маской щеголять иной,
Проснулся раз он патриотом
Дождливой, скучною порой.)
.....

Прочел я в очередной раз «характеристику» Онегина, которую дает ему Пушкин, и поразился, почему в школе совершенно игнорировали эти строфы, а вместо этого нудили о лишних людях, о типичных представителях, сравнивали с Печориным. А тут прямо сказано, что Онегин — прежде всего человек неуменный, во всяком случае, недостаточно умный, чтобы иметь собственные суждения. Всё в нем — фальшивка, подражание, гонка за модой. Он — противоположность Печорину, потому что Печорин, прежде всего, — умница, человек наблюдательный,

мужественный. Он оставил нам чудесные записки о своих приключениях, а Онегин — пустоцвет. Труд упорный ему был тошен... И, кстати, мо моему мнению, — главное в человеке, не то, как он относится к власти, а что он представляет собой — умный или глупый, щедрый или жадный, трус или храбрец, трудога или бездельник.

И еще мне пришло в голову, что Пушкин собрал в Онегине всё, чем был недоволен в себе самом. Онегин — худшая часть Пушкина, вот что я могу сказать вам!

И еще. Говорят, что прототипом Онегина был Иван Пуцин. Не исключаю, но думаю — скорее в плане внешнем, поведенческом. Скажем, Пуцина звали педантом. Портретного сходства и не ищите, тем более, что портрета Евгения в романе нет. Мы не знаем — высок он или низок, строен или толст, как Дельвиг, не знаем цвет волос и глаз, да ничего мы о нём не знаем, кроме того, что хочет нам рассказать Пушкин... Хотя, конечно, если «разлюбил он наконец и брань, и саблю, и свинец», то есть служил в полку, то стрелял лучше Ленского и не удивительно, что убил его. Не знаю почему, но мне убивец, хоть он и не умен, куда симпатичнее убитого кудрявого барашка...

Теперь о моих планах. Меня очень привлекает английская литература. Я поставил себе цель стать профессионалом в этой области. Никаких подробностей по этому поводу я вам сообщить не могу, но знайте, что это мой путь и это для меня очень важно.

Я Вас люблю, помню и буду любить и помнить всегда.

Виктор

* * *

У читателя может сложиться впечатление, что Виктор совершенно не интересовался противоположным полом. Уверяю вас, вы ошибаетесь. Законы генетики, друзья мои, так же непреложны, как закон всемирного тяготения. А в масштабах нашей планеты закон тяготения мужского пола к женскому так же всемогущ, как наше притяжение к Земле. Другое дело, что воспитание и образование способны направить любовные чувства и их

проявление в параллельное русло, но наклонности мужчины не изменить. Если ему суждено быть новым Казановой или маркизом де Садам, так оно и случится.

Её звали Оксаной. Приехала она из-под Курска, где её отец заведовал знаменитым заповедником. Он был интеллеktуал, обожал поэзию и каждый день занимался по два часа йогой. Оксане передалась восторженная любовь к русской литературе, а ежедневное зрелище отца, стоящего на голове, позволило ей с пониманием относиться к странностям окружающего мира. Она одержала победу в жестокой схватке за место в университете и теперь мечтала о новых великих свершениях — именно великих, на меньшее она не соглашалась.

Увидев Виктора, длинноносого, невысокого, с короткой, почти солдатской стрижкой и черными маленькими усиками она скользнула по нему равнодушным взглядом и уткнулась в учебник. Виктор тоже не сразу заметил её неброскую красоту, широко расставленные зеленые глаза, рыжеватую копну непослушных волос, яркие полные губы и благородной формы шею, словно вылепленную великим мастером из белейшего алебаstra. Спустя полгода занятий он словно прозрел, а может быть, уже освоился в непривычной поначалу обстановке университета и теперь пришло время немного расслабиться и взглянуть на окружающий мир и сокурсников, копошащихся рядом в учебниках и тетрадках. И вдруг — Оксана! «О, дева роза, я в оковах», — мелькнула в его голове.

Желая привлечь к себе её внимание, Виктор прицепился к доценту Макорецкому на семинаре по раннему европейскому романтизму. Виктор рассчитывал, что тот непременно откликнется на замечание о творчестве Новалиса, и не ошибся.

— Скажите Сергей Сергеевич, почему Новалиса не считают предтечей символизма?

— На это нет оснований, — отвечал Макорецкий.

— А как же прикажете трактовать такие стихи:

*«Я силой сладострастья был зачат.
Я — середина, я — священный ключ,
Откуда каждое томлень льет
Струи свои...»*

и дальше:

Тут он повернулся к Оксане, словно читал для неё одной, чем привел её в неопишемое смущение.

*Я, затаенный в чашечках медовых,
Благоухал и колыхал цветы
В тумане золотом. Я был незримым
Ручьем, бореньем тихим, всё текло
Ко мне и сквозь меня, волнуя нежно.
И вот пыльца, упавшая на пестик,
Вы помните вечерний поцелуй —
Запенила холодную волну,
Как молния...*

И еще несколько строк:

*Нет Гейнриха, Матильды нет в сознаньи,
Они слились в одном очарованьи!
Исполнилось! Взошло земное семя...»*

Разве это не символическое изображение страсти?

— Понимаете, Логинов, хотя мне импонирует ваше любопытство, вы еще, скорее всего, не знаете, что элементы символизма можно найти в любой поэзии, но как литературное течение с вполне определившейся программой, символизм оформился значительно позже...

— Ну, хорошо, а можно еще один вопрос. Вот, в философской поэзии Новалиса утверждается превосходство бесконечного небытия над конечной жизнью, то есть бесконечное небытие персонифицировано. Если взять, к примеру, Вселенную, которой около двадцати миллиардов лет, то она должна испытывать чувство превосходства по отношению к Земле, потому что Земля на пятнадцать миллиардов лет моложе, не говоря уж о человеке. Любой булыжник также должен чувствовать превосходство перед конечной и кратковременной жизнью в силу своей древности. (Тут половина аудитории покатила со смеху). Это я к тому, что дискретность и нерасчлененность, как и все остальные действительные и мнимые величины, сидят внутри нас, а так как

их ужасно много, то, пошарив наугад, можно вытащить любую пару и объяснить ею весь окружающий мир.

— Послушайте, Логинов, — почти простонал Макорецкий, — даже если бы вы были правы в своем насмешничанье над Новалисом-философом (Учтите при этом, что он почти на двести лет старше нас, а философия с тех пор ушла далеко вперед), в чем я пока не уверен и скажу почему. Вы, по-видимому, прочли некое резюме из философской энциклопедии, которое сляпал некий заваливающий философ-марксист. Во-первых, его публикацию нельзя принимать всерьез. Во-вторых, главное в Новалисе его мироощущение и философия, пропущенные через поэтическую призму. Возьмите, скажем, стихи Новалиса о слиянии с Христом и Богоматерью.

— Помню, помню, — прервал Виктор. — Дурацкие переводы о жажде прильнуть к груди Богородицы...

— Я опять-таки не согласен с вами, что переводы Вячеслава Иванова дурацкие.

— Во всяком случае, у меня они ближе к истине.

— Сейчас я его умою, этого выскочку, — подумалось Макорецкому. — Вот как! Можно послушать? Только покороче.

— Пожалуйста, вот Иванов:

«Тоску сердец, Мария,
Бесчисленных внемли!

(тут не «тоску», а «тоске»! Внемлить можно тоске!)

Твои черты святые
Нам снятся в снах земли.
Дай мир нам исцеленья,
Дай радость отдохнуть,
Возьми в Свои селенья,
Прижми к себе на грудь!»

Какова последняя строчка! А? Товарищ Иванов не соблюдает падежей! А числится мэтром среди поэтов!

— Ну, хорошо — переждав новую волну хохота, сказал Макорецкий — а где же ваша трактовка?

— Моя? Вот она:

«К тебе, к тебе, Мария,
Из тысячи сердец
Сквозь жажды вековые
Летит души птенец.
Надеждою носимы
И жаждою томимы
Прильнуть к твоей груди.
Нас к Свету проводи».

— Ну что ж, неплохо, неплохо, — проскрипел Макорецкий. Однако вернемся к теме нашего семинара. Время поджигает.

— Разбередил меня этот мальчишка, — думал он по дороге домой. — И перевод у него, пожалуй, в самую точку. Далеко пойдут, если не сломает шею по дороге.

* * *

— Оксана, а вы как относитесь к Новалису? — спросил Виктор, когда группа покидала аудиторию.

— Я еще не совсем его понимаю, хотя чувствую в нем таинственное очарование...

— Вы абсолютно правы. Я прочел его «Фрагменты» и мне кажется, что не только стихи, но и философия поэтизирована содержащейся в ней тайной и недоговоренностью. Если бы мы могли побеседовать с ним, я уверен, что он отказался бы расшифровывать тайну своих афоризмов. Они потеряли бы свое очарование в его глазах.

Сейчас нет времени для разговора, но если вы согласны, я прочту вам некоторые из его высказываний и я уверен, что вы будете ими очарованы. Идет?

— Хорошо.

В её глазах он прочел искреннее любопытство. На занятии по латыни они сидели в аудитории 414, разделенные двумя рядами сокурсников. Виктор ликовал и уже представлял себе, как он будет покрывать поцелуями её шею, как будет ласкать её груди, и его мужское естество находилось в неистовом возбуждении. Он настолько рассеялся, что совершенно не слышал

преподавателя. Усилием воли он заставил себя не оглядываться, хотя был уверен, что временами Оксана бросает на него мимолетный вопрошающий взгляд. Так оно и было. Она была заинтересована, удивлена и даже поражена его эрудицией. По сравнению с остальной группой, где были и явные лидеры-отличники, Виктор стал выглядеть в её глазах величиной. Оказалось, что у него совершенно зрелая, взрослая система мышления. Ей даже показалось, что он вполне мог бы занять место за кафедрой.

Они подождали, пока группа разойдется, и медленно спустились вниз.

— А где вы живете? — спросила Оксана.

— В общежитии на Ленинских горах, а вы?

— Меня приютила моя двоюродная тетка Маша. Она мне выделила отдельную комнату и стучит, когда хочет войти. Всё время старается подсунуть кусочек повкуснее. Мы с ней отлично ладим.

— У меня впервые в жизни своя отдельная комната, туалет и душ общие. А телефон у вас есть?

— Конечно — 2457447, очень легко запомнить. А живем мы у Зубовского бульвара... Так что же вы хотели мне прочесть?

— Знаете, я хотел сначала стать поэтом. Стихи прямо кипели во мне, особенно в девятом классе. Они мне просто жить мешали. Потом я бросил школу, ушел на завод и там постепенно-постепенно приостыл. А когда готовился в университет, всё больше внимания обращал прозе. А всякие афоризмы я особенно люблю, хотя среди них попадаются и скучные и идиотские. Но хороший афоризм — это результат сгущения смысла и, на мой взгляд, афоризмы близки к хорошим стихам, потому что в стихотворении мысль тоже сгущается, становится более весомой. Ну и чувства тоже. Чувства даже в первую очередь.

— А вы можете прочесть наизусть?..

— Оксана, не торопитесь. Я выписал из Новалиса для себя пятьдесят три наиболее интересных высказывания и скажу вам, что если их подряд зачитать, то в голове получится каша. Лучше всего прочесть две-три мысли и обдумать, то есть воспринимать их примерно в том же ритме, как они создавались. Медленно, медленно — и мгновенно, как озарение.

Я вам приведу два афоризма, которые близки Новалису и Пушкину. Вот первое: «Гармония это тон, гениальный тон. Музыка имеет много общего с алгеброй»... Помните, у Пушкина Сальери поверял алгеброй гармонию?

И вообще, для Новалиса характерно представление о мире, как о высшей гармонии. Я понимаю его так, что искусство, поэзия вскрывают или выявляют скрытую в мире гармонию. Отсюда и таинственность, или тайна, или таинство, которые влекут к себе...

Слушайте, давайте перейдем на *ты*. Обращаясь на *вы*, я чувствую какое-то напряжение, скованность... Тебе не скучно, что я рассказываю?

— Ой, что вы! Что ты! Всё так удивительно интересно. Ничего похожего в учебниках не найдешь...

Они вошли в метро и направились в сторону Парка Культуры. В тесноте вагона они были прижаты друг к другу, и Виктор ощутил ток тепла сквозь ткань её пальтишка. В тот же миг всё его молодое тело затрепетало и возжаждало единения, слияния с другой жизнью. Боясь спугнуть свою спутницу неосторожным жестом или взглядом, он напустил на себя весьма небрежный и безразличный вид и продолжал:

— Вот еще одна мысль: «Всякий метод есть ритм, если кто овладел ритмом мира, это значит, что он овладел миром. У всякого человека есть свой индивидуальный ритм. Алгебра — это поэзия. Ритмическое чувство есть гений». Видишь близость с воззрениями Пушкина? Но главное здесь в первой фразе и это близко к воззрениям йогов о стремлении слиться с благодатным ритмом мира, возвысить дух настолько, чтобы он управлял телом.

— А вот предпоследняя мысль, которую я очень ценю: ...

— А потом будет последняя?

— Да, но позже. Так вот, предпоследняя: «Кривая линия есть победа свободной природы над правилом»

Оксана с удивлением взглянула на него.

— Не понимаешь?

— Пока нет.

— Ну... прямая линия всегда одна единственная между двумя точками и хотя она есть кратчайшее расстояние между ними,

она скучна и однообразна. А кривая — это целый мир. Она идет в любом направлении, она может сорваться с плоскости листа и превратиться в спираль, уйти в пространство, в космос. Представляешь?

— Боже, какой ты умный!

— И влюбленный.

— В кого же?

— В свою спутницу.

— Ты это... всем говоришь?

— Как ты можешь так плохо обо мне думать!

Возникла пауза, которая томила их обоих. Виктор опять боялся насторожить Оксану неудачным словом или поспешным прикосновением, а она была не на шутку встревожена столь быстрым развитием событий и боялась, что вот, уже близок подъезд её дома, и он, пожалуй, полезет целоваться и обниматься, а как она должна при этом себя вести? Ну да, они уже семь месяцев учатся вместе, но до этого ничего ведь не было. *Общее здравствуйте и до свидания.* И вдруг... Что именно «вдруг», она не смогла сформулировать.

У подъезда Виктор сказал:

— А теперь я хочу зачитать последний на сегодня афоризм Новалиса: «Взгляд, прикосновение рук, поцелуй, прикосновение груди, объятие — это ступени лестницы, по которой спускается душа, ей противоположна лестница, по которой тело восходит до объятия»

— Ты это сейчас сам придумал. Она засмеялась, но в смехе её ощущалась доля нервозности.

— Клянусь, чем хочешь — нет!

— Ну, пока. До завтра.

— Знаешь, что говорил в таких случаях поручик Ржевский?

— Это кто такой?

— Это герой скабрёзных анекдотов. Я с ним познакомился только в Москве. Слава о нем до нашего городка не докатилась.

— И что же он говорил?

— Мадемуазель, позвольте ручку поцеловать.

— Ничего скабрёзного в этих словах я не вижу.

— Вот я и повторяю за ним: «Оксана, позвольте на прощание ручку вашу поцеловать»

Не дожидаясь её разрешения, он склонился и она ощутила жар его губ. Жаркая волна покатилась от её запястья вверх, вверх до локтя и дальше, дальше к плечу и груди. Чувствуя, что перестает владеть собой, она отпрянула и немного резко отдернула руку, пискнув: «Всё-всё, пока». Она захлопнула дверь и, прижавшись к ней спиной, перевела дух. Потом медленно-медленно пошла к лифту.

— Какие у него губы, — подумала она. — Прямо как раскаленное железо. С ума можно сойти. Вот так, наверное, Демон погубил несчастную Тамару...

* * *

— Ты меня любишь?..

Он лежал на спине, а она на правом боку, прижавшись к нему каждой клеточкой своего тела. Его топчан был явно рассчитан на одного человека, и надо было экономить место.

— Ты меня любишь?..

Этот вопрос она задала, наверное, в сотый раз за последний месяц. Вначале он отвечал «люблю», или «конечно», или «разумеется». Потом он спрашивал в ответ: «А ты меня?», на что она с жаром отвечала: «Я тебя *очень* люблю!» и в доказательство дарила жаркий и длительный поцелуй. Потом это стало ему надоедать, и он довольно небрежно отвечал «люблю» и чем чаще она его спрашивала, тем небрежнее он отвечал. Чувствуя, что обижает её, и боясь, что она начнет плакать, он начинал злиться. Он уже устал от её любви. Всё чаще он вспоминал пушкинское «...но только утолим сердечный глад мгновенным обладаньем, Уж охладев, скучаем и томимся...»

Она уступила его сумасшедшему напору и полюбила, как любят впервые неиспорченные души. Пуританское воспитание привело к тому, что она отдалась ему, совершенно не ведая искусства любви. Так отдаются животные самки. Она ничего не умела, не понимала, что в ней происходит в минуты близости, а он, столь же неопытный, несмотря на бешеный темперамент, заботился только о собственном удовольствии. И вот теперь она

стала ему надоедать. Ему было неловко, потому что сначала он нетерпеливо ждал её прихода, чтобы наброситься на неё, как голодный волк на ягненка, но через час уже уставал от её общества. После любви он остро нуждался в одиночестве. Его будоражили мысли о причинности человеческих поступков, о несовершенстве человека, как источника всех бед на планете, о мессианстве литературы и прочее, и прочее.

Временами, словно очнувшись, он сознавал, что катастрофически беден и бесприютен в этом мире. Она тоже видела его жалкую одежду, его полуголодное существование, потому что родители ничего ему не посылали. Она-то жила припеваючи. Тетка Маша закармливала её, из заповедника регулярно приходили посылки то с лесными орехами, то с медом (да каким медом!), то с вареньями. Отец присылал ежемесячно деньги.

И тут она решила брать с собой из дома «завтраки», которые Виктор пожирал с жадностью зверя, не очень заботясь, что со стороны он выглядит весьма неэстетично. Оксана получала немислимое удовольствие, когда он расправлялся с её гостинцами. Качественная еда оказывала на него умиротворяющее действие. Он посматривал на подружку с улыбкой, иногда даже прижимал её к себе и называл Ксюшей. Она таяла от этих, редких теперь проявлений нежности и даже подумывала, что её любовь поможет ему достигнуть известности, а она останется в тени, но потом о ней вспомнят, как о близкой подруге (а, может быть, жене!) великого человека. Ведь была же у Чайковского покровительствующая и любящая его миллионерша Фон Мекк. Ей, конечно, не сравниться с Фон Мекк, но ведь и Виктор Логинов — не Чайковский...

Кончилась летняя сессия. Оксана стала собираться на каникулы домой и умоляла Виктора ехать с нею. От этого настойчивого приглашения он отказывался всеми силами. Не то, чтобы его беспокоила некая двусмысленность положения, которая могла возникнуть в окружении её семьи — то ли товарищ, то ли жених... Нет. Его совершенно не прельщало видеть её каждый день подолгу. Притом общаться с её друзьями, вести натужные беседы с её родителями, соблюдая этикет. Нет, это не для него. Он решил остаться в Москве, поработать репетитором, походить в библиотеки и почитать всласть. Ему нравилась солидная

тишина читального зала Ленинки и, кроме того, он сделал себе справку для пользования литературой, хранящейся в закрытом фонде.

Она плакала, расставаясь с ним на Курском вокзале, он её утешал, впрочем, довольно холодно, поезд тронулся, они помахали друг другу, и он с облегчением двинулся в свою келью на Ленинских горах, которые давно уже называл Воробьевыми.

* * *

Евгения Герциг, девица двадцати двух годов, немного гордилась своей работой в самой главной Библиотеке страны, хотя гордиться особенно было нечем. Женя обслуживала посетителей, помогала найти литературу по предметному или авторскому каталогу, заказывала микрофильмы для тех, кто желал ознакомиться с литературой ограниченного доступа. Работа у неё была тихая и неспешная, она часто успевала в течение рабочего дня подготовиться к занятиям в институте. Если же заниматься уроками не хотелось, она читала или рассматривала читателей и гадала, кто из них кто, или, менее благозвучно для русского уха, — *who is who*.

Женя была красива и стройна. Читатели-мужчины с удовольствием останавливали взгляд на её широко расставленных зеленых глазах под темными бровями и охотно отвечали на её белозубую улыбку. Она привыкла к немного легкомысленному тону подшучиваний и заигрываний и вообще считала, что мир мужчин намного интересней мира женщин.

Появление Виктора в читальном зале прошло бы незамеченным, если бы он не обратился к ней с просьбой о выдаче работы Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра». Уж очень несолидно выглядел читатель для такого серьезного запроса. Ницше в стране не переиздавали, наверное, со времен НЭПа. Особенно строго относились к нему после войны, когда наши заявили, что Ницше, умерший аж в 1900 году, был идеологом фашизма.

— Ницше у нас микрофильмирован. Допуск у вас есть?

Посмотрев справку, выданную университетом, она зауважала Виктора (надо же, такой молодой и такой серьезный) — Подождите минут десять, я закажу микрофильм.

Через десять минут она провела Виктора в темную комнату, помогла поставить пленку и удалилась, оставив после себя легкое облачко французских духов.

— Молодой, но углубленный в себя, сосредоточенный, — подумала она снова, возвращаясь к своей конторке. В университете учился... Наверное, отличник...

Виктор так долго сидел, не подымаясь, над Ницше, что она отвлеклась и совершенно забыла о нем. Часа через три он появился и, когда он протянул ей микрофильм, спросила:

— Будете еще читать, или сдать пленку в хранилище?

— Спасибо, я уже дочитал до конца. Можно сдать.

— Так быстро?

— Я вообще быстро читаю, пятьсот-шестьсот страниц в день.

— Врет, небось, — подумалось ей, и она испытующе взглянула ему в глаза. В тот же момент Виктор словно проснулся и увидел, как хороша его случайная собеседница. Высоковольтная искра проскочила между ними. Она вдруг ощутила, как заинтересованный взгляд его голубых в синеву глаз крохотными иголочками прошелся по её векам и губам.

— Экстрасенс он, что ли? — с веселым ужасом подумала она и тут же услышала его вопрос:

— Как вас зовут?

— Евгения.

— Чую, Евгения, присутствие гения!

— Это кто же здесь гений? — с вызовом спросила она, недовольная грубым каламбуром.

— Конечно же — вы. Не зря ведь сказано: «Передо мной явилась ты, как гений чистой красоты». А если бы Пушкин написал «Передо мной явились вы в читальном зале среди Москвы», согласитесь, стихотворение сильно проиграло бы и в эстетическом, и в эмоциональном плане.

— Чертовщина какая-то — вздрогнула Женя. — Да ведь он — вылитый Пушкин! Если удлинить волосы и отпустить бакенбарды, сбрить эти пошлые усики... Булгаковщина. Воланд вернул Александра Сергеевича с того света. Ой, что это со мной? Я пропала! Пропала!

Когда их взгляды снова встретились, Виктор спросил почти шепотом:

— Когда увидимся?

— Я довольно плотно занята. Учусь на четвертом курсе Библиотечного и здесь работаю почти каждый день. Вас зовут Виктор?

— Виктор Логинов. Я живу в общежитии на Воробьевых горах. Вот мой телефон. Скажете, чтобы позвали Логинова из комнаты 816 «В».

Он черкнул телефон и свой профиль характерным угловатым почерком, который было невозможно не узнать и который в силу генетических причин дается человеку, как отпечатки пальцев.

— А вам позвонить можно?

— Вот... возьмите. — Она торопливо протянула ему библиотечную карточку. К её столу подходил очередной посетитель. — Звоните лучше всего в субботу после десяти утра.

* * *

Перед длинным путем в общежитие Виктор забежал в туалет знаменитой библиотеки. И сюда проник площадной юмор. Стены и дверь были щедро исписаны любителями граффити. Поперек двери синей пастой был изображен огромный член и краткий энергичный призыв — «Дрочи!!!». Ниже плаксиво жаловался интеллигент: «Какое безобразие! Эти гадости пишут либо больные, либо развратники». Стишок справа заинтересовал Виктора:

«Писать на стенах туалета
Тенденция совсем не новая,
Но как же быть, е... мать,
Раз только здесь свобода слова!»

— Замысел неплохой, но форму нужно поправить, — подумал Виктор и, вытащив карандаш, написал:

«Закрыться от людей дверьми
И пачкать стены уж не ново.
Но что же делать, черт возьми,
Коль только здесь свобода слова!»

* * *

Они встретились между колоннами Большого театра в тот час, когда толпа зрителей еще не вливается в широко разпахнутые двери, и направились к Кузнецкому мосту. Первые минуты они еще чувствовали неловкость и спрашивали друг о друге с немного смущенными улыбками. Евгения была заметно выше Виктора, тут еще и каблучки помогли, так что он старался идти чуть поодаль, но тут она перехватила инициативу и властно взяла его под руку, сказав:

— Ну, всё. По анкете мы с вами прошлись. Переходим на ты. Я ужасно до чего любопытна. Ты ведь на третьем курсе университета? Скажи, почему ты вдруг заинтересовался Ницше?

— Меня увлекла тема германской афористики, и я собираюсь сделать доклад на кафедре совместно с доцентом Прибыловым. До этого я изучал произведения Новалиса и нашел там много интересного. Тогда я и предложил Прибылову совершить исторический экскурс в плане развития идей, явленных в афоризмах. Он был очень доволен, но поставил жесткие сроки и теперь мне придется пахать и пахать без остановки всё лето, потому что осенью придется грызть науки и сдавать зачеты.

— А есть ли у тебя интересненькое, чтобы развлечь девушку?

— Конечно. Вот, к примеру, — «Всякое очарование — это искусственно возбужденное безумие. Всякая страсть — это очарование. Прелестная девушка есть более действительная волшебница, чем это думают»

— И все афоризмы по поводу очарования девушек? — хихикнула Женя.

— Нет, есть и о поэзии, и о языке, и о жизни и смерти. Мне, к примеру, очень нравятся такие фразы: «Мы одновременно внутри и вне природы», или «Язык это Дельфы», это вообще потрясающая мысль, или — «Художник непременно трансцендентален».

— А кто тебе кажется сильнее в изречениях — Новалис или Ницше?

— Ну, это совсем детский вопрос. Что будет, если слон нападет на кита? Потом, я еще мало читал Ницше. Вот в этой книге о Заратустре... Там, правда, очень много невразумительных мест,

по моему мнению. Знаешь, как у этого средневекового астролога, черт, вылетело из памяти, как его звали.

— Нострадамус?..

— Да, Нострадамус. Я учусь с правнуком Льва Толстого, он мне притаскивал книжицу астролога. У них дома потрясающая библиотека. Я читал и изумлялся, как можно в этой стихотворной мешанине отыскать зерно истины! И главное — там в основном микрособытия в некоем занюханном княжестве, которое давным-давно исчезло с геополитической карты, а разные умники утверждают, что он предсказал и Октябрьскую революцию, и приход Гитлера и вообще всё, что будет с человечеством.

— Хочешь анекдот? Я довольно часто бываю в одном доме, там замечательные люди собираются. Диссиденты и сочувствующие. Так вот, один врач сказал: «Патриарх всея Руси, сопоставив текст Апокалипсиса и работу Ленина «Государство и революция», пришел к выводу, что конец света возможен в одной, отдельно взятой стране».

Виктор улыбнулся:

— Коммунистическая партия обречена, потому что всё внутри нашего государства сгнило. Осталась лишь оболочка, видимость. А твои диссиденты следуют советам Заратустры, который наставляет учеников: «О братья мои, разве я жесток? Но я говорю: что падает, то нужно еще толкнуть!» Я не хуже Нострадамуса могу тебе предсказать, что когда коммунистов свалят, начнется некрасивая драчка по дележу огромного пирога, и нам с тобой мало что достанется, потому что я и ты, наверняка, не захочешь принимать в этом участия. А я, вот, тебе подарю анекдот куда остроумнее: «Судья говорит подсудимому: «Вас обвиняют в шарлатанстве. Вы продавали доверчивым людям эликсир вечной молодости. Раньше были под судом? — Да, был, — в 1451, 1639, 1893 и 1904 годах».

— Потрясающе!... А знаешь, на кого ты похож? Вот если тебе...

— Знаю! — оборвал Виктор, и по тому, как он нахмурился и напрягся, она ощутила, что продолжать эту тему ни в коем случае нельзя.

Они обогнули недоброй памяти здание напротив станции метро «Дзержинская» и направились мимо Политехнического

музея к бульвару у Ильинских ворот. Женя купила шоколадного мороженого в вафельных стаканчиках и они присели невдалеке от памятника героям Плевны. Она украдкой наблюдала, как он крепкими белыми зубами откусывает мороженое, и её пронзила мысль, что он просто хронически не доедает. «Какая я дура, — подумала она. — Он же иногородний, живет в общежитии и на стипендию. Подработок никаких или случайные... Надо везти его домой и накормить, хотя у меня самой в холодильнике пусто. Ну, ничего. Сейчас купим пельмени, зелени, что-то из консервов осталось. Пора к родителям навеститься. И надо попросить папу дать Виктору работу по переводу технических статей с английского или немецкого.

— Ты английский знаешь? — спросила она.

— *Sure*.

— Моему отцу нужен помощник, который переводил бы ему разные научные статьи с английского. Я с ним переговорю. Можно неплохо заработать.

— Давай! — ответил он с энтузиазмом. Деньги — вещь хорошая, когда они есть.

— И вот что — продолжила она деловитым тоном. Сейчас поедем ко мне. Я уже есть хочу, а ты составишь мне компанию. Идет?

— *О'К!*

— Зверя сначала кормят, а гладят уж потом, — подумала она. — Вот только вина я не припасла. Ладно. Обойдемся.

* * *

Пока ехали в метро, в грохоте поезда говорить не хотелось. Они лишь обменивались взглядами и улыбались. Женя жила в пяти минутах ходьбы от метро «Семеновская». Они вошли во двор и поднялись на третий этаж огромного дома, построенного еще до знаменитых «хрущёб», где, по выражению одного из московских остряков, пол почти соприкасался с потолком. Нет, здесь высота потолка была метра три, не меньше! Женя одна занимала двухкомнатную квартиру, которую родители оставили ей, переехав в кооператив. Хотя Виктор намеревался поцеловать свою знакомую при входе в жильё, он совершенно оробел в прекрасных, хорошо обставленных апартаментах. Одна кухня была

больше его кельи на Воробьевых горах. Первым делом Женя полезла в стенной шкаф и протянула ему большое и пестрое махровое полотенце, приказав строгим голосом принять душ. Ванная комната тоже показалась Виктору огромной. С внутренней стороны почти во всю дверь было встроено зеркало, так что, раздеваясь, он смог, наверное, впервые в жизни созерцать себя во всей красе. Когда он вернулся в кухню, ужин был готов. Стол был накрыт, как в ресторане. В центре стола дымились пельмени, на отдельной тарелке были нарезаны зеленые огурцы, на блюде стояла банка сайры и рядом лежали тонкие ломтики лимона, в глубокой мисочке была подана густейшая сметана к пельменям («На рынке купила», — обмолвилась Женя), в двух бокалах пузырилась минеральная вода.

— А ты у нас, оказывается, буржуйка! — воскликнул Виктор. Хорошо, что я успел с тобой познакомиться до экспроприации!

— Садись быстрее и не мешкай! Пельмени со сметаной хороши, пока горячи! — прикрикнула Женя, а ему жуть до чего понравился этот шутливо начальственный тон. Он сделал вид, что испугался, а она живо вывернула в его тарелку половину пельменей и сверху кинула огромный ком сметаны. — Ешь и молчи. Я с детства помню: «Когда я ем, я глух и нем!»

Но молчание им не удалось. Радость молодости и предвкушение близости рвались наружу, выражаясь в острых коротких репликах, подначках, немотивированных усмешках, пожиманиях плечами, гримасах непомерного ужаса и непомерной радости.

После еды Женя повела его в спальню и, приказав подождать её пару минут, ушла в ванную. Вернулась она в яркосинем халате и, вопросительно посмотрев на Виктора, тихо сказала: «Может быть, поцелуемся?» Теперь, без каблучков она была всего сантиметра на три выше. Виктор ринулся к ней и, обхватив её талию, впился в неё жаждущими губами. «Ого, вот это темперамент!» — она перевела дыхание. — Ну, что же, сэр Логинов, поухаживайте за дамой... Осторожнее, не спешите. Раздевание — это тоже процесс...

Виктор никак не ожидал, что она будет командовать и в постели. Его представления, воспитанные хамоватой школьной средой, а потом на заводе сводились к тому, что «он должен быть стальной и огромный», а все остальное получится само собой. И

вдруг оказалось, что женщина тоже желает получать наслаждения от любви, и знает, как это делать, и учит его, неопита, не стесняясь называть вещи своими, хотя и научно дозволенными именами. Более того, оказалось, что окончание процесса совсем не означает окончания. Оказалось, что в перерывах необходимо развлекать даму, смешить её и всячески добиваться её симпатии. За одну ночь Виктор прошел школу секса, о которой до того не имел ни малейшего представления.

Одна лишь вещь омрачала его праздник жизни. Он у неё не был первым, и это его злило ужасно, тем более, что он, вроде бы, не имел права показывать свою злость и невоспитанность в гостях. Однако, когда они утром сели в метро, он помрачнел и стал весьма холоден с подругой. На её тревожный вопрос, хорошо ли он себя чувствует, он сквозь зубы ответил, что чувствует себя физически прекрасно, а морально ужасно. На вопрос, в чем же дело? он не ответил, лишь в довольно вызывающей форме спросил: «Кто у тебя был до меня?»

— Ах, вот оно что! — она надменно выпрямилась и оказалась на высоте в прямом и переносном смысле по сравнению с ним. — Я, бедная, забитая девушка должна была до двадцати одного года сидеть и ждать, пока сэр Логинов смилостивится и заметит меня. Ты из какого столетия к нам приехал, из какого города? Тьмуторокани, где во тьме одни тараканы и люди моются два раза в жизни — после рождения и перед свадьбой! Знаешь, что... Мой первый мужчина был красив и статен, как граф Воронцов, слышал о таком? Он был умен и талантлив, он был женат, он был доцентом на кафедре физики твердого тела. И он любил меня. Потом его за антигосударственную деятельность судили и посадили в психушку. А ты... Знаешь что... пошел ты... Она употребила простонародное словечко и отвернулась.

Виктор был смущен. Нет, он был смущен и раздавлен. Действительно, что ли? — он выполз, как червяк из навоза, и грязно оскорбил эту чистую и красивую девушку, которая подарила ему воистину волшебную ночь. Что делать? Как ему вернуть её любовь? Да и любила ли она? А он любил? Может быть, просто гнался за наслаждением и получил его? Однако стоять рядом с ней и созерцать её спину невыносимо. Он развернулся и молча вышел на ближайшей остановке.

— Интересно, — думала Евгения, подходя к зданию библиотеки, — это хамство у него в крови или же результат влияния среды? Отец — фрезеровщик, мать — швея, школу бросил, пошел на завод... Где он мог приобщиться к культуре отношений? А если предположить, что в нем сидят гены Александра Сергеевича... Пушкин с кем только не спал. Да еще и хвастался перед друзьями. Непонятно, как можно создать шедевр «Я помню чудное мгновенье...» и немного времени спустя писать другу, что, мол, я с божьей помощью отодрал Анну Керн. Это ж ни в какие ворота! Хотя великому поэту всё можно простить, а вот, Виктору Логинову прощать хамства не хочется.

— Что же с ним делать? — Ей хотелось быть женщиной, принимать знаки поклонения и восхищения, а тут пришлось учить и наставлять, преподавать практический секс. И зачем она потащила его в постель? Покормила бы и отправила с богом. Пожалела или пожелала? А если бы помучила его, заставила поухаживать?.. Ну, какой из него ухажер? — Маленький оборвыш, ни кожи, ни рожи. Ум, правда, блестящий, острый. С ним, пожалуй, со временем будет очень интересно, но этого нужно ждать и ждать, а молодость — она ведь сегодня и сейчас!

— Так что же мне с ним делать? — Она уже сидела за рабочим столом. Ладно. Пусть одумается и позвонит. А я посмотрю, стоит ли продолжать отношения.

* * *

Письмо.

Дорогая Елена Владимировна. Пролетело почти два года, как ваш друг Андрей навестил меня в Москве. Сколько воды утекло с тех пор! Я теперь достаточно свободно говорю на английском, с немецким похуже, его еще нужно шлифовать. Почти каждый день поддерживаю форму — либо сижу в лингвистическом кабинете, либо стараюсь слушать зарубежное радио. В отличие от вещания на русском, которое безжалостно глушат, иностранные языки вполне прослушиваются. Многие увлекаются политической информацией, весь день спорят, кто станет новым генеральным секретарем, изменится ли внутренняя политика, дадут ли свободу печати, собраний и

прочего. Мне всё это малоинтересно. Вот, если бы обсуждали развитие мира в целом, старались понять исторические закономерности... А Россия... Жители больших городов продолжают мыслить великодержавно, совершенно не понимая, чем живет и дышит остальная, отсталая часть страны. Мне же кажется, что кроме смертоносного оружия, накопленного в количестве, превышающем все разумные нормы (что как раз и свидетельствует о тупости власти), России бравировать нечем. Вот, если бы удавалось поддерживать имидж высокой культуры, интеллекта. Такие претензии были весьма модны в девятнадцатом веке, когда говорили об избранности России, её мессианстве. Этому, конечно, способствовало появление литературных и музыкальных гениев. А теперь, после шестидесяти восьми лет страшного падения нравственных начал в народе, после политических тюрем и психушек для инакомыслящих Россию, по моему мнению, ожидает эпоха разочарования и неверия в собственные силы.

Скажите мне, ради Бога, в кого или во что мне верить, или вернее — чему сохранять верность? Не семье, которой до меня нет дела, и уж, разумеется, не государству, которое, как говорил Ницше, лжет на всех языках о добре и зле. Правителям, отцам-командирам? Их единственное право есть право на бесчестие, которое они купили у Сатаны в 1917 году.

Знаете ли, я, скорее всего, эгоцентрист. Мне нет дела до страданий народа, который согласен терпеть позорящую его власть в течение почти 70 лет без единой попытки изменить свою жизнь, хотя бы ради уважения цивилизованных соседей.

Теперь чуть-чуть о планах. Годы пребывания в университете скоро закончатся, и я намерен продлить свое присутствие в его стенах, поступив в очную аспирантуру. Пока мои успехи вселяют в меня надежду. Вопрос лишь в том, не предпочтут ли другого из конъюнктурных соображений. У меня, как понимаете, лишь один плюс — пролетарское происхождение.

Я наметил себе в будущем заниматься творчеством Голдинга. Надо еще убедить в интересности темы моего будущего руководителя. Вам смешно? — «...великим быть желаю... и много обещаю. Исполню ли — бог весть...» Возможно, еще до Нового года мы с доцентом Прибыловым направим в журнал

статью «Некоторые аспекты развития философских идей, отраженных в афористике Германии в XVIII–XIX столетиях». Первый оттиск — вам!

С любовью и уважением, Виктор

* * *

Прошло две недели, а Виктор так и не позвонил. Женя ловила себя на чувстве всё усиливающейся досады. Какой-то сопляк, на которого свалилось неожиданное счастье (а она была уверена, что дарит счастье людям, которым благоволит), посмел обращаться с ней, как с подстилкой. Ни благодарности, ни обожения... Теперь у неё возникла навязчивая идея вернуть упряма и заставить его понять, что он — ничтожество, случайно удостоенное царской милости. Повод у неё был. Она переговорила с отцом, чтобы подкинуть работу Виктору и вот, спустя две недели после их внезапного расставания, она набрала телефон общежития.

— Я обещала тебе найти халтуру и нашла. Если ты не раздумал, давай встретимся на Арбатской в центре зала через час и заедем к моему отцу. Я тебя сведу с ним, получишь материалы на дом. Если хорошо исполнишь, получишь еще и так далее. Станешь богатым, вспомнишь меня добрым словом, — она рискнула осторожно пошутить.

— Хорошо, — ответил Виктор и повесил трубку.

— Нахал, не имеющий представления, как следует обращаться с женщиной, — подумала она. Вот что значит — провинция. И к власти у нас приходят такие же бесцеремонные провинциалы. Мы, изнеженные интеллигенты, ничего не можем противопоставить их наглому напору. Они даже не догадываются, что у человека могут быть разные, мешающие жить комплексы...

Отец Евгении сидел за работой. Увидев вошедших, он встал и протянул Виктору горячую, энергичную руку: «Герциг».

— Так, — сказал он через пару секунд, — у меня куча дел, готовимся к международному симпозиуму. Вот, Виктор, пара

статей, которые нужно перевести за неделю. Желательно, конечно, сделать на компьютере, но как я подозреваю, у вас его нет, так что найдите машинистку, пусть она отпечатает текст, а я оплачу работу. Такса у нас такая: печатный лист стоит сто восемьдесят рублей, ввиду того, что работа срочная. Согласны?

— Согласен.

— Да, кстати, возьмите для переводов электротехнический и физический словари, чтобы не было ошибок с терминологией. Если трудность — звоните, — он протянул визитную карточку. Евгения, там мама наготовила тебе сумку продуктов, не забудь забрать. Если хотите перекусить, поройся в холодильнике. — Отец погрузился в расчеты, не обращая внимания на пришедших.

Женя взяла тяжеленную сумку с продуктами и бесцеремонно протянула её Виктору: «Держи, донесешь до дома. Женщине не положено таскать такие тяжести. Папа, мы пошли. Пока. Я позвоню вечером».

В метро они почти не разговаривали. Виктор просматривал текст статей и прикидывал, где взять время на перевод. Лето кончалось. Совмещать занятия с исследованиями и приработком было чрезвычайно трудно. Он решил, что урежет свой сон на час и таким способом выиграет семь часов в неделю. Если не растекаться мыслью по древу, можно всё успеть во-время.

— Если успеешь сделать перевод в срок, позвони мне — она словно прочла его мысли. У нас будет встреча с нашим любимым бардом Казбеком. Меня уже пригласили, и я могу взять тебя с собой.

Перед подъездом Виктор попытался при прощании задержать руку Евгении ради поцелуя, но она не позволила ему сделать рыцарский жест, лишь холодно отдернула руку и схватила сумку, добавив лишь: «Спасибо, что донёс. Звони, если любопытно познакомиться с Казбеком».

* * *

В огромной гостиной на четвертом этаже старого, еще дореволюционной постройки дома, что стоит в переулке с загадочным для непосвященного названием Сивцев Вражек, собралось

человек тридцать, не менее. Когда Женя с Виктором вошли, общество уже разбилось на группы. Многие курили, в том числе и женщины. Дым стоял коромыслом. На столе, придвинутом к стене, стопками громоздились тарелки, бутерброды с килькойпряного посола, с ломтиком крутого яйца и перышком зеленого лука, нарезанные маринованные огурцы и моченые яблоки. Бутылки водки разных сортов стояли здесь и там, видно гости захватывали их по дороге, где придется. Хозяин, огромного роста с копной непослушных волос и внушительной бородой (ну прямо вылитый Волошин) обнял новоприбывших за талию и подвел к столу, сопроводив свое «Угощайтесь!» щедрым взмахом руки. Женя положила на тарелочки по два бутерброда и соленья, приказав Виктору наполнить водкой рюмки.

— Я водку не пью, — вполголоса сказал Виктор. — Я с детства её ненавижу, когда еще отец приходил домой с завода на бровях.

— Не хочешь, не пей — ответила Женя, просто держи рядом. А я с удовольствием глотну для улучшения настроения. А вот, гляди, стакан и бутылка минералки. Налей себе, пока не выпили.

Они подошли к одной из групп, уловив обрывок цитаты из Солженицына: «...Вот до чего мы озверели».

— И до чего мы озверели? — спросила Женя.

— Тут Александр Борисович привел отрывок из «Архипелага Гулаг», — охотно пояснила небольшого роста женщина в тяжелых круглых очках. Из-за сильной близорукости она наминала рыбку-телескоп, которую любители часто разводят в аквариумах. — Молодежь, конечно, уже давно прочла «Архипелаг» в зарубежном издании, не так ли?

— Я эту книгу Солженицына не читал, — ответил Виктор. Я знаком лишь с публикациями в «Новом мире».

— Не читали! — всплеснула руками близорукая. — Как можно, быть интеллигентным человеком и не жаждать прочесть эту книгу, тем более живя в Москве.

— Откуда вы, молодой человек? — со снисходительной насмешкой спросил Александр Борисович, случайно не из Урюпинска?

— Такого города я не знаю, — спокойно ответил Виктор, заметив на лицах окружающих веселое оживление. — Меня больше интересуют не современные политические проблемы, которые стареют и уходят в прошлое, меня интересуют проблемы вечного и отношение временного к вечному.

Желая помочь Виктору справиться с ситуацией, Женья сказала: «Виктор — филолог. Он сейчас работает с трудами Новалиса, Ницше и других немецких философов. Готовит работу о проблемах афористики...»

— Ницше, оказывается, философ? — неожиданно перебил Женью Миша Галантер, известный в этом кругу, как выдающийся физик-теоретик и даже претендент на Нобелевскую премию.

— А разве нет? — озадаченно спросило сразу несколько голосов. А как же расценивать его знаменитую книгу «Так говорил Заратустра»? Разве это не шедевр философской мысли?

— Разумеется не шедевр! Более того, это пародия на Библию, причем пародия жалкая. Вместо всемогущего Врага человеческого — какой-то полоумный учитель натурфилософии, прибавляющий частицу «не» ко всему положительному человеческому опыту. Хотите пример?

«Поистине (Узнаете голос Христа: истинно говорю вам...?)... Поистине люди дали себе всё добро и всё зло своё. Поистине, они не заимствовали и не находили его, оно не упало к ним, как глас с небес». Банальность на банальности!

— Я знаю цитаты куда сильнее, — парировал Виктор:

«И не иначе умели они любить своего Бога, как распяв человека!... Знаками крови писали они на пути, по которому они шли, их безумие учило, что кровью свидетельствует истина.

Но кровь — самый худший свидетель истины, кровь отравляет самое чистое учение до степени безумия и ненависти сердец». — Не есть ли это предсказание гражданских войн, сопровождающих все великие революции? Да, он анти Христос в том смысле, что рай и ад находятся на земле, а не на небе, и в силах будущего Человека установить на земле рай.

— Опять банальность, — перебил Галантер. — Кстати, спутниковая связь в направлении будущего рая уже сделала в миллион раз больше, чем все ваши болтуны-философы вместе взятые.

— А я не согласна, что вы называете Ницше анти Христом, — возразила рыбка-телескоп. Он был поэт и музыкант, он был очень чистый человек и очень ранимый, как Кафка.

— Причем здесь его личные качества? — возмущился Галантер. Важно, что он написал про Христа: «И он сам недостаточно любил: иначе он меньше сердился бы, что не любят Его».

— Миша, давно ли ты стал апологетом христианства? — спросил Александр Борисович. Ты же, в лучшем случае, мист!

— Не шейте мне монизм, господин Венявский, не шейте. Я простой советский физик и больше всего на свете люблю дилетантский трёп.

— Ладно, оставим это, — сказал Александр Борисович. У меня, вот, только один вопрос к молодому человеку. Вас ведь Виктором зовут? Вы сказали, что вас больше волнуют проблемы вечного. Это вызывает уважение к вашему увлечению, но кажется странным, если учесть ваш возраст.

— Ничего, с годами этот недостаток проходит, — бросил кто-то, проходя мимо с полной рюмкой.

Александр Борисович досадливо поморщился.

— Так вот. В вашем возрасте скорее понятно было бы желание восстать, идти на площадь. Вы смогли бы выйти на площадь?

— В 1825 году лучшие люди России уже выходили на площадь.

— И что же! Слава им! Они ведь от освобождения крестьян только проиграли бы. А слава ведь такая сладкая штука!

— Я считаю, что им повезло, что они проиграли, — ответил Виктор.

— Ну, это уже ни в какие ворота! — развел руками Венявский. — Не затруднитесь ли пояснить, что вы имеете в виду.

— А то, что если бы Пестель сел диктатором, то пролил бы моря крови в духе Французской и Октябрьской революций. Ничего, кроме диктатуры такой переворот не сулил. И никаких свобод он народу не дал бы. Да народ и не взял бы свободу из его окровавленных рук. Это был бы Бонапарт с азиатскими замашками.

— А вы, случайно, не толстовец? — спросил с ехидством Галантер.

— Нет, я просто студент МГУ, — спокойно ответил Виктор.

— Ты — молодец! — прошептала Женья ему на ухо. — Ты сражался на равных с этими яйцеголовыми!

Но вот, наконец, раздался долгожданный звонок и хозяин полетел к двери, приговаривая «*это он! это он!*». Знаменитость вошла с устало презрительным выражением лица, вяло возрадила против жалкой закуски и так же вяло опустилась в деревянное полукреслице, осторожно прислонив к нему чехол с гитарой. Тотчас избранные среди приглашенных обступили гостя с заискивающе нежными лицами и стали полупшепотом задавать сладкие вопросы о творческих планах. В разгар этой интимной беседы из кухни появился хозяин с открытой бутылкой «Алазанской долины» и хрустальным бокалом в поднятых руках. Кружок расступился, и хозяин заискивающим тоном спросил: «Казбек Акакиевич, не откажите отведать вина...». Казбек поднял глаза и едва заметно кивнул. Хозяин торжественно наполнил три четверти бокала, пока одна из дамочек подбежала с тарелочкой, а её друг подбежал с табуреткой. И вот, блюдечко легло на табуретку, Казбек пригубил вино и поставил бокал на тарелочку.

— Суется, как у постели умирающего, — процедил Виктор.

Разумеется, он не раз слышал записи знаменитого барда и некоторые ему нравились, но возникшая на его глазах суета вызывала отвращение, а холодно-презрительный взгляд барда воспринимался им, как вызов.

— Зачем приходите к людям, которых презираешь, — думал он. — Что тобою движет? Жажда популярности? Так ты уже давно считаешься классиком. Даже романы пишешь. Интересно, твой князь М. и поэт М. это прототип одного и того же лица или авторская выдумка с известной фамилией?...

Тем временем гитара была торжественно-медленно извлечена из чехла, кружок опекающих растаял, и Казбек бегло прошелся по струнам, прикинув большим волосатым ухом к поющей подруге. На его худощавом лице вдруг возникла нежность, и он запел вполголоса песню о Высоцком. Пока он пел, хозяин сердитым шепотом передал по кругу, чтобы никто не смел аплодировать, Казбек этого не любит. Песни следовали одна за другой. Казбек неторопливо пригубливал вино, время от времени,

задумчиво перебирал струны. И Виктор внезапно понял смысл строк «Ты — царь, живи один...». Он понял противоречивое желание творца не смешиваться с толпой и в то же время досадное чувство его зависимости от толпы.

— Как верно сказал Ницше: «В мире самые лучшие вещи ничего не стоят, если никто не представляет их...».

— Ты это о ком? — спросила шепотом Женья.

— Так. Пришло на ум.

— А все-таки?

— Понимаешь, у Казбека, как я думаю, много хороших добрых друзей, почитателей, которые вот уже двадцать с лишним лет популяризуют его творчество. Он, как бард, никому не перешел дорогу, не захватил место, главную роль в спектакле, не был соперником. Поэтому богема его любит, а в тайне чувствует своё превосходство. Его песни это ведь не выдающиеся арии из опер, а его стихи — это не пастернаковские шедевры. И после его смерти, которая уже близка в силу его возраста, друзья быстренько поставят ему памятник. А вот, у Ахматовой до сих пор нет памятника и, наверное, еще не скоро будет.

— Ты ему завидуешь, что-ли?

— Я не завидую ему. Я смог бы написать стихи не хуже, если не лучше. Про романы не скажу. Я завидую тому, что у него есть друзья, а у меня никого почти нет. Чистенькие и благополучные мальчики и девочки общаются со мной только на занятиях. Я плохо одет, плохо подстрижен, от меня, может быть, пахнет, как от мужика после сенокоса. Я некрасив и небольшого роста. У меня нет своего угла. Я им не ровня... Я иногда задумываюсь о том, как сложилась бы судьба великого поэта, скажем, Лермонтова, будь он так же беден и неприкаян, как я... Что-то я слишком разболтался сегодня...

Тут Женья почувствовала, как в её горле закипают слезы сострадания к такому умному не по годам парнишке. Женская щедрость на сочувствие заставила её обнять его за плечи, прижать к себе, и так они, обнявшись, и вошли в подъезд её дома. И всю ночь она была с ним ласкова, словно мать, и ублажала его всей щедростью своего молодого, горячего тела.

— Знаешь, когда мы смотрим в прошлое, это все равно, как исследовать объект под микроскопом. Верхний слой виден четко,

а дальше всё размывается, вот уже и контуров не видно, только цветочные пятна,... — он сидел за кухонным столом и ждал, пока она приготовит омлет с сосисками. — Я вот к чему. Смотрел один интересный журнал и там датировка скульптур. Так вот, первые примитивные скульптуры датируются от двадцати восьми тысяч до двадцати трех тысяч лет до Рождества Христова. Представляешь, — пять тысяч лет разница в датировании. А скульптуры с натуральным размером головы и реалистическими чертами лица датируются семь-шесть тысяч лет назад, то есть разница в тысячу лет. Дальше. Стоящие фигуры из Месопотамии со стилизованными бородами и увеличенными глазами относят ко времени 2700-2600 лет до нашей эры, то есть разница всего в сто лет. Римский скульптурный портрет уже датируется в пределах одного столетия, а, скажем, работы Микельанджело мы можем датировать с точностью до одного года или даже месяца. Ну, тут уже пошла письменная история...

— Ничего удивительного, — она уже нарезала хлеб и пододвигала ему тарелку с омлетом. — И в жизни так же. Сегодня и вчера помним ясно, неделю назад уже неточно, а десять лет назад — одно событие из тысяч и то, если выдающееся. Тоже как бы не в фокусе.

Они разбежались по делам на станции Арбатская, и Виктор подумал, что ему здорово везет с девчонками.

* * *

Сентябрь выдался теплым. Елена Владимировна уже планировала побродить в выходные дни по паркам, но в четверг Андрей вернулся с работы и сказал, что в понедельник едет в Москву на неделю, и тут же предложил ей взять отпуск за свой счет и поехать с ним.

— Давай остановимся у моей двоюродной сестры Тони. По-видимому с Виктором, ходим в музей... Говорят, в Доме Художника регулярно идут прекрасные персональные выставки, там же и новая Третьяковская Галерея. Есть что посмотреть.

— Ты знаешь, я бы хотела сделать подарок Виктору, например, купить ему хороший костюм. Я уверена, что он ходит в обносках.

— А как у нас с деньгами?

- Денег у нас скопилась куча. Больше двух тысяч.
- С ума можно сойти! Откуда?
- Разумное ведение хозяйства. Знаешь, что такое экономика? В переводе с греческого это означает умение вести дом, то есть хозяйство.

* * *

«Красная стрела» отходила в первом часу ночи. Учебный сезон уже был в разгаре, так что с билетами проблем не было. Елена Владимировна проснулась в купе в шестом часу утра, когда еще весь вагон спал, и тихонько скользнула в туалет, пока там было относительно чисто.

— Ну, как там? Умыться можно? — спросил Андрей, когда она возвратилась.

— После меня можно. А вот, после других — не гарантирую.

— Помнишь, я два года назад ехал в Уфу? С нами в купе оказались две пожилые дамочки из Бостона. Они состояли в международной экологической комиссии. И вот, одна из них утром, часов в девять прогулялась в туалет и вернулась в панике, повторяя: *It's dangerous! dangerous!* то есть, не просто грязно, а опасно. Опасно для жизни!

— Это что! — отозвался сосед сверху. Я вам анекдотик расскажу, не отличите от правды. Один интеллигент, вроде вашего мужа, вот так же сидит в купе внизу и страдает от того, что у матроса наверху ноги воняют. Потом говорит, чуть не плача: «Товарищ, вы носки меняете?» — и сверху хриплым басом: «Только на водку!»... Что же вы не смеетесь? — обиделся рассказчик на воцарившуюся тишину. — Когда мне рассказали, я очень долго смеялся, потому что прямо, как в жизни.

— Что же ты не восхитился анекдотом? — улыбнулась Елена Владимировна, когда они вышли на площадь трех вокзалов. — Человек так обиделся на нас, что даже не попрощался.

— Да я уже слышал его много раз. Солдатский юмор.

— Вот за это вас-очкариков народ и не любит. Вам утонченный юмор подавай. Слушай, давай возьмем такси. И время сэкономим, и не устанем.

— Конечно же, такси. У нас ведь впереди очередная медовая неделя!..

* * *

Многоэтажный дом Тони внутри выглядел так, словно там хозяйничала нечистая сила. Цветная кафельная облицовка была наполовину содрана со стен, в штукатурке зияли зловещие дыры, словно некий помешанный бил по ней кувалдой, на сохранившейся местами оштукатуренной поверхности теснились похабные надписи и рисунки. В лифте тоже не было живого места. Потолок был заляпан пятнами копоти, а двери и стенки изрезаны теми же матюками.

— Бедные жильцы, — простонала Елена Владимировна. Каково же им каждый день видеть этот кошмар! С каким же настроением они выходят на улицу, идут на работу?

— Вот видишь, а на четвертом этаже значительно чище. Так. Квартира двести тридцать девять.

Едва он успел нажать кнопку звонка, дверь распахнулась и Тоня, протягивая ключи, выпорхнула на лестничную площадку:

— Убегаю, опаздываю, простите, — щебетала она, захлопывая лифт. — Вечером увидимся. Пока-пока!

— Куда это она. Интересно, а если бы мы поехали не в такси, а на метро?...

— Всё хорошо, Андрюша. Сейчас я позвоню Виктору и назначу встречу, а если его нет, позвоню вечером. Всё остальное время есть наше богатство, которым мы должны хорошо распорядиться.

* * *

То самое важное лицо, которое властно подвело черту под результатами секретного заседания в Президиуме Академии наук в Москве двадцать лет назад, теперь занимало один из высших постов во всемогущей организации. Лицо сидело в генеральских погонах в огромном кабинете и размышляло о том, что в стране намечаются перемены, которые могут привести к падению авторитета власти и любимой всемогущей организации. С уходом Андропова мечты о наведении порядка в стране становились всё дальше от реальности. Никакого доверия вышеупомянутое лицо к нынешнему главе государства не испытывало. Последние полгода оно ощущало некую потребность

завершить ряд повисших дел, и в памяти как раз всплыло дело о неудавшемся эксперименте по выращиванию советских гениев. Нажав кнопку, лицо велело принести папки с делом и после краткого ознакомления затребовало свежую информацию о действующих лицах.

Через день средних лет подполковник доложил, что в данное время, к счастливому стечению обстоятельств, воспитанник и воспитатель находятся в Москве и, более того, у них назначена встреча в центре.

— Отлично. Пора это дело закрывать. Грядущие изменения во внутренней политике заставят нас писать бесконечные отчеты о проделанной работе, отвечать на жалобы, и понапрасну растраченные миллионы тоже будут поставлены нам в упрек. Схема прекращения дел вам известна. У меня всё.

Полковник козырнул и вышел.

* * *

Если случается в жизни счастье, торопись его просмаковать, торопись допить бокал до дна, чтобы не было запоздалых сожалений, что откладывал, откладывал наслаждение и дождался, что вино жизни в бокале прокисло или некто другой подскочил и выпил вместо тебя. Сегодня Елена Владимировна была счастлива, как никогда. Они встретились с Виктором, затащили его в магазин мужской одежды и купили превосходный темно-серый шерстяной костюм югославской фирмы. Потом купили пару полуботинок мягкой кожи, которая прекрасно подходила к костюму. И вот, они шли по улице вдвоем и улыбались друг другу. Андрей сказал, что такое событие необходимо отметить в ресторане, и они поднялись на второй этаж ресторана «Прага» и заказали бутылку сухого вина и много разных вкусных вещей. На выходе из ресторана к ним подошел веселый рослый парень, который столь радушно предложил им сесть в такси, что они просто не могли отказаться

— Вам куда? — спросил веселый парень.

— Нам к метро Первомайская, — ответил Андрей.

— Отлично! Если вы не против, я поеду через шоссе Энтузиастов, там мне нужно отметить. Отвезу вас — и свободен до завтра. А счетчик я выключу. Дадите трешник — и хорошо.

— Для машины семь верст — не крюк, не так ли? — пошутил Андрей.

— Точно! — Водитель развил хорошую скорость и через пятнадцать минут они уже приблизились к огромному зданию, которое протянулось на целый квартал. Водитель круто развернул вправо и поехал мимо огороженных колючей проволокой территорий, где там и тут высились кучи шлака, песка и железного лома. Увидев в зеркало недоумевающее лицо Елены Владимировны, водитель усмехнулся, подмигнул ей и сказал: «Еще минуточку, и мы на месте». После этого он рванул машину влево и по наклонному бетонному коридору въехал в совершенно непонятное сооружение.

— Я вас буквально на шестьдесят секунд оставлю. Не беспокойтесь. Вот я включаю специально для вас хорошую музыку. Шестьдесят секунд, не больше! И едем в Измайлово.

Парень хлопнул дверью и исчез. Он быстро выбежал из коридора, повернул вправо, пробежал еще десять метров и, укрывшись за кучей песка, вытащил миниатюрную коробочку с кнопкой. На счете «шестьдесят» он нажал кнопку дистанционного взрывателя и после раздавшегося в коридоре громкого хлопка неторопливо встал, закурил папироску и вразвалку отправился на остановку троллейбуса, идущего в сторону площади Дзержинского.

В совершенно разных формах, но с острым сюжетом повествуется о судьбе Бенвенуто Челлини — великого скульптора и ювелира, храброго солдата и поэта эпохи Ренессанса, и о судьбе двойника Александра Пушкина, синтезированного в биоцентре Академии Наук СССР в середине шестидесятих годов.

Судьба гения, как правило, очень непроста, но в условиях всевластия монарха, первосвященника или «силовых структур» она превращается в трагедию.

M-Graphics PUBLISHING

www.mgraphics-publishing.com
info@mgraphics-publishing.com

ISBN 978-1-934881-06-4

9 0000 >

9 781934 881064